Энвер Ходжа
Хрущёв убил Сталина дважды

ОГЛАВЛЕНИЕ

Сталин не был тираном. Предисловие Э. Ходжа.....1

ЧАСТЬ 1. СО СТАЛИНЫМ.....10

Первая встреча. Июль 1947 г.....10
Вторая встреча. Март - апрель 1949 г.....18
Третья встреча. Ноябрь 1949 г.....26
Четвёртая встреча. Январь 1950 г.....35
Пятая встреча. Апрель 1951 г. XIX съезд ВКП(б).....40

ЧАСТЬ 2. ХРУЩЁВЦЫ.....45

Смерть Сталина и борьба в советском руководстве.....47
Заговоры, интриги и покушения Хрущёва в странах Восточной Европы.....59
XX съезд КПСС. «Секретный» доклад против Сталина.....66
События в Венгрии и Польше. Андропов.....74
Хрущёв прикрывает измену именем Ленина.....90
Поспелов и Андропов в Тиране. XXII съезд КПСС. Окончательный разрыв с Хрущёвым.....101

Сталин не был тираном. Предисловие Э. Ходжа

Вся жизнь Иосифа Сталина характеризовалась непрерывной и упорной борьбой против русского капитализма, против мирового капитализма, против империализма, против антимарксистских и антиленинских течений и тенденций, вставших на службу мировому капиталу и мировой реакции. Под руководством Ленина и вместе с ним, он был одним из вдохновителей и руководителей Великой Октябрьской социалистической революции, непреклонным деятелем большевистской партии.

После установления новой власти надо было вести упорную, героическую борьбу за улучшение экономической и культурной жизни народов, освобождённых от ярма царизма и иностранных, европейских, капиталов. В этой титанической борьбе Сталин твёрдо стоял на стороне Ленина, он был борцом передовой линии.

После смерти Ленина Сталин на протяжении 30 лет руководил борьбой за победу и в защиту социализма в Советском Союзе. Вот почему в сердцах народов мира любовь, уважение и верность его делу и его личности занимают особое место. Именно поэтому капиталистическая буржуазия и мировая реакция питают исключительную вражду к этому верному ученику и выдающемуся, непреклонному сподвижнику Владимира Ильича Ленина.

Перед телом Ленина Сталин поклялся верно проводить его учение, претворить в жизнь его наказы сохранить чистоту высокого звания коммуниста, сохранить и упрочить единство большевистской партии, сохранить и неустанно закалять диктатуру пролетариата, непрерывно укреплять союз рабочего класса с крестьянством, оставаться до конца

верным принципам пролетарского интернационализма, защищать первое социалистическое государство от происков внутренних врагов - буржуазии и помещиков, как и от внешних врагов - империалистов, стремившихся к его разгрому, довести до конца дело построения социализма в шестой части мира.

Внутренние враги Советского Союза - троцкисты, бухаринцы, зиновьевцы и другие - были тесно связаны с внешними капиталистами, так как являлись их приспешниками. Некоторые из них находились в рядах большевистской партии с намерением взять крепость изнутри, извратить правильную, марксистско-ленинскую линию этой партии, возглавляемой Сталиным, тогда как некоторые другие находились вне партийных рядов, но зато в государственных органах и составляли заговоры, под сурдинку и в открытую срывали дело социалистического строительства. В этих условиях Сталин упорно проводил один из главных наказов Ленина - решительно очищать партию от всех оппортунистических элементов, от всех тех, кто капитулировал перед давлением буржуазии и империализма и перед всяким чуждым марксизму-ленинизму взглядом. Борьба, которую Сталин, стоя во главе большевистской партии, вёл против троцкистов и бухаринцев, является прямым продолжением борьбы Ленина, глубоко принципиальной, спасительной борьбой, без которой не было бы ни социалистического строительства, ни возможности защищать социализм.

Иосиф Сталин понимал, что победы можно было одержать и отстоять усилиями, лишениями, потом, борьбой. Он никогда не выказывал беспочвенного оптимизма при достижении побед и никогда не впадал в пессимизм перед лицом возникавших трудностей. Напротив, Сталин показал себя исключительно зрелым деятелем, умеренным в своих мыслях, решениях, действиях. Будучи великим человеком, он сумел завладеть сердцами партии и народа, мобилизовать их энергию, закалить борцов в битвах и сражениях и поднять их политически и идеологически, сделать способными выполнить великое, невиданное дело.

Сталинские пятилетки развития народного хозяйства и культуры превратили первую в мире страну социализма в могучую социалистическую державу. Руководствуясь ленинскими положениями о преимущественном развитии тяжёлой промышленности в деле социалистической индустриализации, большевистская партия во главе со Сталиным дала стране мощную промышленность для производства средств производства, гигантскую машиностроительную промышленность, способную обеспечить быстрое развитие всего народного хозяйства в целом, и все необходимые средства, как и обеспечить несокрушимую оборону. Тяжёлая социалистическая индустрия была создана, как говорил Сталин, «внутренними силами, без кабальных кредитов и займов извне». Сталин разъяснил всем, что при создании тяжёлой индустрии советское государство не могло идти тем путём, которым идут капиталистические страны - получать займы извне или грабить другие страны.

После коллективизации сельского хозяйства в Советском Союзе создалось современное социалистическое сельское хозяйство, основанное на прочной сельскохозяйственной механике - производстве социалистической тяжёлой индустрии, и тем самым была решена проблема зерновых и других главных земледельческих и животноводческих продуктов. Это Сталин дальше разработал ленинский кооперативный план, руководил делом проведения в жизнь этого плана в ожесточённой борьбе с врагами социализма - с кулачеством, бухаринскими предателями, бесчисленными трудностями и препятствиями, являвшимися результатом не только вражеской деятельности, но и отсутствия опыта, частнособственнической психологии, которая имела глубокие корни в сознании крестьян. Хозяйственное укрепление и поднятие культурного уровня способствовали укреплению государства диктатуры пролетариата в Советском Союзе.

* * *

Мировой капитализм видел в Советском Союзе своего опасного врага, поэтому он пытался изолировать его на международной арене, тогда как внутри его стал поощрять и организовывать заговоры ренегатов, шпионов, предателей и правых уклонистов. Диктатура пролетариата беспощадно била по этим опасным врагам. Всех изменников судили публично. Их виновность в то время была подтверждена неоспоримыми доказательствами и самым убедительным образом. Относительно состоявшихся в Советском Союзе в соответствии с революционным законодательством судебных процессов по делу троцкистов, бухаринцев, радеков, Зиновьевых, Каменевых, пятаковых и Тухачевских большой шум подняла буржуазная пропаганда, которая ещё больше усилила и возвела в систему свою клеветническую и уничижающую шумиху против справедливой борьбы советской власти, большевистской партии и Сталина.

Чего только не выдумывали внешние враги, особенно против Иосифа Сталина, талантливого вождя Советского Союза, которого они назвали «тираном», «убийцей» и «кровопийцей». Все эти клеветнические измышления отличались явным цинизмом. Нет, Сталин не был тираном, не был деспотом. Он был человеком принципиальным, справедливым, скромным, чутким и очень внимательным к людям, к кадрам, к своим сотрудникам. Вот почему его так сильно любили партия, народы Союза Советских Социалистических Республик, весь мировой пролетариат. Таким его знали миллионы коммунистов и выдающиеся революционные и прогрессивные деятели в мире. Описывая образ Сталина, Анри Барбюс в своей книге «Сталин» отмечает, в частности: «Он установил и поддерживает контакты с рабочим, крестьянским и интеллектуальным народом в СССР, как и с революционерами мира, у которых в сердце их родина, - следовательно, более чем с 200 миллионами человек». И он добавлял: «Этот прозорливый и остроумный человек, скромен... Он по-детски улыбается... Во многих отношениях Сталин похож на В. Ильича:

такое же овладение теорией, такая же деловитость, такая же решительность... В Сталине больше, чем в кем бы то ни было, найдёшь мысль и слово Ленина. Он - Ленин сегодня».

Все мысли и дела Сталина, написанные и претворённые в жизнь, красной нитью пронизаны последовательно революционными, марксистско-ленинскими идеями. Ни одной принципиальной ошибки нельзя найти в трудах этого выдающегося марксиста-ленинца. Его дело отвечало интересам пролетариата, трудящихся масс, интересам революции, социализма и коммунизма, интересам национально-освободительной и антиимпериалистической борьбы. Он не был эклектиком в своих теоретических и политических мыслях, не допускал колебаний в своих практических действиях. Тот, кто опирался на искреннюю дружбу Иосифа Сталина, тот был уверен в своём движении вперёд, к счастливому будущему своего народа. Тот, кто лукавил, не мог ускользнуть от бдительности и острого суждения Иосифа Сталина. Это суждение имело своим источником великие идеи марксистско-ленинской теории, выкристаллизовавшиеся в его остром уме и в его чистой душе. Он сумел всю жизнь, даже среди враждебных бурь и ураганов, крепко держать и правильно направлять руль социализма.

Сталин знал, когда и в какой мере надо идти на компромиссы, с тем чтобы они не посягали на марксистско - ленинскую идеологию, напротив, приносили бы пользу революции, социализму, Советскому Союзу и друзьям Советского Союза.

Пролетариат, марксистско-ленинские партии, подлинные коммунисты и все прогрессивные люди в мире находили правильными, разумными и нужными спасительные действия большевистской партии и Сталина в защиту нового, социалистического общественно-экономического строя и государства. Дело Сталина одобряли мировой пролетариат и народы мира, ибо они сознавали, что он боролся против гнёта и эксплуатации, которые они испытывали на себе. Народы слышали клеветнические измышления на Сталина именно из уст тех извергов, которые устраивали пытки и массовое истребление в капиталистическом обществе, из уст тех, кто был виновником голода, нищеты, безработицы и неисчислимых лишений, поэтому они не верили измышлениям.

* * *

В то время как мировой капитализм ослабевал, в Советском Союзе социализм, как новый строй будущего, торжествовал. В этих условиях капитализму приходилось использовать абсолютно все средства, чтобы нанести смертоносный удар великому социалистическому государству пролетариев, указывавшему миру путь спасения от эксплуатации, поэтому капиталисты подготовили и развязали Вторую мировую войну. Они восстановили, оказали поддержку, вооружили гитлеровцев и натравили их на «большевизм», на Советский Союз, подняли их на борьбу за осуществление мечты о «жизненном пространстве» на Востоке. Советский Союз понял грозившую ему опасность. Сталин был бдителен, он

прекрасно знал, что клевета, которую измышляла против него международная капиталистическая буржуазия, утверждавшая, будто он не боролся против возраставшего фашизма и нацизма, представляла собой обыкновенные словеса этой буржуазии и гитлеровской «пятой колонны», рассчитанные на надувательство мировой общественности и на осуществление их замыслов - нападения на Советский Союз.

Седьмой конгресс Коминтерна по праву назвал фашизм в 1935 году величайшим врагом народов в конкретных условиях того времени. Этот конгресс по личной инициативе Сталина выдвинул лозунг об общем антифашистском народном фронте, который должен был быть создан в каждой стране с целью разоблачения агрессивных и захватнических планов и деятельности фашистских государств и поднятия народов на ноги против этих планов и против этой деятельности, чтобы предотвратить грозившую миру новую империалистическую войну.

Никогда, ни в какие моменты Сталин не забывал о той опасности, которая грозила Советскому Союзу. Он всегда вёл решительную борьбу и давал чёткие указания о том, как закалять партию для грядущих битв и сражений, как сплотить народы Советского Союза марксистско-ленинским стальным единством, как укреплять советскую экономику социалистическим путём, как упрочить оборону Советского Союза материальными средствами и кадрами и вооружать её революционной стратегией и революционной тактикой. Это Сталин на фактах из самой жизни указывал и доказывал, что империалисты являются поджигателями, что империализм является носителем захватнических войн, в связи с чем он советовал людям быть всегда начеку и готовыми к отражению любых действий гитлеровских нацистов, итальянских фашистов и японских милитаристов, которые могли быть предприняты ими вместе с остальными мировыми капиталистическими державами. Слово Сталина ценили как золото, оно стало путеводной звездой для пролетариев и народов мира.

Сталин предложил правительствам великих капиталистических держав Западной Европы создать союз против гитлеровской чумы, однако эти правительства отклонили такое предложение; более того, они нарушили даже ранее заключённые с Советским Союзом союзы, так как надеялись, что гитлеровцам удастся уничтожить «семя большевизма», что гитлеровцы вытащат для них каштаны из огня.

В этой серьёзной обстановке, чреватой большими опасностями, провалившись в своих стараниях убедить правителей так называемых западных демократий в необходимости создать совместный антифашистский союз, Сталин нашёл целесообразным добиться отдаления войны против Советского Союза, с тем чтобы выиграть время для дальнейшего укрепления обороны. С этой целью он подписал пакт о ненападении с Германией. Этот пакт был призван служить «модус вивенди» для временного предотвращения опасности, ибо Сталин видел гитлеровскую агрессивность, поэтому и был подготовлен к её отражению.

* * *

Многие буржуазные и ревизионистские политики и историки утверждают и пишут, будто гитлеровская агрессия застала Советский Союз неподготовленным, и винят в этом Сталина! Между тем факты отвергают подобную клевету. Известно, что гитлеровская Германия, будучи агрессивным государством, нарушив пакт о ненападении, совершенно вероломно и по-пиратски воспользовалась стратегической внезапностью и численным превосходством огромной силы примерно в 200 дивизий, своих и своих союзников, которые она бросила в «молниеносную войну», с помощью которой, согласно планам Гитлера, Советский Союз должен был быть разгромлен и побеждён не более чем за два месяца!

Но что произошло на самом деле - известно. «Молниеносная война», которая имела успехи везде в Западной Европе, на Востоке провалилась. Красная Армия, обладая очень прочным тылом, пользуясь поддержкой всех народов Советского Союза, во время своего отступления обескровила силы врага и наконец пригвоздила их на месте, затем перешла в контрнаступление и рядом последующих ударов сокрушила их, заставив гитлеровскую Германию принять безоговорочную капитуляцию. В истории навсегда записана решающая роль Советского Союза в деле разгрома гитлеровской Германии, уничтожения фашизма вообще во Второй мировой войне.

Как это мог провалиться гитлеровский план «молниеносной войны» против Советского Союза и как этот последний мог сыграть столь большую роль в деле спасения человечества от фашистского рабства без всесторонней предварительной подготовки к обороне, без железной силы и стальной жизнеспособности социалистической системы, выдержавшей самое суровое и самое великое испытание во Второй мировой войне? Как можно отделять эти победы от исключительной роли Сталина как в подготовке страны к отражению империалистической агрессии, так и в разгроме гитлеровской Германии и в исторической победе над фашизмом? Любые попытки хрущёвских ревизионистов отделить Сталина от партии и от советского народа в связи с решающей ролью социалистического государства в достижении этой победы разбиваются в пух и прах исторической действительностью, которую никакая сила не может не то что стереть, но даже оспаривать или затмевать.

Борьба народов Советского Союза, возглавляемых Сталиным, привела к освобождению целого ряда стран и народов от нацистского рабства, способствовала установлению народно-демократического строя во многих странах Восточной Европы, вызвала подъём национально-освободительной, антиимпериалистической и антиколониальной борьбы, содействуя, тем самым, распаду и крушению колониальной системы, созданию в мире нового соотношения сил в пользу социализма и революции.

Хрущёв без зазрения совести называл Сталина «замкнутым» человеком, якобы не разбиравшимся в обстановке в Советском Союзе и в

мировой обстановке, человеком, якобы не знавшим, где были дислоцированы соединения Красной Армии и якобы управлявшим ими только по школьному глобусу!

Между тем, неоспоримые заслуги Сталина вынуждены были признать даже такие лидеры мирового капитализма, как Черчилль, Рузвельт, Трумэн, Иден, Монтгомери, Гопкинс и другие, хотя они не скрывали своей вражды к марксистско-ленинской политике и идеологии, как и к самому Сталину. Я читал их воспоминания и видел, что эти лидеры капитализма с уважением отзываются о Сталине, как государственном деятеле и полководце, они называют его великим человеком, «наделённым изумительным стратегическим чутьём», «невиданным умением быстро улавливать проблемы». Черчилль говорил о Сталине: «...Я уважаю этого великого и выдающегося человека... Очень немногие люди в мире могли понять так, в немногие минуты, вопросы, на которые мы тратили многие месяцы. Он улавливал всё за секунду».

Хрущёвцы стремились создать иллюзию о том, будто не Сталин, а они, видите ли, руководили Великой Отечественной войной Советского Союза против нацизма! А между тем всем известно, что в это время они приютились под сенью Сталина, которому пели лицемерные гимны, заявляя: «Всеми своими победами и успехами мы обязаны великому Сталину» и т.д. и т.п. в такое время, когда они готовились к подрыву этих побед. Подлинные гимны, выходившие из сердца, пели славные советские воины, которые с именем Сталина на устах грудью стояли за свою родину в исторических битвах.

* * *

Несмотря на скрытые и открытые попытки внутренних и внешних врагов Советского Союза подорвать социализм после Второй мировой войны, великим международным проблемам тон задавала именно правильность сталинской политики. Страна Советов, испепелённая войной и оставившая на полях битв 20 миллионов человек, была восстановлена с поразительной быстротой. Этот огромный труд был проделан советским народом, советским рабочим классом и колхозным крестьянством под руководством большевистской партии и великого Сталина.

Сталин был подлинным интернационалистом. Он тщательно учитывал ту особенность советского государства, что оно было основано в результате объединения многих республик, состоявших из многих народностей, многих национальностей, поэтому государственное устройство этих республик он совершенствовал, соблюдая равноправие между ними. Своей правильной, марксистско-ленинской политикой в национальном вопросе Сталин смог выпестовать и закалить боевое единство различных народов Союза Советских Социалистических Республик. Стоя во главе партии и советского государства, он способствовал превращению «тюрьмы народов», какой была старая царская Россия, в свободную, независимую и суверенную страну, где бы

народы и республики жили в согласии, дружбе, единстве и в условиях равноправия.

Сталин знал нации и их историческое формирование, он знал различные особенности культуры и психологии каждого народа и подходил к ним сквозь марксистско-ленинскую призму.

Интернационализм Иосифа Сталина ярко проявился и в отношениях, построенных между народно-демократическими странами, которые он считал свободными, независимыми, суверенными странами, близкими союзниками Советского Союза. Он никогда не представлял себе эти государства как государства, подчинённые Советскому Союзу политически или экономически. Это была правильная, марксистско-ленинская политика, проводившаяся Сталиным.

Империалисты, хрущёвцы и все другие враги обвиняли Сталина в том, будто после Второй мировой войны он разделил зоны влияния, войдя в соглашение с бывшими антифашистскими союзниками - Соединёнными Штатами Америки и Великобританией. Это обвинение, как и остальные, время выбросило на свалку. После Второй мировой войны Сталин с образцовой справедливостью отстаивал народы, их национально-освободительную борьбу, их национальные и социальные права от вожделений бывших союзников по антифашистской войне.

Враги коммунизма, начиная с мировой буржуазной реакции и вплоть до хрущёвцев и всех других ревизионистов, всеми способами старались затмить и исказить все высокие качества этого великого марксиста-ленинца, все его ясные мысли и правильные деяния, и очернить первое социалистическое государство, созданное Лениным и Сталиным.

Хрущёвцы, эти новые троцкисты, бухаринцы, зиновьевцы и Тухачевские коварно поощряли чувство высокомерия и превосходства людей, участвовавших в войне. Они поощряли привилегии для элиты, проложили широкий путь бюрократизму и либерализму в партии и государственных органах, попрали настоящие революционные нормы, и им удалось постепенно насадить в народе пораженчество. Все свои злодеяния они выдавали за последствия «сурового и сектантского поведения, как и метода и стиля работы» Сталина. Это коварное дело тех, которые действовали исподтишка, служило для надувательства рабочего класса, колхозного крестьянства и интеллигенции, для приведения в движение всех притаившихся до того времени диссидентов.

Диссидентам, карьеристам и разложившимся элементам они говорили, что для них теперь настала «настоящая свобода» и что эту «свободу» им принесли Никита Хрущёв и его группа. Это было подготовкой почвы для разгрома социализма в Советском Союзе.

* * *

Эти подлости всплыли наружу вскоре после смерти, или, вернее, после убийства Сталина. Я говорю «после убийства Сталина» потому, что сам Микоян говорил нам, что они вместе с Хрущёвым и их компанией

решили совершить покушение и убить Сталина, но позднее, как говорил нам Микоян, они отказались от этого плана. Это известный факт, что хрущёвцы с нетерпением ждали смерти Сталина. Обстоятельства смерти его неясны.

В этом отношении неразрешимой таинственностью остаётся и вопрос о «белых халатах» - процесс по делу врачей Кремля, которые при жизни Сталина были обвинены в попытке умертвить многих руководителей Советского Союза. После смерти Сталина эти врачи были реабилитированы, и этим было покончено с этим делом. А почему было замято это дело?! Была ли доказана преступная деятельность этих врачей, когда их судили, или нет? Вопрос о врачах был замят потому, что, если бы следствие было продолжено и позднее, если бы рылись ещё глубже, то это вывело бы на чистую воду многое, обнаружило бы много преступлений и много заговоров замаскированных ревизионистов с Хрущёвым и Микояном во главе. Так могла бы объясниться и неожиданная смерть за короткий для излечимых болезней срок Готвальда, Бейрута, Фостера, Димитрова и некоторых других. Так могла быть доказана и подлинная причина неожиданной смерти Сталина.

Хрущёв и его группа для достижения своих низкопробных целей и осуществления планов борьбы с марксизмом-ленинизмом и с социализмом, бесшумно и таинственно одного за другим ликвидировали многих из главных руководителей Коминтерна. Так, помимо других, они атаковали и дискредитировали Ракоши, которого сняли с поста и сослали в глухие степи России.

Никита Хрущёв и его соумышленники в «секретном» докладе, с которым они выступили на своём XX съезде, облили грязью Иосифа Виссарионовича Сталина и постарались унизить его самым отвратительным образом, самыми циничными троцкистскими методами. Скомпрометировав часть кадров в руководстве Коммунистической партии Советского Союза, хрущёвцы порядочно использовали их, а затем дали им пинка, ликвидировали их как антипартийных элементов. Хрущёвцы, с Хрущёвым во главе, осудившие «культ Сталина» в целях сокрытия своих последующих преступлений против Советского Союза и социализма, превознесли до небес культ Хрущёва.

Жестокость, коварство, вероломство, подлость характера, тюремные заключения и убийства, которые у самих этих высокопоставленных работников партии и советского государства были в крови и вошли в практику, они приписали Сталину. При жизни Сталина именно эти люди пели пышные дифирамбы ему с целью скрыть свой карьеризм, свои неприглядные цели и деяния. В 1949 году Хрущёв называл Сталина «гениальным вождём и учителем», он говорил, что «имя товарища Сталина - это знамя всех побед советского народа, знамя борьбы трудящихся всего мира». Микоян оценивал произведения Сталина как «новую, более высокую историческую ступень ленинизма». Косыгин говорил, что «всеми нашими победами и успехами мы обязаны великому Сталину» и т.д. и т.п. А после его смерти они заговорили иначе. Именно

хрущёвцы задушили голос партии, задушили голос рабочего класса и заполнили концентрационные лагеря патриотами; именно они выпустили из тюрем подлых предателей, троцкистов и всех врагов, которых время и факты выставили напоказ как противников социализма и агентуру иностранных врагов-капиталистов, что, впрочем, они снова доказали и сами своей борьбой как диссиденты.

Это хрущёвцы конспиративно и таинственно «судили» и осудили не только советских революционеров, но и многих лиц из других стран. В своих записях я писал об одной встрече с советскими руководителями, где присутствовали Хрущёв, Микоян, Молотов и некоторые другие. Поскольку Микоян собирался ехать в Австрию, Молотов, как бы в шутку, сказал, обращаясь к нему: «Осторожно, не завари «кашу» в Австрии, как заварил её в Венгрии». Я сразу спросил у Молотова: «А что, разве Микоян заварил «кашу» в Венгрии?» Он ответил мне: «да» и дальше сказал, что, «если Микоян вновь поедет туда, то его повесят». Микоян, этот скрытый антимарксистский космополит, ответил ему: «Если повесят меня, то повесят и Кадара». Но даже если бы их обоих повесили, то интриги и подлости всё равно остаются аморальными явлениями.

Хрущёв, Микоян и Суслов сначала взяли под защиту заговорщика Имре Надья, а затем осудили и тайно казнили его где-то в Румынии! По какому праву они обошлись так с иностранным гражданином? Его, хотя он был заговорщиком, должно было судить только его государство, по отношению к нему не были допустимы никакие иностранные законы, суды или меры наказания. Сталин никогда не допускал подобных действии.

Нет, Сталин никогда не поступал так. Изменников партии и советского государства он судил открыто. Партии, советскому народу открыто были показаны совершённые ими преступления. Никогда не найдёшь у Сталина таких мафиозных методов, какие находишь у советских ревизионистских лидеров.

К таким методам прибегали и прибегают советские ревизионисты и друг против друга в их борьбе за власть, как это поступают в любой капиталистической стране. Путчем захватил власть Хрущёв, путчем же низложил его с престола Брежнев.

Брежнев и его соумышленники убрали Хрущёва, чтобы избавить ревизионистскую политику и идеологию от дискредитирования и изобличения, являвшихся следствием его сумасбродных деяний, его несусветных глупостей. Он нисколько не отверг хрущёвизма, докладов и решений XX и XXII съездов, где воплощён хрущёвизм. Но Брежнев показал себя настолько неблагодарным в отношении Хрущёва, которого он раньше так превозносил, что даже не нашёл и дырку в кремлёвских стенах, куда можно было положить прах его, когда он умер! Кстати, советский народ и мировая общественность никогда не были проинформированы о настоящих причинах низложения Хрущёва. В официальных ревизионистских документах «основной причиной» всегда приводилось «преклонный возраст и ухудшение состояния здоровья»!!

* * *

Сталин совершенно не был таким, как его обзывали и обзывают враги коммунизма. Наоборот, он был принципиальным и справедливым. Он, смотря по обстоятельствам, умел помогать заблуждавшимся и изобличать их, поощрять и отмечать особые заслуги тех, которые верно служили марксизму-ленинизму. Известны случаи с Рокоссовским и Жуковым. Когда Рокоссовский и Жуков ошиблись, они были подвергнуты критике и сняты с постов. Но их не отвергли прочь, как неисправимых, наоборот, им тепло помогали, и в моменты, когда было найдено, что эти кадры уже исправились, Сталин выдвинул их на посты, присвоил им звание маршала и в период Великой Отечественной войны поручил им чрезвычайно важные задания на главных фронтах войны против гитлеровских захватчиков. Так, как поступал Сталин, мог поступать только вождь, которому был ясен и который проводил в жизнь принцип марксистско-ленинской справедливости при оценке работы людей, с их положительными сторонами и ошибками.

После смерти Сталина маршал Жуков стал орудием Никиты Хрущёва и его группы; он поддерживал предательскую деятельность Хрущёва против Советского Союза, большевистской партии и Сталина. Наконец, Никита Хрущёв выбросил Жукова, как выжатый лимон. То же самое сделал он и с Рокоссовским, и многими другими главными кадрами.

Многие советские коммунисты были соблазнены демагогией хрущёвской ревизионистской группы и подумали, что после смерти Сталина Советский Союз взаправду станет настоящим раем, как стали трезвонить ревизионистские предатели. Они с помпой заявили, что в 1980 году в Советском Союзе будет установлен коммунизм!! Но что же произошло? Произошло обратное, да иначе не могло и быть. Ревизионисты захватили власть не для процветания Советского Союза, а для возвращения его назад, для превращения его, как и превратили, в капиталистическую страну, для подчинения его экономически мировому капиталу, для заключения тайных и открытых соглашений с американским империализмом, для подчинения народов и стран народной демократии под маской военных и экономических договоров, чтобы держать эти страны под ярмом и создать рынки и зоны влияния в мире.

Сам Хрущёв рассказывал нам, что Сталин говорил им, что они продадут Советский Союз империализму. И фактически так и произошло, его слова подтвердились.

Народы мира, мировой пролетариат, трезвые люди с чистым сердцем при создавшихся ситуациях сами могут судить о правильности позиций Сталина. Только в широкой политической, идеологической, экономической и военной платформе люди могут судить о правильности его марксистско-ленинской линии.

Оценивая дело Сталина в целом, каждый может понять гениальность и коммунистический дух этого выдающегося деятеля и убедиться в том, что людей, подобных ему, мало знает современный мир.

Из статьи Э. Ходжа, посвящённой 100-летию со дня рождения И.В. Сталина

Часть 1. Со Сталиным

Первая встреча. Июль 1947 г.

14 июля 1947 года я прибыл в Москву с дружественным визитом в Советский Союз, во главе первой официальной делегации Правительства Народной Республики Албании и Коммунистической партии Албании.

Радость моя и других товарищей, которым Центральным Комитетом было поручено поехать в Москву и встретиться с великим Сталиным, была неописуемой. О встрече со Сталиным мы мечтали всегда, денно и нощно, с тех пор как мы ознакомились с марксистско - ленинской теорией. Это желание усилилось ещё больше в ходе Антифашистской Национально-освободительной борьбы. После выдающихся фигур - Маркса, Энгельса и Ленина - товарищ Сталин был для нас чрезвычайно дорогим и уважаемым, ибо его указания руководили нами в борьбе за основание Коммунистической партии Албании как партии ленинского типа, вдохновляли нас во время Национально-освободительной борьбы и помогали нам в строительстве социализма.

Беседы со Сталиным и его советы должны были явиться путеводными в нашей огромной и трудной работе по закреплению завоёванных побед.

Вот почему наш первый визит в Советский Союз явился неописуемой радостью и огромным удовольствием не только для коммунистов и нас, членов делегации, но и для всего албанского народа, с нетерпением ждавшего этого визита, который он воспринял с огромным энтузиазмом.

Сталин и Советское правительство, как мы увидели собственными глазами и почувствовали нашими сердцами, приняли нашу делегацию очень сердечно и тепло, с искренней любовью. За 12 дней нашего пребывания в Москве мы несколько раз встречались с товарищем Сталиным, и проведённые с ним беседы, его искренние и товарищеские советы и наказы мы бережём и будем на всю жизнь беречь как нечто дорогое...

Я никогда не забуду первой встречи с Иосифом Виссарионовичем Сталиным. Это было 16 июля 1947 года, в третий день нашего пребывания в Москве. Тот день начался необычно: ещё утром мы съездили в Мавзолей великого Ленина, с благоговением склонили голову перед телом гениального вождя революции, перед тем человеком, чьё имя и колоссальное дело глубоко были запечатлены в наших умах и сердцах, озарили и озаряли нам славный путь борьбы за свободу, революцию и социализм. По этому случаю, от имени албанского народа, нашей Коммунистической партии и от себя лично я возложил к постаменту Мавзолея бессмертного Ленина разноцветный венок. Отсюда, осмотрев кладбище отважных борцов Октябрьской социалистической революции, выдающихся деятелей Большевистской партии и Советского государства, похороненных у подножия Кремлёвских стен, мы пошли в Центральный

Музей Владимира Ильича Ленина. Более двух часов мы переходили из одного зала в другой, близко знакомясь с документами и экспонатами, подробно изображавшими жизнь и выдающееся дело великого Ленина. Прежде чем покинуть музей, в книгу отзывов музея, в частности, я занёс и следующие слова: «Дело Ленина бессмертно, оно будет жить в сердцах грядущих поколений. Память о нём всегда будет жить в сердцах албанского народа».

Именно в этот день, полный неизгладимых впечатлений и эмоций, нас принял и с нами имел долгую беседу верный ученик и продолжатель дела Ленина, Иосиф Виссарионович Сталин.

Он с самого начала создал нам такую товарищескую атмосферу, что мы скоро почувствовали облегчение от того естественного волнения, которое нас охватило при входе в его кабинет - просторный зал с длинным столом для заседаний рядом с его рабочим столом. Несколько минут спустя после первых сказанных слов у нас было такое чувство, будто мы не беседовали с великим Сталиным, а сидели с товарищем, которого мы знали раньше, с которым мы беседовали много раз. Тогда я был ещё молодым и представителем малой партии и малой страны; поэтому, для того чтобы создать мне как можно более тёплую и товарищескую атмосферу, Сталин шутил и с любовью и большим уважением начал говорить о нашем народе, о его боевых традициях в прошлом и о его героизме в Национально-освободительной борьбе. Он говорил тихо, спокойно и со своеобразной, располагающей теплотой.

Товарищ Сталин, в частности, сказал нам, что он питал глубокую симпатию к нашему народу, как очень древнему народу Балканской зоны, имеющему древнюю историю доблести.

- Я особенно знаком с героизмом, проявленным албанским народом в Антифашистской Национально-освободительной борьбе, - продолжал он, - однако эти мои знания, естественно, не в достаточной мере могут быть обширными и глубокими, поэтому я бы попросил вас рассказать немного о вашей стране, о вашем народе, а также о проблемах, которые занимают вас ныне.

После этого я взял слово и сделал товарищу Сталину изложение длительного и славного исторического пути нашего народа, его нескончаемых битв и сражений за свободу и независимость. В особенности я остановился на периоде нашей Национально-освободительной борьбы, рассказал ему об основании нашей Коммунистической партии как партии ленинского типа, о решающей роли, которую она играла и играет в качестве единственной руководящей силы в борьбе и усилиях албанского народа к завоеванию свободы и независимости Родины, низложению старой, феодально-буржуазной власти, созданию новой, Народной власти и к успешному продвижению страны вперёд, по пути глубоких социалистических преобразований. Воспользовавшись случаем, я ещё раз поблагодарил товарища Сталина и выразил ему глубокую признательность албанских коммунистов и всего албанского народа за ту пламенную поддержку, которую

Коммунистическая партия Советского Союза, Советское правительство и он лично оказали и оказывали нашему народу и нашей партии как в годы войны, так и после освобождения Родины.

Дальше я описал товарищу Сталину глубокие политические, экономические и социальные преобразования, которые были осуществлены и шаг за шагом закреплялись в Албании в первые годы Народной власти. Внутреннее политическое и экономическое положение Албании, - сказал я ему в частности, - заметно улучшилось. Эти улучшения имеют своим источником правильное понимание необходимости преодоления трудностей и огромных усилий, которые народ и партия должны приложить к преодолению этих трудностей трудом, потом. Наш народ убеждён в правильности своего пути и твёрдо верит в Коммунистическую партию, в Правительство нашей Народной Республики, в свои созидательные силы, в своих искренних друзей; изо дня в день, благодаря мобилизации сил, самозабвению и высокому энтузиазму, он выполняет выдвигаемые перед ним задачи.

Товарищ Сталин выразил свою радость по поводу успехов, достигнутых нашим народом и нашей партией в созидательном труде, и захотел узнать побольше о положении классов в нашей стране. Особенно он интересовался нашим рабочим классом и крестьянством.

- Подавляющее большинство нашего народа, - сказал я в частности товарищу Сталину в ответ на его вопросы, - состоит из бедных, а затем и средних крестьян. Рабочий класс у нас малочисленный, у нас имеется также немалое число ремесленников, горожан, занимающихся мелкой торговлей, и незначительная интеллигенция. Все эти массы трудящихся откликнулись на призыв нашей Коммунистической партии, мобилизовались на борьбу за освобождение Родины и теперь тесно связаны с партией и Народной властью.

- Имеет ли рабочий класс в Албании традиции классовой борьбы? - спросил меня товарищ Сталин.

- До освобождения страны этот класс, - сказал я ему, - был малочисленным, только что созданным и состоял из небольшого числа подёнщиков, подмастерьев или ремесленников, работавших на небольших предприятиях и в цехах. В некоторых городах страны в прошлом рабочие устраивали забастовки, однако и они были небольшими и не связанными друг с другом как в силу немногочисленности рабочих, так и в силу отсутствия профсоюзных организаций. Невзирая на это, - сказал я товарищу Сталину, - наша Коммунистическая партия была основана как партия рабочего класса, которая должна была руководствоваться марксистско-ленинской идеологией, выражать и отстаивать интересы пролетариата и широких трудящихся масс, в первую очередь, албанского крестьянства, которое составляло и подавляющее большинство нашего населения.

Товарищ Сталин подробно расспрашивал нас о положении средних и бедных крестьян в нашей стране.

В ответ на его вопросы я рассказал товарищу Сталину о политике, которую проводила наша партия, и об огромной и всесторонней работе, которую она проделала со времени её основания, с тем чтобы опираться на крестьянство и перетянуть его на свою сторону.

- Мы поступили так, - сказал я ему, - не только исходя из марксистско-ленинского положения о том, что крестьянство является самым близким и самым естественным союзником пролетариата в революции, но и потому, что в Албании крестьянство составляло подавляющее большинство населения и веками характеризовалось великими патриотическими и революционными традициями.

В продолжение беседы я постарался охарактеризовать как экономическое положение этих крестьян после освобождения Родины, так и их культурный и технический уровень. Подчеркнув высокие качества нашего крестьянства как патриотического и трудолюбивого крестьянства, тесно связанного с землёй и Родиной и стремящегося к свободе, развитию и прогрессу, я рассказал ему и о явных пережитках прошлого, об экономической и культурной отсталости нашего крестьянства, а также о его мелкобуржуазном складе ума. Против этого положения, - отметил я, - нашей партии приходилось бороться всеми силами, и успехи у нас налицо, однако мы отдаём себе отчёт в том, что мы должны бороться больше и ещё настойчивее, с тем чтобы сделать крестьянство сознательным, чтобы оно восприняло и проводило в жизнь на каждом шагу партийную линию.

Взяв слово, товарищ Сталин сказал, что крестьяне, вообще, вначале боятся коммунизма, ибо они думают, что коммунисты отберут у них землю и всё имеющееся у них. Враги, - продолжал он, - много говорят крестьянам в этом направлении с целью отколоть их от союза с рабочим классом, увести их в сторону от политики партии и от пути социализма. Поэтому имеет большое значение тщательная и прозорливая работа Коммунистической партии, с тем чтобы, как подчеркнули и вы, крестьянство неразрывно связалось с партией и с рабочим классом.

Я в общих чертах ознакомил товарища Сталина также с социально-классовой структурой нашей партии и объяснил: ему, что эта структура верно отображает саму социальную структуру нашего народа. В этом кроется и причина того, - сказал я ему, - почему ныне в рядах нашей партии большее количество составляют коммунисты, которые по своему социальному положению - крестьяне. Политика нашей партии в этом отношении нацелена на то, чтобы шаг за шагом, по мере роста рабочего класса, соответственно росло и число коммунистов-рабочих.

Оценивая правильную политику, которую проводила наша партия с массами вообще, с крестьянством - в особенности, товарищ Сталин дал нам ряд ценных товарищеских советов о нашей будущей работе. Помимо всего другого, он высказал и мысль о том, что наша Коммунистическая партия, поскольку процент коммунистов-крестьян в её рядах более значительный, может быть переименована в Албанскую партию труда. - Во всяком случае, - отметил он, - это только моё соображение, ведь это вы, это ваша партия решает.

Поблагодарив товарища Сталина за эту ценную мысль, я сказал ему:

- Мы поставим ваше предложение на I съезде партии, который мы уже готовим, и я убеждён, что как низы партии, так и её руководство найдут его уместным и одобрят…

* * *

С товарищем Сталиным и с товарищем Молотовым мы подробно беседовали о проблемах восстановления разрушенной войною страны и строительства новой Албании. Я описал им наше экономическое положение, первые социалистические преобразования в области экономики и открывающиеся перед нами широкие перспективы, достигнутые нами успехи, стоявшие перед нами сложные проблемы и большие трудности.

Сталин выражал своё удовлетворение по поводу достигнутых нами побед и время от времени задавал мне самые различные вопросы. Особенно он поинтересовался положением нашего сельского хозяйства, климатическими условиями Албании, сельскохозяйственными культурами, которые по традиции выращивает наш народ, и т.д.

- Какие зерновые больше всего выращиваете? - спросил он меня, в частности.

- В первую очередь, кукурузу, - ответил я ему, - затем пшеницу, рожь.

- А кукуруза не боится засухи?

- Она, правда, боится, - ответил я ему, - засуха часто очень вредит нам, но, в силу отсталого положения нашего сельского хозяйства, как и в силу наших острых нужд в хлебе, наш крестьянин научился получать чего-то больше от кукурузы, чем от пшеницы. Мы принимаем меры по созданию водоотводной и оросительной сети, по осушению болот и трясин.

Он выслушивал мои ответы, более подробно расспрашивал меня и часто брал слово, давая нам очень ценные советы. Так, помню, что в тех беседах Сталин поинтересовался, на каких основах была проведена аграрная реформа в Албании, каковы были проценты земли, розданной бедным и средним крестьянам, были ли затронуты этой реформой религиозные учреждения и т.д. и т.п.

Говоря о помощи, которую государство народной демократии оказывало крестьянству, и о связи рабочего класса с крестьянством, Сталин расспросил меня о тракторах; ему хотелось узнать, имелись ли у нас в Албании машинно-тракторные станции и как они были организованы. Выслушав мой ответ, он дал нам ряд ценных советов.

- МТС, - сказал он, в частности, - вы должны создать и укрепить, и они должны хорошо обрабатывать как государственные и кооперативные земли, так и земли крестьян. Трактористы должны быть всегда на службе у крестьянства, они должны разбираться в сельском хозяйстве, культурах,

почвах, и свои знания они должны претворять в жизнь, с тем чтобы обязательно добиться роста производства. Это имеет большое значение, - продолжал он, - иначе убытки будут всесторонними: Когда мы создавали первые машинно-тракторные станции, часто бывало так, что мы обрабатывали землю крестьян, однако производство не увеличивалось. Это происходило потому, что трактористу недостаточно уметь только водить трактор; он в то же время должен быть хорошим земледельцем, он должен знать, когда и как надо обрабатывать землю.

- Трактористы, - продолжал Сталин, - это представители рабочего класса, работающие в постоянном, повседневном и непосредственном контакте с крестьянством. Поэтому они должны работать очень добросовестно, чтобы закалять союз между рабочим классом и трудовым крестьянством.

Внимание, с которым он слушал наши объяснения о нашей новой экономике и о путях её развития, произвело на нас очень большое впечатление. Как в ходе беседы об этих проблемах, так и во всех других беседах с ним, у меня врезалась в память, помимо всего прочего, одна его замечательная черта: он никогда не отдавал приказов и не навязывал своего мнения. Он говорил, советовал, вносил и различные предложения, но всегда добавлял: «Это моё мнение», «мы так думаем. Вы, товарищи, смотрите и решайте сами, исходя из вашей конкретной обстановки, в зависимости от ваших условий». Он интересовался всеми проблемами.

Когда я говорил о положении транспорта и о больших трудностях, которые нам приходилось преодолевать, Сталин спросил меня:

- Строите ли вы небольшие суда в Албании?

- Нет, - ответил я ему.

- А сосны имеются ли у вас?

- Имеются, - ответил я, - целые леса.

- Тогда, - сказал он, - у вас имеется хорошая база для строительства в будущем простых средств морского транспорта.

В продолжение беседы он спросил меня, как обстоит дело в Албании с железнодорожным транспортом, какие у нас денежные знаки, какие у нас рудники и шахты и эксплуатировались ли албанские рудники и шахты итальянцами, и т.д.

Я ответил на вопросы, заданные товарищем Сталиным, который, заканчивая беседу, сказал:

- Албанская экономика ныне находится в отсталом положении. Вы, товарищи, всё начинаете с азов. Поэтому, наряду с вашей борьбой и усилиями, мы, со своей стороны, также поможем вам, по мере наших возможностей, в восстановлении вашей экономики и укреплении вашей армии. Мы, - сказал мне товарищ Сталин, - рассмотрели ваши запросы о помощи и согласились полностью удовлетворить их. Мы поможем вам в оснащении промышленности и сельского хозяйства нужным

оборудованием, в укреплении армии, в развитии просвещения и культуры. Фабрики и прочее оборудование мы предоставим вам по кредиту, и вы выплатите их нам, когда у вас будут возможности, а вооружение предоставляется вам бесплатно, оно безвозмездно. Мы знаем, что вы нуждаетесь в ещё большем, но пока что таковы наши возможности, ведь мы сами бедны из-за военной разрухи.

- В то же время, - продолжал товарищ Сталин, - мы поможем вам специалистами для ускорения процесса развития албанской экономики и культуры. Для нефтедобычи я думаю направить к вам азербайджанских специалистов; они ведь отличные мастера. Со своей стороны, Албания пусть пошлёт в Советский Союз сыновей рабочих и крестьян учиться в целях продвижения Родины дальше вперёд.

* * *

За дни пребывания в Москве, после каждой встречи и беседы с товарищем Сталиным, мы ещё больше и ближе видели в этом выдающемся революционере, в этом великом марксисте также человека простого, чуткого и мудрого - настоящего человека. Он всем сердцем любил советский народ, он ему посвятил все свои силы и энергию, его ум и сердце были полны им. Эти качества можно было подмечать в любой беседе с ним, в любом мероприятии, которое он проводил, - с самых важных и вплоть до самых обыденных.

Несколько дней спустя после нашего прибытия в Москву я присутствовал, вместе с товарищем Сталиным и с другими руководителями партии и Советского государства, во всесоюзной физкультурной манифестации на Центральном стадионе в Москве. С какой страстью следил Сталин за этим мероприятием! Свыше двух часов он смотрел на действия участников манифестации, и, несмотря на то, что к концу манифестации пошёл дождь и несколько раз Молотов просил его уйти, он продолжал до конца с вниманием следить за действиями физкультурников, шутить, приветствовать рукой.

Помню, в конце упражнений состоялся массовый кросс. Бегуны несколько раз обегали вокруг поля стадиона. Когда соревнование уже заканчивалось, перед трибуной показался отстававший долговязый бегун. Он еле двигал ногами, тем не менее старался бежать. Он вымок до последней нитки. Сталин смотрел на этого бегуна с улыбкой, которая выражала сожаление и отеческую теплоту:

«Милый мой, - обратился он к нему про себя, - иди домой, иди домой, отдохни немного, поешь и приходи вновь! Будет ещё бег…»

В мою память навсегда врезались глубокое уважение и великая любовь Сталина к нашему народу, его желание как можно больше узнать об истории и обычаях албанского народа. На одной из встреч, во время ужина, устроенного Сталиным в Кремле в честь нашей делегации, мы имели с ним очень интересную беседу о происхождении и языке албанского народа.

- Каковы происхождение и язык вашего народа, - спросил он меня, в частности, - и не близок ли ваш народ с басками? Не верю, - продолжал затем Сталин, - чтобы албанский народ был выходцем из Далёкой Азии, он и не турецкого происхождения, ведь албанцы древнее турок. Быть может, у вашего народа общие корни с теми этрусками, которые остались в ваших горах, потому что другие, которые уехали в Италию, частично были ассимилированы римлянами, а частично перебрались на Иберийский полуостров.

Я ответил товарищу Сталину, что происхождение нашего народа очень древнее, а язык его - индоевропейский. Имеется много теорий об этом вопросе, однако правда такова, что мы происходим от иллирийцев. Мы народ иллирийского происхождения. Имеется ещё теория, выдвигающая положение о том, что албанский народ является самым древним народом Балкан и что древними, догомеровскими предками албанцев являются пеласги.

Теория о пеласгах, разъяснил я дальше, развивалась многими учёными, особенно немецкими. Они ссылаются на некоторые слова, употреблённые в «Илиаде» и «Одиссее» и употребляемые и поныне албанским народом, как, например, слово «гур», что по-русски означает «камень». Гомер это слово ставит перед греческим словом и говорит «гури-петра». Значит, можно предположить, что нашими древними предками были пеласги, которые ещё до греков заселяли Балканский полуостров.

Во всяком случае, я не слыхал, чтобы албанцы были одного и того же происхождения с басками, сказал я товарищу Сталину. Может, существует и такая теория, наподобие той, о которой вы говорили, что часть этрусков осталась в Албании, другая переселилась в Италию, а третья оттуда перебралась на Иберийский полуостров, в Испанию. Быть может, у этой теории также есть свои сторонники, однако я не в курсе её.

- У нас на Кавказе имеется местность, которая называется Албания, - как-то сказал мне Сталин. - Имеет ли это отношение к Албании?

- Я этого не знаю, - сказал я ему, - но это факт, что многие албанцы в течение веков, вследствие жестокого оттоманского ига, войн и походов османских султанов и падишахов, часто были вынуждены покинуть свои родные края и переселиться на чужбину, образуя целые деревни. Так было с тысячами албанцев, которые ещё в XV веке, после смерти нашего национального героя, Скандербега, переселились в Южную Италию, где и ныне имеются целые зоны, заселённые арберешами Италии, которые, хотя живут уже 4-5 веков на чужбине, ещё сохраняют язык и древние обычаи Родины своих предков. В то же время, - сказал я товарищу Сталину, - многие албанцы переселились в Грецию, где имеются целые зоны, заселённые арберешами Греции; другие переселились в Турцию, в Румынию, в Болгарию, в Америку и т.д. Однако о вашей местности, которая называется «Албания», - сказал я ему, - ничего конкретного не знаю.

Тогда Сталин спросил меня о ряде албанских слов. Ему хотелось знать, как мы называли орудия труда, домашнюю утварь и т.д. Я отвечал ему по-албански, и он, внимательно выслушав слова, повторял их, делал сопоставление между албанским названием орудия труда и его эквивалентом на языке кавказских албанцев. Время от времени он обращался к Молотову и Микояну с целью узнать их мнение. Получилось, что в корнях сопоставленных слов не было чего-либо похожего.

В это время Сталин нажал кнопку, и несколько секунд спустя вошёл генерал, работавший при Сталине, очень аккуратный военный высокого роста, который обходился с нами доброжелательно и дружелюбно.

- С товарищем Энвером Ходжа бьёмся решить задачу, но не можем её решить, - улыбаясь, сказал Сталин генералу. - Свяжись, пожалуйста, с профессором (и он назвал выдающегося советского языковеда и историка, имени которого не припомню) и спроси его от меня, имеется ли какая-нибудь связь между кавказскими албанцами и Албанией.

После ухода генерала Сталин взял апельсин, поднял его высоко и сказал:

- По-русски называется «апельсин». А по-албански?

- Портокал, - ответил я.

Опять он делал сопоставления, произнося слова обоих языков, и пожал плечами. Не прошло и десяти минут, как вошёл генерал.

- Я получил ответ от профессора, - сказал он нам. - Он сказал, что нет каких-либо данных, которые говорили бы о связях между кавказскими албанцами и Албанией. Но, добавил он, на Украине, в Одесской области, имеется несколько деревень (около 7), заселённых албанцами. Об этом у профессора точные данные.

Со своей стороны, я тут же дал указание нашему послу в Москве позаботиться о том, чтобы некоторые из наших студентов, которые готовились по специальности истории в Советском Союзе, проводили практику в этих деревнях и изучали вопросы о том, как и когда эти албанцы переехали в Одессу, сохраняют ли они язык и обычаи своих предков, и т.д.

Сталин, как всегда, очень внимательный, прослушал нас и сказал:

- Очень хорошо, очень хорошо будет. Ваши студенты пусть проведут практику там, причём вместе с ними пусть будут и некоторые из наших.

- Албанологические науки, - сказал я товарищу Сталину в продолжение этой непринуждённой беседы, - в прошлом не были развиты как следует, и ими больше всего занимались зарубежные исследователи. Это, помимо всего прочего, способствовало возникновению всякого рода теорий о происхождении нашего народа, нашего языка и т.д. Во всяком случае все они сходятся в одном, что албанский народ и его язык - очень древнего происхождения. Однако точное слово об этих проблемах скажут наши албанологи, которых наша партия и наше государство будут

тщательно готовить и создадут им все необходимые условия для работы.

- Албания, - сказал мне Сталин, - должна стоять на собственных ногах, потому что у неё для этого имеются все возможности.

- Мы обязательно пойдём вперёд, - ответил я ему.

- Мы, со своей стороны, всем сердцем будем помогать албанскому народу, - сказал товарищ Сталин, - потому что албанцы - добрые люди.

Весь ужин, который товарищ Сталин дал в честь нашей делегации, прошёл в очень тёплой, сердечной, непринуждённой обстановке. Первый тост Сталин провозгласил за наш народ, за дальнейшее преуспеяние и процветание нашей страны, за Коммунистическую партию Албании. Затем он поднял тост за меня, за Хюсни и за всех членов албанской делегации. Помнится, позже, когда я говорил ему о великой стойкости нашего народа в борьбе против иностранных нашествий, товарищ Сталин назвал наш народ героическим народом и вторично провозгласил тост за него. Кроме непринуждённых бесед между нами, он время от времени обращался и к другим, шутил, приветствовал их. Ел он мало, но стакан красного вина держал близко и с улыбкой чокался всякий раз, когда провозглашались тосты.

После ужина товарищ Сталин пригласил нас пойти в кремлёвское кино, где, помимо некоторых киножурналов, мы посмотрели советский художественный фильм «Трактористы». Мы уселись рядом на диван, и меня поразило внимание, с которым Сталин смотрел этот фильм советского производства. Часто он говорил громче своим тёплым голосом и комментировал нам различные моменты из событий, происходивших в фильме. Ему особенно понравилось, как тракторист-передовик, чтобы завоевать доверие своих товарищей и земледельцев, старался лучше узнать обычаи и поведение людей с поля, их помыслы и чаяния. Трудясь и живя с людьми, этот тракторист смог стать уважаемым крестьянами руководителем. Сталин в этот момент сказал нам:

- Чтобы уметь руководить, надо знать массу, а чтобы знать её, надо идти в массу.

Было уже за полночь, когда мы собрались уйти. В тот момент Сталин пригласил нас ещё раз взяться за стаканы вина и в третий раз он провозгласил здравицу «за героический албанский народ».

После этого он попрощался со всеми нами по очереди и, подавая мне руку, попросил:

- Передайте мой сердечный привет героическому албанскому народу, которому желаю успехов!

26 июля 1947 года наша делегация, очень довольная встречами и беседами с товарищем Сталиным, выехала на Родину.

Вторая встреча. Март - апрель 1949 г.

21 марта 1949 года я снова съездил в Москву во главе официальной

делегации правительства Народной Республики Албании и пробыл там до 11 апреля того же года.

В московском аэропорте нас встречали Микоян, Вышинский и др. Первая официальная встреча состоялась с Вышинским на следующий день после нашего прибытия туда, а 23 марта, в 22 часа 5 минут, я был принят в Кремле товарищем Сталиным в присутствии Вышинского и посла СССР в Албании Чувахина. Вместе со мной были Спиро Колека и Михаль Прифти, в то время наш посол в Москве.

Товарищ Сталин принял нас в своём рабочем кабинете с глубокой сердечностью. Поздоровавшись со всеми нами по очереди, он остановился передо мной:

- Мне кажется, лицо у тебя какое-то осунувшееся, - обратился он ко мне, - не болен ли ты? Или же ты устал?

- Я очень рад и счастлив, что снова встречаюсь с вами, - ответил я и, усевшись, сказал ему, что хотел бы выдвинуть некоторые вопросы.

- Вы не ограничены во времени, - сказал он мне благосклонно, с тем чтобы я мог изложить ему всё, что находил нужным.

Я кратко изложил товарищу Сталину ряд вопросов. Наш народ, сказал я ему, скромный и трудолюбивый народ. Под руководством партии он напрягает свои силы для преодоления отсталости, за воплощение в жизнь задач, выдвинутых I съездом партии.

Я отметил, что I съезд партии, наряду с курсом на социалистическую индустриализацию, дал директивы и на укрепление социалистического сектора сельского хозяйства путём умножения государственных предприятий и постепенной коллективизации в виде сельскохозяйственных кооперативов, которые будут пользоваться политической, экономической и организационной поддержкой государства.

- У вас много таких кооперативов? Какими критериями вы руководствуетесь в этой работе? - спросил меня товарищ Сталин.

Я разъяснил в связи с этим, что съезд дал установку на постепенную, обдуманную коллективизацию сельского хозяйства на добровольных началах. На этом пути мы не будем торопиться, но и не будем топтаться на месте.

- По-моему, - сказал товарищ Сталин, - что касается коллективизации сельского хозяйства, вам не следует торопиться. Ваша страна - горная, её рельеф местности в различных районах различен. И у нас в горных местностях, похожих на ваши, колхозы были созданы очень поздно.

В продолжение я говорил о проводимой у нас работе по укреплению союза рабочего класса с трудовым крестьянством, о помощи государства единоличному крестьянину, о росте сельскохозяйственной продукции, о политике заготовок сельскохозяйственных и животноводческих продуктов.

- Это очень важно, - сказал нам товарищ Сталин, - и хорошо, что вы уделяете внимание этому делу. Если албанские крестьяне будут нуждаться в тракторах, в других сельскохозяйственных машинах, в рабочем скоте, в семенах и во всяком другом, то помогите им. И не только, - подчеркнул он, - но проложите и оросительные каналы для крестьянства и потом увидите результаты всего этого. По-моему, лучше будет, если свои обязательства за такую помощь крестьянство будет выполнять натурой.

- Государство, - продолжал товарищ Сталин, - должно создавать машинно-тракторные станции. Вы не должны передавать трактора кооперативам, но государство должно помогать и единоличным крестьянам в обработке земли, если они попросят этой помощи. Так постепенно бедные крестьяне будут сознавать необходимость коллективизации. - Что касается излишков сельскохозяйственной продукции, - продолжал дальше товарищ Сталин, - то земледельцы могут распоряжаться ими по своему усмотрению, ибо в противном случае крестьяне не будут сотрудничать с правительством. Если крестьянство не увидит конкретно помощи со стороны государства, то и оно не будет помогать государству.

- Я не знаю историю и характеристики буржуазии вашей страны, - сказал потом товарищ Сталин и спросил: - У вас была торговая буржуазия?

- Была у нас торговая буржуазия, которая находилась в процессе становления, - ответил я, - но теперь она осталась ни с чем.

- Вы экспроприировали её полностью? - спросил он.

В ответ на этот вопрос я рассказал товарищу Сталину о политике, которую проводила партия ещё во время войны в отношении имущих классов, о глубокой дифференциации, определившейся отношением представителей этих классов к иностранным захватчикам, тем, что большинство из них стали сообщниками фашизма и, обагрив руки кровью народа, убежали вместе с захватчиками, а те, которым не удалось убежать, были схвачены народом и отданы под суд. Что касается тех элементов из патриотически настроенной средней и мелкой буржуазии, которые перешли на сторону народа и включились в борьбу против иноземных захватчиков, - продолжал я, - то их партия поддерживала, держала их близко к себе и указала им настоящий путь служения делу развития страны и укрепления независимости Родины. В отношении некоторых из этих элементов, как и некоторых патриотически настроенных интеллигентов, - сказал я товарищу Сталину, - в последние годы, в результате враждебной деятельности Кочи Дзодзе с компанией, была занята неправильная позиция и были приняты суровые меры, но эти ошибки теперь решительно осуждены партией, которая не допустит их повторения.

Взяв слово, товарищ Сталин сказал, что, как и по всем другим вопросам, и по этому вопросу всё зависит от конкретных условий и

конкретной обстановки каждой страны.

- Но я думаю, - отметил он, - что в первую фазу революции по отношению к патриотически настроенной буржуазии, воистину стремящейся к независимости своей страны, проводится такая политика, при которой она помогала бы в этой фазе своими средствами и богатствами. Ленин учит, - продолжал он, - что в первый период революции, там, где эта революция носит антиимпериалистический характер, коммунисты могут использовать помощь патриотически настроенной буржуазии. Это, естественно, зависит от конкретных условий, от отношения самой этой буржуазии к наиболее острым проблемам, на которые наталкивается страна, и т.д. В народно-демократических странах, например, крупная буржуазия скомпрометировала себя связью с немецкими захватчиками, она помогала им. Когда Советская армия освободила эти страны, продажная буржуазия выбрала путь эмиграции.

В продолжение своей беседы товарищ Сталин отметил, что каждая коммунистическая партия и каждое социалистическое государство должны уделять особое внимание также своим отношениям с интеллигенцией. С ней надо проводить большую, тщательную, прозорливую работу, с тем чтобы честная и патриотически настроенная интеллигенция как можно теснее связалась с народной властью.

Назвав некоторые особые черты русской революции, товарищ Сталин подчеркнул, что тогда Россия не находилась под гнётом какой-либо иностранной империалистической державы, поэтому мы, - сказал он, - выступили только против внутренних эксплуататоров, а русская национальная буржуазия, будучи эксплуататорским классом, не примирилась с нашей революцией. Несколько лет подряд у нас шла ожесточённая борьба, и русская буржуазия попросила помощи и вмешательства империалистов.

Итак, различие между русской революцией и борьбой в странах, ставших жертвами империалистических агрессоров, - налицо.

- Я говорю это, - продолжал Сталин, - чтобы показать, насколько важен учёт конкретных условий данной страны, ибо условия определённой страны не всегда одинаковы с условиями других стран. Именно по этой причине никто не должен копировать наш опыт или опыт других, надо только изучать его и извлекать пользу из него, применяя его в соответствии с конкретными условиями своей страны.

* * *

Время встречи со Сталиным протекало незаметно. Слово снова взял я и стал излагать вопросы, связанные с планом укрепления обороны и развития народного хозяйства и культуры в НРА.

- Начальник вашего Генерального штаба, - сказал товарищ Сталин, - сделал нам ряд запросов, связанных с армией. Мы отдали распоряжение удовлетворить их все. Получили ли вы то, что запросили?

- Мы не получали какого-либо ответа, - сказал я.

Сталин тут же вызывает одного генерала и поручает ему собрать точные сведения об этом вопросе. Несколько минут спустя послышался телефонный звонок. Сталин поднял трубку и, услышав ответ, сообщил мне, что товары уже отправлены.

- А рельсы вы получили? - спросил он меня. - Закончилась железная дорога?

- Получили, - ответил я, - а железная дорога уже введена в эксплуатацию. - И я стал говорить ему вообще о главных задачах плана развития народного хозяйства и культуры, как и плана повышения обороноспособности страны. Пользуясь случаем, я изложил также наши запросы о помощи от Советского Союза.

Как и раньше, наши запросы о помощи товарищ Сталин встретил с благосклонностью и заговорил совершенно открыто.

- Товарищи, - сказал он, - мы большая страна, но вы знаете, что тяжёлые последствия войны у нас ещё не все ликвидированы. Тем не менее, как сегодня, так и в будущем, мы будем помогать вам, может, и не столь уж много, но по мере возможности. Мы понимаем, что вам надо создать и развивать сектор социалистической промышленности, и в связи с этим мы согласны удовлетворить все ваши запросы, в том числе и запросы, касающиеся сельского хозяйства.

Потом, смеясь, он сказал:

- Ну а сами албанцы, будут ли они работать?

Я понял, почему он задал мне этот вопрос. Это было результатом злонамеренного информирования его армянским торговцем Микояном, который на встрече, которую я как-то имел с ним, говорил мне не только языком, далёким от языка Сталина, но и прибег к резким выражениям в своих замечаниях о выполнении планов в нашей стране - будто народ у нас не работает и т.д. Его целью было снижение темпов и размеров помощи. Так вёл себя всегда Микоян. Однако Сталин удовлетворил все наши запросы.

- Мы, - сказал он, - пошлём вам и кадры, которые вы запросили у нас, и они не пожалеют себя, чтобы помогать вам всеми силами, но, известно, они не навсегда останутся в Албании. Поэтому, товарищи, вам надо подготовить свои кадры, своих специалистов, которые заменят наших. Это важный вопрос. Сколько бы ни приезжало к вам иностранных кадров, всё равно вам надо иметь свои кадры. - Поэтому, товарищи, - посоветовал он нам, - вам надо открыть свой университет, который станет крупным центром подготовки будущих кадров.

- Мы уже открыли первые институты, - сказал я товарищу Сталину, - ив них работа идёт, но мы ещё делаем только первые шаги. Кроме опыта и учебников, у нас нет и необходимых кадров для открытия университета.

- Главное - приступить к делу, - сказал он нам, - затем шаг за шагом

всё пойдёт своим чередом. Мы, со своей стороны, поможем вам и литературой и специалистами с тем, чтобы увеличилось число высших институтов, составляющих базу для открытия в будущем университета. - Советские специалисты, - сказал нам дальше товарищ Сталин, - будут получать от албанского правительства зарплату наравне с албанскими специалистами. Не предоставляйте им никаких льгот по сравнению с вашими специалистами.

- Советские специалисты приезжают издалека, - ответил я ему, - и мы не можем выплачивать им такую же зарплату, что и нашим.

Товарищ Сталин сразу возразил мне:

- Нет, нет, пусть приезжают они из Азербайджана или какого-либо другого уголка Советского Союза. У нас свои правила относительно материального обеспечения специалистов, которых мы посылаем на помощь братским народам. Они обязаны работать всеми силами, как революционеры-интернационалисты, работать на благо Албании так же, как работают и на благо Советского Союза. Нужную разницу в окладе будет выплачивать им Советское правительство.

Поблагодарив товарища Сталина, я поставил вопросы о нужных нам специалистах для геологических и гидроэлектрических исследований, о строительстве железных дорог и о ряде проблем, связанных с перспективами нашего промышленного развития. Положительно ответив на поднятые мною вопросы, он задал мне ряд вопросов: имеется ли у вас много крупных рек для сооружения гидростанций? богата ли Албания углём?

Я ответил товарищу Сталину, а затем спросил его, можно ли нам будет направить в Советский Союз определённое число кадров специализироваться по отдельным профилям, в которых испытываем острую и срочную нужду. При невозможности, сказал я ему, желательно откомандировать к нам в Албанию нескольких специалистов из Советского Союза для подготовки наших кадров на месте.

Товарищ Сталин сказал мне:

- В этом отношении лучше будет послать нам нескольких инструкторов в Албанию, потому что, если приедут ваши люди в Советский Союз, то понадобится более длительное время на их подготовку; ведь предварительно им надо овладеть русским языком.

Товарищ Сталин порекомендовал нам обратиться в Министерство иностранных дел Советского Союза и добавил:

- Мы поручили товарищу Вышинскому вести все переговоры, поэтому со всеми запросами обращайтесь к нему.

Я сказал товарищу Сталину, что в общих чертах это и был круг вопросов, которые я хотел обсудить с ним в связи с внутренним положением в Албании, и выразил ему желание кратко проинформировать его об отношении Албании к международному политическому положению. Он посмотрел на часы и спросил меня:

- Хватит 20 минут?

- Немного больше, товарищ Сталин, если возможно, - ответил я ему.

Объяснив ему наши натянутые отношения с Югославией, я рассказал товарищу Сталину о политике жестокого террора, которую проводит клика Тито в отношении албанцев в Косове, Македонии и Черногории.

- Много ли албанцев проживает в Югославии? - спросил меня Сталин. - Какого они вероисповедания?

- Больше миллиона албанцев, - сказал я ему (Вышинский в этот момент выразил своё удивление этим внушительным числом, о котором, по всей видимости, он раньше не слыхал), и продолжил: - Почти все они мусульманского вероисповедания.

- Как же они не ассимилированы славянами, какие связи поддерживают албанцы, живущие в Югославии, с теми, которые живут в Албании? - спросил опять Сталин.

- Албанцы, проживающие в Югославии, - сказал я товарищу Сталину в ответ на его вопрос, - во все времена отличались пламенным патриотизмом и прочными связями со своей Родиной и со своими соотечественниками. Они всегда решительно противопоставлялись лихорадочным экспансионистским и ассимилирующим усилиям великосербских и великославянских реакционеров, и отстаивали свою албанскую принадлежность во всех отношениях.

Ныне клика Тито в Косове и в других местах, где живёт албанское население- в Черногории и Македонии, - проводит ту же линию и прибегает к тем же методам, к которым прибегали им подобные - царь Александр и другие в своё время. Для белградской клики Косово является весьма уязвимым местом, поэтому она там чинит сильный террор, прибегает к массовому выселению, арестам, каторжному труду и принудительному призыву в армию, а также к массовой экспроприации людей. Албанское население подвергается гонениям в титовской Югославии особенно потому, что нынешним югославским руководителям хорошо известны патриотические и революционные черты тамошнего албанского населения, они хорошо знают, что национальная проблема для этого населения всегда была кровоточащей раной, требующей лечения…

Товарищ Сталин несколько раз повторил, что, если албанское правительство будет проводить осмотрительную, умную, прозорливую политику, его дела пойдут хорошо.

Касаясь значения, которое имеет признание нашей страны на международной арене, он спросил меня:

- Какое ещё государство стучится к вам в дверь для установления дипломатических отношений? Как у вас дела с французами?

- С французами, - пояснил я, - мы поддерживаем дипломатические отношения. У них представительство в Тиране, а у нас своё в Париже.

- А с Соединёнными Штатами Америки и Англией?

- Не поддерживаем дипломатических отношений, - ответил я ему. - Соединённые Штаты Америки ещё в 1945 году поставили нам условием для установления таких отношений признание действительными всех соглашений, заключённых ими с антинародным правительством Зогу. Эти соглашения мы не можем считать законными, ибо они носят кабальный характер, и это дословно отмечено Перметским съездом. (I Антифашистский Национально-освободительный съезд проходил в освобождённом городе Пермет с 24 по 28 мая 1944 года и заложил основы нового, народно-демократического албанского государства. В частности, съезд постановил «отменить все заключённые правительством Зогу с иностранными государствами политические и экономические соглашения, противоречившие интересам албанского народа». - Прим. авт.)

- В свою очередь, англичане, - продолжал я, - хотят иметь военные базы в наших портах, а затем признать нас. Они уже давно добиваются осуществления этих целей. В то время, когда мы уже уничтожили нацистские войска и освободили почти всю страну, англичане, через некоторые находившиеся у нас свои военные миссии и под маской союзников по антифашистской войне настоятельно требовали, чтобы они, как «союзники», своим отрядом принимали участие в нашей операции по уничтожению немецкого гарнизона, расквартировавшегося в Саранде, нашем порту на Юге. Мы приняли их предложение при условии, однако, чтобы как только операция будет завершена, они сразу вернулись туда, откуда приехали, в море. Операция закончилась, а англичане не только хотели оставаться там, но и стремились пробраться в глубь страны. Генеральный штаб Национально-освободительной армии направил им ультиматум, требовавший, чтобы они немедленно покинули нашу территорию, иначе они будут боем сброшены в море. После нашего ультиматума англичане сели в свои корабли и вернулись в Грецию. Однако от своих намерений они не отказывались.

- Смотрите, как будет выгоднее для вашей страны, - сказал товарищ Сталин и продолжал: - Что касается баз, которые англичане хотят иметь в ваших портах, то никоим образом не соглашайтесь на это. Хорошо храните ваши порты.

- Мы никогда и никому не сдадим их! - сказал я ему. - Если понадобится, мы умрём, но их не сдадим.

- Храните их и не умирайте, - сказал товарищ Сталин, улыбаясь. - Тут нужна дипломатия.

После этого он встал, попрощался с нами по очереди и ушёл.

* * *

Мы вновь встретились несколько дней спустя на ужине, устроенном в Кремле в честь нашей делегации. Товарищ Сталин, я и другие сидели за столом. И на этом ужине, как и на всех других встречах с ним, мы были взволнованы и тронуты глубокой любовью Сталина к нашей стране и нашему народу, его желанием, как можно больше узнать об истории,

культуре, языке и обычаях нашего народа.

Он начал беседу, спросив меня о некоторых албанских словах.

- Мне хотелось бы услышать, - сказал он, - как по-албански звучат слова: народ, человек, хлеб, дар, жена, муж, земля?!

Я начал произносить на албанском языке эти слова, и он слушал меня сосредоточенно. Помню, по поводу одного слова возникла забавная ситуация. Он спросил меня, как будет по-албански русское слово «дар».

- Пешкеш, - ответил я тут же.

- Нет, - сказал он, - нет! - Пешкеш - это не по-албански, а по-турецки! - И засмеялся. Он смеялся очень искренне, откровенно, смеялся от души.

Выслушав произношение слов на албанском языке, товарищ Сталин сказал мне:

- Ваш язык очень древний, он в устной форме передавался из поколения в поколение. И это является фактом, свидетельствующим об устойчивости вашего народа, о той великой силе, благодаря которой он не был ассимилирован, несмотря на ураганы, которые ему приходилось отражать.

В связи с этими проблемами он спросил меня:

- Каков национальный состав албанского народа? Имеются ли сербские и хорватские меньшинства в Албании?

- Подавляющее большинство нашего народа, - сказал я ему, - составляют албанцы, но имеется и греческое национальное меньшинство (приблизительно 28 000 человек) и совсем мало македонцев (всего пять небольших деревень), а сербов и хорватов нет.

- Сколько вероисповеданий в Албании, - спросил дальше товарищ Сталин, - и на каком языке у вас говорят?

- В Албании, - ответил я, - три вероисповедания: мусульманское, православное и католическое. Население этих трёх вероисповеданий принадлежит к одной нации - албанской, поэтому и единственный язык, на котором у нас говорят - албанский, за исключением греческого национального меньшинства, которое говорит на своём родном языке.

Пока я говорил, Сталин вытащил трубку и набил её табаком. Я заметил, что он не употреблял какого-либо особого табака, а брал папиросы «Казбек», измельчал их, удалял бумагу, а табак клал в трубку. Выслушав мой ответ, он сказал:

- Вы особый народ, как и персы и арабы, у которых одинаковая с турками религия. Ваши предки существовали ещё до римлян и турок. Вопрос о религии не имеет отношения к национальности и подданству.

В ходе беседы он спросил меня:

- Вы, товарищ Энвер, кушаете свинину?

- Да, - сказал я.

- Мусульманская религия запрещает это своим верующим, - сказал он, - старинный обычай, который отжил свой век. Тем не менее, - продолжал он, - вопрос о вероисповедании надо иметь в виду, надо действовать очень осмотрительно, ведь нельзя пренебрегать религиозными чувствами народа. Эти чувства насаждались веками среди людей, так что надо действовать очень трезво, ибо отношение к этому вопросу важно для сплочённости и единства народа.

Весь ужин прошёл в очень тёплой, очень товарищеской обстановке. Товарищ Сталин, провозгласив тост за Албанскую и Советскую армии... Молотов, время от времени поднимая стакан, подбивал меня больше пить, и, увидев, что я не поддаюсь, спросил меня:

- Почему так мало?! Вы вчера выпили больше!

- А, вчера! Другое дело вчера, - сказал я ему, улыбаясь.

Молотов вмиг обратился к товарищу Сталину:

- Вчера, - сказал он, - мы с товарищем Энвером были на ужине у Вышинского. Поступила весть, что вчера, 31 марта, у Энвера Ходжа в Тиране родился сын. От радости мы выпили немного больше.

- Поздравляю! - сказал тотчас Сталин и поднял стакан. - Давайте выпьем за здоровье младенца и за вашу супругу.

Я поблагодарил товарища Сталина, пожелав ему здоровья и долгих лет жизни на благо большевистской партии и советского государства, на благо революции и марксизма-ленинизма.

Так мы провели несколько часов в этой столь тёплой, сердечной и семейной обстановке. Как у меня, так и у всех наших товарищей глубоко врезались в память поведение и черты славного Сталина, того человека, чьё имя и дело наводили страх на врагов - империалистов, фашистов, троцкистов, реакционеров всех мастей, тогда как в коммунистах, пролетариях, народах возбуждали радость и восторг, умножая их силы и усиливая их веру в будущее.

В течение всего ужина он был в очень хорошем настроении, радостным, весёлым, очень внимательным во время непринуждённых бесед и старался, чтобы все присутствующие чувствовали себя как можно непринуждённее. Около 23 часов Сталин предложил нам:

- Не пойти ли нам выпить кофе?

Мы все встали и пошли в соседний зал.

Между тем как нам подавали кофе, за столом два советских товарища, смеясь, старались убедить Джафера Спахиу попить ещё. Джафер возражал и что-то говорил им. Сталин, как всегда внимательный, заметил это и, шутя, обратился к советским товарищам:

- А-а, это неправильно! Вы с гостем не в равных условиях. Вас двое против одного!

Мы все засмеялись и продолжали разговаривать и шутить, точно в

узком семейном кругу. Затем Сталин вновь встал.

- Товарищи, - сказал он, - теперь приглашаю вас пойти в кино.

Все встали, и Сталин увёл нас в кремлёвское кино, где он сам выбрал фильмы для нашей делегации. Это были некоторые цветные документальные фильмы, которые изображали виды различных краёв Советского Союза, и фильм «Богатая невеста».

Так закончилась наша вторая встреча со Сталиным.

Третья встреча. Ноябрь 1949 г.

В ноябре 1949 года я поехал в Москву в третий раз. По пути в Советский Союз я ненадолго остановился в Будапеште, где встретился с Ракоши, который очень сердечно принял меня и поинтересовался экономическим положением Албании, враждебной деятельностью титовцев и борьбой греческих демократических сил. Говорили мы по-товарищески, обменивались мнениями по ряду вопросов, и он, насколько я помню, ввёл меня в курс положения в Венгрии.

По пути в Москву я остановился в Киеве. Там меня встретили исключительно хорошо.

В Москве меня встретили Лавреньтев, маршал Соколовский, Орлов и другие военные и гражданские деятели. Затем я встретился с Маленковым, с которым имел первую короткую беседу.

Маленков сказал мне, что при желании и возможности я мог записать вопросы, которые я думал поставить во время переговоров, с тем чтобы ему легче было передать их товарищу Сталину.

- Затем, - сказал он, - будем ждать ответа от товарища Сталина, поедете ли вы, товарищ Энвер, в город Сухуми, где он находится для отдыха, лично поговорить с ним, или же вы будете беседовать с каким-нибудь другим товарищем из советского руководства, которого рекомендует Иосиф Виссарионович.

Вечером я записал вопросы, которые я думал поставить во время беседы, и передал их Маленкову. Сталин попросил, чтобы я отправился в Сухуми поговорить с ним. Так мы и сделали.

Встретился я со Сталиным в саду дома, где он отдыхал; замечательный сад, усаженный фруктовыми деревьями и бордюрами самых различных цветов по обеим сторонам дорожек и аллей. Увидел я его издалека, шагал он медленно, немного сгибаясь вперёд, с руками за спиной.

Как всегда, он принял меня очень сердечно и вёл себя со мной совершенно по-товарищески. Выглядел очень хорошо.

- Весь день я гуляю, - сказал он, - только во время еды видит меня дом.

Обрадовавшись тому, что снова увидел его и что он выглядел так

хорошо, я поздравил его:

- Да живите ещё сто лет, товарищ Сталин!

- Сто? - сказал он, прищурившись, и усмехнулся. - Это мало. У нас в Грузии имеются старики, которым 145 лет, и они ещё живы.

- Ещё сто лет, товарищ Сталин, так поздравляет наш народ, ещё других сто лет! - сказал я.

- Так хорошо! - сказал он, находясь в отличном расположении духа. - Это хорошо, я согласен.

Мы засмеялись.

Переговоры, в которых участвовали только товарищ Сталин и я (как и наш переводчик Стерьё Дьогореци), проходили на балконе. Было 9 часов вечера по московскому времени. Сталин был в кепке, коричневом шарфе, одежде из шерсти, тоже коричневого цвета.

Прежде чем начать переговоры, я учтиво снял шляпу и положил её на вешалку, но он сказал мне:

- Не снимай шляпу.

Я возразил, но он настаивал на этом, боясь, как бы я не простудился от влажности, и наказал своему провожатому принести мне мою шляпу.

Во время этой незабываемой встречи мы обсудили с товарищем Сталиным ряд вопросов.

Помимо всего другого, мы говорили о тяжёлом положении, сложившемся в Коммунистической партии Югославии после измены Тито, об антимарксистской, националистской и шовинистической политике, проводимой титовской кликой в отношении Албании и других стран народной демократии. Я говорил особенно о положении албанского населения Косово и других краёв Югославии.

- Своей линией в отношении Косово и других заселённых албанцами краёв Югославии, - сказал я товарищу Сталину, - Коммунистическая партия Югославии с самого начала Антифашистской борьбы и вплоть до освобождения, а тем более после освобождения, занимала и занимает шовинистические и националистские позиции. Если бы Коммунистическая партия Югославии стояла на прочных марксистско-ленинских позициях, то она должна была ещё во время Антифашистской национально-освободительной борьбы придавать особое значение вопросу об албанском населении в Югославии, ибо речь шла о большом по численности нацменьшинстве, проживающем у самых албанских границ. В первые годы войны мы считали, что вопрос о будущем Косово и других албанских краёв в Югославии не должен был быть поднят во время войны, что албанцы Косово и других албанских краёв должны бороться против фашизма в рамках Югославии, а после войны вопрос этот должен был быть решён обеими братскими партиями, народно-демократическими режимами, которые установятся в Албании и Югославии, самим тамошним албанским населением.

Главный вопрос заключался в том, чтобы албанцы Косово и других краёв Югославии были уверены и убедились, что, борясь с фашизмом плечом к плечу с народами Югославии, после победы будут свободными и им будут созданы возможности самим определить своё будущее, т. е. самим решить: присоединиться к Албании или же остаться в пределах Югославии, как народность с особым статусом.

Ещё в самом начале войны мы выразили югославским руководителям наше мнение о том, что им надо было мобилизовать албанское население в патриотическом духе, разрешить ему наряду с югославским флагом иметь и албанский флаг, думать о более широком участии албанцев в органах новой власти, которая будет создана в ходе войны, поддерживать и развивать у албанцев как высокое чувство любви к Албании, их Родине, так и чувство братства в отношении справедливой борьбы народов Югославии, установить и укрепить теснейшее сотрудничество албанских отрядов Косово с Национально-освободительной борьбой нашей страны при условии, чтобы отряды Косово и других краёв были связаны и действовали под руководством Генерального штаба Югославской национально-освободительной армии, и тд.

- Однако, как показала жизнь, - продолжал я излагать своё мнение товарищу Сталину, - югославскому руководству эти справедливые и законные требования были не по душе, поэтому оно не только делало туманные заявления по вопросам принципиального характера, но Тито как нас, так и тех югославских товарищей, которые считали наши требования справедливыми, обвинял в «националистском уклоне».

Шовинистическая и националистская политика югославского руководства в Косово и в других заселённых албанцами краях ещё больше интенсифицировалась после войны, несмотря на демагогию и принятые некоторые полумеры, каким было открытие какой-либо албанской школы на первых порах.

Всё-таки в первые послевоенные годы мы ещё считали Коммунистическую партию Югославии братской партией и надеялись, что вопрос Косово и других албанских краёв будет правильно разрешён, как только наступит подходящий момент.

Мы думали, что момент этот наступил с подписанием договора с Югославией, и тогда я изложил Тито этот вопрос. Тито спросил меня, что я думал о Косово. «Косово и другие заселённые албанцами края Югославии, - сказал я ему, - это албанские земли, которые великие державы несправедливо отняли у Албании; они принадлежат Албании и должны быть возвращены Албании. Теперь, когда оба мы - социалистические страны, существуют условия для правильного разрешения этого вопроса». Тито ответил мне: «Я согласен, мы этого хотим, но до поры до времени ничего не можем сделать, ибо сербам это трудно понять». «Если они не понимают этого сегодня, - сказал я, - то они должны понять его завтра».

В этот момент товарищ Сталин спросил меня, с каких пор я знаком с

Тито и с другими югославскими руководителями. Ответив ему, что я познакомился с ними после войны, когда впервые находился с визитом в Белграде в 1946 году, я добавил:

- Проблема Косово и албанского населения, проживающего в других краях Югославии, вопрос его будущего остаётся вопросом, который должен быть решён самим населением Косово и других краёв. Однако мы, со своей стороны, никак не вмешиваясь во внутренние дела Югославии, никогда не перестанем поддерживать права своих кровных братьев, проживающих в Югославии.

Наконец я сказал товарищу Сталину, что насчёт этого вопроса мы обратились к ним с письмом.

- Ваше письмо я прочитал, - ответил мне товарищ Сталин. - Я разделяю ваше мнение о том, что вопрос о его будущем решает и решит само население Косово.

Тито, помимо своей антимарксистской политики в отношении Косово, - отметил далее товарищ Сталин, - добивался и аннексии самой Албании. Это стало очевидно, когда Тито пытался перебросить в Албанию свои дивизии. Мы пресекли такой акт…

А теперь Тито обвиняет нас, советских, в том, будто мы вмешиваемся во внутренние дела Югославии, будто мы хотели напасть на Югославию! - прибавил Сталин с улыбкой, в которой сквозили и раздражение и глубокая ирония. - Нет, мы никогда этого не хотели и нам даже и в голову не приходит такое, ибо мы марксисты-ленинцы, мы социалистическая страна, и не можем поступать так, как думает и поступает Тито.

Я думаю, - отметил далее товарищ Сталин, - что мы, как марксисты-ленинцы, и впредь должны бичевать антимарксистские действия и взгляды Тито и югославского руководства, но, подчёркиваю, мы никак не должны вмешиваться в их внутренние дела. Это было бы не по-марксистски. Вопрос этот должны рассмотреть югославские коммунисты и югославский народ; им решать дела сегодняшнего и будущего своей страны. В этих же рамках рассматриваю я и вопрос Косово, как и остального проживающего в Югославии албанского населения. Мы ни в коем случае не должны дать повод обвинять нас в том, будто мы стремимся к распаду Югославской Федерации. Это щекотливый момент и к нему нужно подойти очень осторожно, ибо Тито, говоря: «Вот они добиваются расчленения Югославии», не только сколачивает реакцию, но и старается расположить к себе патриотически настроенные элементы.

Что касается ситуации в Албании, - подчеркнул далее товарищ Сталин, - с точки зрения международной, она определена совещанием трёх министров иностранных дел: Соединённых Штатов Америки, Великобритании и Советского Союза. Вам известны заявления Хэлла, Идена и Молотова по этому поводу. Большая шумиха поднимается о том, будто Югославия, Греция и др. нападут на Албанию, но это дело не лёгкое ни для них, ни для какого-либо другого врага… Вам следует иметь в виду документы трёх министров иностранных дел, и время от времени, в

подходящие моменты, ссылаться на них, чтобы напомнить о них «друзьям».

Зато внутреннюю ситуацию необходимо постоянно и во всех отношениях укреплять, её нужно неуклонно укреплять. Это главное, - сказал он и спросил меня: - Есть ли у вас руководимые Министерством внутренних дел силы обороны для борьбы с бандами контрреволюционеров и подавления вылазок внутренней реакции?

- Да, - ответил я. - Эти силы, состоящие из сыновей народа, проделали достойную похвалы работу особенно в первые годы для чистки страны от банд преступников, скрывавшихся в горах врагов и засылавшихся извне диверсантов. В тесном сотрудничестве с народом наши вооружённые силы всё лучше выполняют свои обязанности, а партия и народная власть заботились и заботятся о том, чтобы они были возможно лучше подготовлены и вооружены.

- Вы постоянно должны держать эти силы наготове, чтобы справиться как с контрреволюционными группами, так и с возможными бандитами, - посоветовал мне товарищ Сталин.

* * *

Вся эта встреча прошла в тёплой, радостной, весьма задушевной обстановке. После беседы, которую мы с глазу на глаз имели с товарищем Сталиным, пошли ужинать. В прихожей, перед входом в столовую, мы повесили пальто и шляпы. В столовой был длинный стол; она была обита деревянной панелью, и то здесь, то там находились столы для подачи блюд и напитков. На ужине были и два советских генерала - провожатый Сталина и ещё другой, который сопровождал меня. Сталин беседовал с нами, расспрашивал нас, шутил с нами и с двумя генералами. Когда мы сидели за столом, он подшучивал и над блюдами. Ужин был очень интересным. Никаких официантов не было. Девушка приносила все блюда в закрытых посудах, чтобы они не остывали; она ставила тарелки на стол и уходила. Сталин поднимался, сам брал блюдо, стоя отрезывал куски куриного мяса, затем садился и продолжал шутить.

- Начнём есть, - обратился он ко мне. - Чего ждёшь, - сказал он, - не думаешь ли, что придут официанты обслуживать нас? Вот у тебя тарелки, возьми, сними с них крышку и начинай есть, а то останешься ни с чем.

Он опять от всего сердца засмеялся своим смехом, который радовал и веселил душу. Время от времени он брал стакан и поднимал тост. В один момент работавший при нём генерал, увидев, что Сталин собирался взять другой напиток со стола, хотел было не дать ему это делать и попросил его не смешивать напитки. Он поступал так, потому что обязан был заботиться о Сталине. Сталин засмеялся и сказал ему, что это ничего. Но, когда генерал стал настаивать на своём, Сталин сказал ему как-то сердито, но и шутливо:

- Оставь нас в покое, ишь ты, пристал ко мне словно Тито! - И взглянул мне прямо в глаза, смеясь.

Все мы засмеялись.

К концу ужина он указал мне фрукт и спросил:

- Пробовал это?

- Нет, - сказал я, - не пробовал; как его кушать?

Он назвал его, это был фрукт из Индии или тропиков, взял, очистил его и передал мне.

- Попробуй, - сказал он мне. - Руки у меня чистые.

И мне вспомнился хороший обычай наших людей из народа, которые вот так, в ходе беседы, чистят яблоко и подают его гостю…

На этой незабываемой встрече с товарищем Сталиным, как в ходе беседы во дворе, так и во время ужина, мы в глубоко товарищеском духе говорили также о проблемах экономического и культурно-бытового развития нашей страны.

Сталин, как и на всех других встречах, в деталях поинтересовавшись нашим экономическим положением, развитием новой Албании вообще, дал мне ряд ценных советов, которые всегда помогали и помогают нам в нашей работе.

Я в общих чертах ознакомил товарища Сталина с положением наших дел, говорил ему как об успехах, достигнутых нами в выполнении планов, так и о ряде трудностей и недостатков, которые мы знали и с которыми мы боролись, чтобы преодолеть их.

- …В нашей стране имеются неэксплуатированные горные богатства. Группа учёных и геологов, которую пошлёт в этом году к нам Советское правительство, даст нам новые данные о месторождениях и количестве этих богатств… Но мы отдаём себе отчёт в том, что необходимы большие капиталовложения для максимальной активизации добычи этих продуктов. Пока что это невозможно сделать имеющимися у нас силами и средствами. Большую часть кредитов, предоставленных нам Советским правительством и странами народной демократии, мы использовали для улучшения в какой-то мере эксплуатации существующих месторождений. Вследствие этого, с одной стороны, мы не можем как следует эксплуатировать уже выявленные и подлежащие выявлению подземные богатства, такие как хром, медь и нефть, а с другой, мы не можем быстрыми темпами развивать остальные отрасли промышленности.

Наше Политбюро изучило этот вопрос, представляющий огромный интерес для будущего нашего народа, и пришло к выводу, что у нас пока нет внутренних средств, как и возможностей вполне самостоятельно проводить эту работу. В связи с этим нам хотелось бы узнать и ваше мнение о том, находите ли вы правильным создание совместных албанско-советских компаний в нефтяной, медной и хромовой промышленности? Подобную программу мы можем представить и Совету Экономической Взаимопомощи, но, прежде чем сделать это, нам хотелось бы знать ваше мнение, товарищ Сталин.

Товарищ Сталин сказал мне, что с образованием совместных албанско-советских компаний он не согласен, и объяснил мне, что кое-какие шаги, предпринятые вначале в этом направлении с отдельными странами народной демократии, они сочли ошибочными и отказались от них.

- Мы, - сказал он далее, - будем помогать вам как сегодня, так и в будущем, посылая к вам людей и предоставляя вам всё остальное в больших размерах, чем до сих пор. Практически теперь мы можем больше помогать вам, ведь наш нынешний пятилетний план осуществляется успешно.

Я поблагодарил товарища Сталина за оказанную помощь, как и за помощь, которая будет оказана нам в будущем.

- Поблагодари меня, когда помощь будет доставлена вам, - сказал он мне, улыбаясь, а затем спросил:

- На чём у вас работают поезда, на нефти или на угле?

- В основном на угле, - сказал я ему, - но полученные нами новые типы локомотивов работают на нефти.

- Вы перерабатываете нефть? Как у вас с нефтеперегонным заводом? - спросил он меня дальше.

- Сейчас мы строим новый нефтеперегонный завод с советским оборудованием, - ответил я ему. - В предстоящем году будут установлены машины.

- А уголь у вас есть?

- Есть, - сказал я ему, - причём геологические данные показывают, что наши перспективы в этой отрасли хорошие.

- Вы должны работать над выявлением и добычей как можно больших количеств угля, - посоветовал мне товарищ Сталин. - Он очень нужен для развития промышленности и экономики в целом, так что уделяйте ему внимание, а то без него вам трудно будет.

Как и на всех других встречах, товарищ Сталин проявил особое внимание и интерес к положению нашего крестьянства, к развитию сельского хозяйства, к политике нашей партии в этой важной отрасли. Он спросил меня, как у нас дела с хлебами и какие семена зерновых мы используем.

Я сказал товарищу Сталину, что мы из года в год стараемся увеличивать производство зерна, но пока проблема с продовольствием остаётся, и нам надо прилагать ещё больше усилий к обеспечению народа хлебом.

Товарищ Сталин спросил:

- Климат у вас хороший?

- Хороший, - сказал я ему.

- Да, да, - подтвердил он, - у вас всё произрастает. Важно и то, что ты сеешь. Вы, - посоветовал он мне, - должны отбирать хорошие семена; в этом деле обращайтесь к нам за помощью. В дальнейшем вы должны подготавливать много агрономов, потому что Албания страна аграрная, а сельское хозяйство развивается трудом и на основе глубоких научных знаний. Пошлите к нам, - добавил он, - и агронома для отбора семян.

Затем он спросил:

- Как у вас с хлопком? Заинтересован ли крестьянин в выращивании его?

Я сказал товарищу Сталину, что относительно этой технической культуры от прошлого мы не унаследовали никаких традиций, а теперь мы из года в год увеличиваем площадь под хлопком. Это необходимо потому, что, помимо всего другого, строящийся у нас текстильный комбинат будет работать на нашем хлопке.

- Вы должны поощрять крестьянина выращивать его, - посоветовал мне товарищ Сталин, - закупая у него хлопок по более высокой цене. Крестьянин, пока в его сознании ещё не укоренена социалистическая идеология, не даёт тебе свой продукт так легко, не зная заранее, какова польза ему от этого.

В продолжение беседы он спросил меня:

- Имеются ли у вас целинные, необработанные земли?

- Имеются, - ответил я, - как на холмах и в горах, так и в равнинных местностях. Особенно болота и трясины - тяжёлая язва как для сельского хозяйства, так и для здоровья народа.

Я добавил, что в годы Народной власти мы проделываем огромную работу по осушению болот и трясин, что мы добились ряда успехов, однако наши планы в этом секторе большие, и мы будем осуществлять их шаг за шагом.

- Крестьянство, - сказал мне товарищ Сталин, - не должно оставлять невозделанной ни одной пяди земли. Крестьянина надо убедить в необходимости увеличивать площадь обрабатываемых земель. - Для предотвращения дурных последствий болот, для борьбы с малярией, - посоветовал он мне, - сажайте эвкалипты. Это очень полезное дерево, которое растёт у нас во многих зонах. Комары сторонятся этого дерева, которое растёт быстро и поглощает воды трясин…

При этом Сталин лично дал указание принести для меня семена эвкалипта и несколько мешочков грузинской кукурузы на семена.

На этой встрече товарищ Сталин, как обычно, говорил тихо, спокойно, расспрашивал и очень внимательно слушал нас, высказывал своё мнение, советовал нам, но всегда в глубоко товарищеском духе.

- Нет рецептов на то, как надо поступать в том или ином случае, как надо решать то или иное дело, - часто повторял он в зависимости от выдвигаемых вопросов.

В ходе беседы я указал Сталину на поведение духовенства в Албании, особенно католического, на наше отношение к нему и спросил его, как он находил эту позицию.

- Ватикан, - сказал в частности товарищ Сталин, - это центр реакции, орудие на службе капиталу и мировой реакции, которые поддерживают эту диверсионную и шпионскую международную организацию. Это факт, что многие католические священники и миссионеры Ватикана являются заядлыми шпионами мирового масштаба. Через них империализм старался и старается осуществить свои цели.

Затем он рассказал мне, что однажды в Ялте, беседуя о проблемах антигитлеровской войны, Рузвельт, Черчилль и другие сказали ему: «Давайте не будем больше бороться с римским папой. За что вы обрушиваетесь на него?!»

«У меня нет никаких отношений с ним», - ответил им Сталин.

«Тогда сделаем папу союзником, - сказали они, - включим его в коалицию великих союзников».

«Согласен, - ответил им Сталин, - но антифашистский союз - это союз для ликвидации фашизма и нацизма. Как вам известно, господа, война эта ведётся солдатами, пушками, пулемётами, танками, самолётами. Пусть нам папа скажет, или скажите вы, какой армией, пушками, пулемётами, танками и т.д. располагает папа для войны, и мы сделаем его союзником. Союзников для разговоров и ладана нам не надо».

После этого они больше не упомянули о папе и Ватикане.

- Имелись ли в Албании такие католические священники, которые изменили народу? - спросил затем товарищ Сталин.

- Да, - ответил я ему, - причём главари католической церкви с самого начала присоединились к фашистским захватчикам, полностью стали на службу им, из кожи вон лезли для подрыва нашей Национально-освободительной борьбы и увековечения чужеземного господства.

- Что вы сделали с ними?

- После победы, - сказал я, - мы схватили, отдали под суд и заслуженно наказали их.

- Правильно сделали, - сказал он мне.

- Имелись ли у вас другие, которые хорошо вели себя? - спросил он.

- Да, - сказал я ему, - особенно духовники православного и мусульманского вероисповеданий.

- А что вы сделали с ними? - спросил он.

- Ещё в своей Первой резолюции наша партия призвала все массы и духовников ради великого национального дела объединиться на великую борьбу за свободу и независимость. Многие из них присоединились к нам, включились в борьбу и внесли ценный вклад в дело освобождения Родины. После освобождения они восприняли политику нашей партии,

включились в дело восстановления страны. Мы всегда ценили и уважали таких духовников; имеются среди них и такие, которые избраны депутатами Народного Собрания, которым присвоены офицерские звания. К тому же кое-кто из духовников так тесно связался с Национально-освободительным движением и с партией, что в ходе борьбы осознал никчёмность религиозной догмы, отрёкся от религии, принял коммунистическую идеологию и мы, учитывая борьбу, деятельность и убеждения таких духовников, приняли их в партию.

- Прекрасно сделали, - отметил Сталин и добавил: - Борьбу против духовников, занимающихся шпионской и диверсионной деятельностью, никогда не рассматривайте сквозь религиозную призму, но всегда рассматривайте сквозь политическую призму. Духовники должны повиноваться законам государства, потому что законы эти выражают волю рабочего класса и трудящегося народа. Хорошо разъясните народу законы и враждебность реакционного духовенства, чтобы и верующая часть населения хорошо видела, что под личиной религии и духовники ведут враждебную Родине и самому народу деятельность. Поэтому, убеждённый фактами и аргументами, народ должен вместе с правительством бороться с духовниками-врагами. Но наказывайте и устраняйте лишь тех духовников, которые не слушаются правительства и совершают тяжкие преступления против государства. Подчёркиваю, народ должен убедиться в злодеяниях этих духовников, убедиться также в никчёмности и вредности религиозной идеологии».

Встреча со Сталиным длилась ровно 5 часов. Пошли мы к нему в 9 часов вечера и ушли от него в 2 часа пополуночи. Когда мы вставали из-за стола, Сталин сказал мне:

- Пойди, надень пальто.

Мы вышли вместе с двумя генералами, и я ждал, чтобы опять вернуться в приёмную, поблагодарить его за радушный приём и проститься с ним. Мы подождали немножко, заглянули в комнату, но там его не было.

Один из генералов сказал:

- Он, наверное, вышел в сад.

Действительно, мы нашли его там - скромным, улыбающимся, в кепке и коричневом шарфе. Он проводил нас до автомобиля. Я поблагодарил его.

- Не за что, не за что, - ответил он, - завтра я позвоню вам. Может, мы снова встретимся. Вам надо побывать здесь пару дней, чтобы ознакомиться с Сухуми.

* * *

Вечером следующего дня, 25 ноября, я с нетерпением ждал телефонного звонка, но, к сожалению, мне не удалось вновь встретиться с товарищем Сталиным. 26 числа в час пополуночи он был уже в Сочи, и

через сопровождавшего меня генерала послал мне привет. 25 ноября 1949 года из Сухуми я направил товарищам в Тиране следующую телеграмму: «Вчера я завершил дела. Помогут нам во всём. Все мои запросы приняты очень, очень сердечно. Чувствую себя хорошо. Вряд ли приеду к праздникам. От души поздравляю вас с праздником. Выеду при первом подвернувшемся случае».

25 ноября мы посетили город Сухуми с населением в 60 000 человек. При этом меня сопровождали министр внутренних дел Грузинской Советской Социалистической Республики и ещё один генерал. Сухуми очень красивый, чистый город с цветущими садами и парками. Там росло много тропических деревьев. Везде пестрели цветы. Особенно бросался в глаза великолепный парк, разбитый жителями города за 50 дней. Парк был немножко шире площади, простирающейся перед нашей гостиницей «Дайти». Вечером в Сухуми ярко горели огни. Его жители - симпатичные, весёлые, жизнерадостные, счастливые люди. Не было видно ни одной пяди невозделанной земли. Нашему взору открывались плантации мандаринов, лимонов, грейпфрутов и апельсинов, виноградники и бескрайние поля под пшеницей, кукурузой и другими культурами. Холмы обрабатывались, они были покрыты фруктовыми деревьями и лесами. В городе и везде можно было видеть высокие эвкалипты.

Мы посетили пригородный совхоз. Там были только холмы, засаженные мандариновыми, апельсиновыми, лимонными деревьями и виноградниками. Ветви мандариновых деревьев сгибались под тяжестью плодов. Одно только мандариновое дерево давало 1500, 1600, 2000 мандаринов. «Иногда мы не успеваем собрать их», - сказал нам директор совхоза. Пошли к месту, где мандарины укладывали в ящики. Там работали одни женщины. Большая машина подбирала апельсины и мандарины один за другим, в зависимости от их величины.

Посетили построенный в XV веке старинный мост, охраняемый в качестве древнего сооружения, как и ботанический сад. Это был сад, богатый разного рода цветами и фруктовыми деревьями. Увидели мы и питомник обезьян, выкидывавших различные весёлые штуки. Мне сказали, что этот питомник служил Павлову для научных опытов.

Грузины - очень любезные люди, они сердечно приняли и проводили нас.

26 ноября утром сопровождавший меня советский товарищ пришёл с газетой «Красная звезда» и сообщил о присвоении мне Президиумом Народного Собрания НРА воинского звания генерала армии.

27 ноября в 8 часов утра на самолёте мы отправились в Москву. Полёт длился 5 с половиной часов. Через несколько дней я вернулся на Родину.

Четвёртая встреча. Январь 1950 г.

В ходе беседы, которую я имел с товарищем Сталиным в Сухуми в ноябре 1949 года, он спросил меня, когда можно было устроить с

представителями Коммунистической партии Греции совместную встречу для разъяснения разногласий принципиального характера между нами и руководителями этой партии. Мы согласились провести её в январе месяце и, после того как было получено согласие греческих товарищей, в начале января 1950 года в Москве, в Кремле состоялась встреча. С советской стороны на встрече присутствовали товарищ Сталин, Молотов, Маленков и некоторые ответственные работники Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза. От нашей партии - я и Мехмет Шеху, а от Коммунистической партии Греции - товарищи Никое Захариадис и Мицос Парцалидис. Встреча проходила в рабочем кабинете Сталина.

Сталин, как обычно, скромный и любезный, с улыбкой встретил нас, встал из-за стола, подошёл к нам и пожал руку всем по очереди. Беседу он начал, обратившись ко мне с вопросом:

- Что у вас, товарищ Ходжа, в адрес товарищей из Коммунистической партии Греции?

В то же время, обратившись к греческим товарищам, он сказал:

- Пусть говорят вначале албанские товарищи, а затем слово будет за вами, и вы можете изложить своё мнение о сказанном ими.

Взяв слово, я сказал ему:

- Мы, товарищ Сталин, направили Центральному Комитету Коммунистической партии Советского Союза письмо по поводу наших принципиальных разногласий с Коммунистической партией Греции и особенно с её главными руководителями. Мы просили эту встречу с вами, чтобы вы судили о наших взглядах, правильны ли они или нет.

- Я в курсе поднимаемых вами вопросов, - сказал мне товарищ Сталин, - но я хотел бы, чтобы занимающие вас проблемы вы вновь излагали и здесь, перед греческими товарищами.

- Конечно, я и здесь подниму все вопросы, которые наша партия изложила в письме к вам. Эти вопросы мы обсуждали и с греческими товарищами, особенно с товарищем Никосом Захариадисом, товарищем Иоанидисом, генералом Вландасом, Бардзотасом и другими товарищами из руководства Коммунистической партии Греции. С самого начала я желаю отметить, что разногласия имелись у нас по ряду вопросов, но я остановлюсь здесь на самых главных.

- Этого желаем и мы, - отметил Сталин.

Затем я начал своё изложение:

- Первое разногласие с греческими товарищами касалось стратегии и тактики борьбы Греческой демократической армии. Как для нас, албанцев, так и для греческого народа борьба против гитлеровских и итальянских фашистов была освободительной борьбой, от которой зависела судьба наших народов. Борьба эта должна была опираться и опиралась на героическую борьбу Красной Армии Советского Союза. Мы,

албанцы, с самого начала были убеждены, что выйдем из неё победителями, потому что наш народ весь поднялся на великую освободительную борьбу, пользуясь и поддержкой великого Советского Союза, который должен был сокрушить немецкий фашизм.

Наша партия выступила в поддержку советско-англо-американского союза, потому что до конца считала его антифашистской коалицией, призванной разгромить немецких фашистов. Но в то же время мы никогда не питали иллюзии о том, что англо-американские империалисты будут верными друзьями и союзниками албанского народа. Наоборот, с самого начала высказавшись в поддержку союза вообще, мы провели чёткую грань между Советским Союзом и англо-американцами. Этим я хочу сказать, что наша партия, наша армия, Генеральный штаб нашей армии не только никогда не подчинялись диктату англичан и Средиземноморского союзного командования, но и к какому-либо совету, который мы позволяли им давать нам, мы относились крайне осмотрительно. Мы запрашивали у англичан оружия, но видели, что они сбрасывали его нам в совсем малых количествах. Мы, как вам известно, вели партизанскую войну, от которой перешли позднее к формированию крупных частей вплоть до создания регулярной Национально-освободительной Армии.

Греческий народ боролся в одинаковых с нами условиях. Он восстал и обратил в бегство итальянских фашистских агрессоров, которых сокрушила греческая монархическая армия, вступившая и на территорию Албании. Хотя тогда наша Коммунистическая партия ещё не была основана, наши коммунисты и наш народ всё-таки помогали грекам в их борьбе против фашистской Италии, независимо от того, что сами были под оккупацией. Но со вступлением гитлеровской армии в войну с Грецией, греческая монархистская армия вынуждена была отступить на свою землю, она была разбита. После этого начались сопротивление и Национально-освободительная борьба греческого народа, руководимые Коммунистической партией Греции, которая создала ЭАМ, организовала партизанские отряды, а позднее другие, более крупные соединения.

Входе Национально-освободительной борьбы оба наших народа ещё больше побратались. Ещё в прошлом между албанским и греческим народами существовали дружественные связи. Как известно, многие албанцы приняли участие и сыграли очень важную роль в греческой революции 20-х годов минувшего столетия, руководимой Ипсиланти. Однако на этот раз борьба обоих народов носила одинаковый характер, а народами обеих стран руководили наши коммунистические партии. Мы установили связи между собой и наладили взаимодействие даже в военном отношении, действуя на греческой территории совместными отрядами против немецких войск. Как в нашей стране, так и в Греции свирепствовала реакция, а захватчики были очень хорошо организованы. Это тоже составляло для нас общее явление.

С нашей стороны прилагались усилия и были достигнуты результаты в борьбе за изоляцию лидеров реакции и откол заблудившихся элементов

от её рядов. Мы не можем подробно сказать, как поступали в Греции, однако мы критиковали товарищей из руководства Коммунистической партии Греции за то, что ЭАМ и сами они допустили большую принципиальную и политическую ошибку - Национально-освободительную борьбу греческого народа они подчинили англо-американской стратегии и почти поставили под командование англичан и Средиземноморского штаба. Критику мы адресовали лично товарищу Никосу Захариадису…

Партизанская армия, говорили мы нашим греческим товарищам, в первую очередь, должна связаться с народом, от которого она оторвана и без которого она не может существовать. Народ должен научиться бороться вместе с армией, содействовать ей и любить её как свою освободительницу. Это необходимое условие. Народ должен научиться не сдаваться врагу, а ряды армии надо укреплять мужчинами и женщинами, юношами и девушками из народа, из самой Греции.

Мы также по-товарищески говорили греческим товарищам, что в Греческой партизанской армии надо лучше обеспечить руководящую роль партии; политический комиссар в роте, батальоне, бригаде, дивизии должен быть настоящим представителем партии и, как таковой, должен иметь право командовать наравне с командиром. Однако мы заметили и много раз указывали греческим товарищам, что руководящую роль партии в армии они понимали неправильно. Относительно этой проблемы я и раньше выражал товарищу Сталину мнение нашей партии, а в письме к нему мы также излагаем этот вопрос. Непонимание руководящей роли партии в армии явилось, по-нашему, одной из основных причин военного поражения Греческой демократической армии. Мы неуклонно исходим из марксистско-ленинского положения о том, что командир и политкомиссар составляют единство, которое руководит военными действиями и политическим воспитанием воинских частей, что оба они одинаково ответственны за положение своей воинской части во всех отношениях, что оба они, командир и комиссар, руководят в борьбе своим воинским соединением, своей воинской частью.

Без политкомиссаров не было бы Красной Армии, учит Ленин. В нашей Национально-освободительной армии, а ныне в нашей Народной Армии мы придерживались и продолжаем придерживаться именно этих принципов, В Греческой Национально-освободительной армии, ЭЛАСе, командир и комиссар, как общее командование, существовали, однако на практике этот принцип не соблюдался как следует. Давление порочных буржуазных взглядов командиров действительной службы, которые не терпели иметь при себе, в командовании, доверенных партии людей, привело к тому, что в то время в Греческой демократической армии роль комиссаров в командовании затмевалась и отодвигалась на второй план. Это следствие взглядов руководителей Коммунистической партии Греции на «регулярную армию». Греческие руководящие товарищи ликвидацию роли политкомиссаров стараются оправдать, беря в пример армию какой-то другой страны, однако мы считаем, что греческие товарищи не трезво подходят к этому вопросу.

Мы удивлялись ряду скрытых форм, которые применяли греческие товарищи, однако мы видели, что действительность была совершенно иной. Это мы не можем иначе объяснить, кроме как нашим впечатлением о том, что у греческих товарищей царили разброд, оппортунизм, что они затмевали руководящую роль партии... Но греческие руководящие товарищи выступали против наших взглядов, которые мы высказывали им по-товарищески, как коммунисты-интернационалисты, борющиеся за общее дело, движимые общими великими интересами, дорожащие делом борьбы греческого народа. Они нехорошо восприняли наши замечания.

Товарищ Никое Захариадис наговорил нам много неприятного; помимо всего прочего, он поссорился с нами, обвиняя нас в том, будто мы реквизировали греческие грузовики, предназначенные для перевозки греческих беженцев и их вещей, и потребовал, чтобы мы мобилизовали и свои грузовики для их нужд. Что мы использовали греческие грузовики для перевоза греческих беженцев на отведённые для них места, это совершенно верно. Греческих беженцев мы приняли и перевезли на север Албании, где, несмотря на наши трудности, нам пришлось снабжать их и продовольствием, то есть делиться с ними последним. Что касается наших средств, то парк грузовиков у нас был очень небольшой и к тому же с помощью наших грузовиков нам приходилось снабжать всем всю Албанию.

Греческие товарищи упрекают нас также в том, будто мы не оказывали предпочтение разгрузке материальной помощи - одежды, продовольствия, палаток, простыней и т.д., которые были доставлены в наши порты для греческих беженцев, прежде чем последние покинули Албанию. Это неправда. Поступавшие извне на пароходах для греческих беженцев материалы, бывало, находились под материалами и товарами, предназначенными для нас. В таких случаях, понятно, сначала надо было разгрузить верхний груз, а затем уже нижний, иначе нельзя было; мы не знаем какого-либо метода разгрузки парохода снизу.

Во всяком случае, это были мелкие, преодолимые разногласия, которые и были преодолены. Решающими вопросами были затронутые мною вопросы политической и военной линии Коммунистической партии Греции в годы войны.

Греческие товарищи не только не разделяли наши взгляды и не принимали наши замечания, но, по нашему убеждению, они превратно воспринимали их; причём в своём недавнем письме нашему Политбюро наши принципиальные взгляды и позиции они недопустимым и антимарксистским образом отождествляют со взглядами титовцев...

После этих обвинений, которые наше Политбюро рассмотрело хладнокровно, мы сочли необходимым, чтобы те греческие беженцы-демократы, которые ещё находились в Албании, покинули нашу страну.

Пусть товарищ Сталин нам скажет, правильны ли или неправильны высказанные нами взгляды и занятая нами позиция, мы готовы признать любую возможную ошибку и выступить с самокритикой.

Товарищ Сталин, обращаясь ко мне, перебил меня и сказал:

- Когда товарищи в беде, нельзя дать им пинка.

- Вы правы, товарищ Сталин, - ответил я ему, - но заверяю вас, что мы никогда не давали пинка греческим товарищам. Вопросы, которые мы ставили на обсуждение, имели большое значение и для греческой армии, и для нас…

- У вас всё? - спросил меня товарищ Сталин.

- Всё, - ответил я.

Тогда он предоставил слово товарищу Захариадису.

Для объяснения причины поражения, Захариадис, в частности, заявил: «Если бы мы знали ещё в 1946 году, что Тито станет изменником, то мы не начали бы борьбу против греческих монархо-фашистов». Он добавил затем ещё некоторые другие «причины», объяснявшие поражение, повторяя, что у них не хватало вооружения, что албанцы, хотя поделились с беженцами последним, всё же чинили им некоторые препятствия и т.д. Некоторые второстепенные проблемы Захариадис поставил как принципиальные вопросы. Он упомянул затем нашу просьбу (с которой он сам раньше обратился к нам), чтобы и те греческие беженцы-демократы, которые ещё находились у нас, покинули Албанию. По его мнению, это означало конец греческой национально-освободительной борьбы.

Мне хочется высказать по этому случаю своё впечатление, что товарищ Никое Захариадис был человеком очень умным, с широким кругозором, но, по моему мнению, не в нужной степени марксистом. Он, несмотря на понесённое поражение, стал говорить в защиту стратегии и тактики, которых придерживалась Греческая демократическая армия, настаивая на том, что эта стратегия и эта тактика были правильными, что им нельзя было иначе действовать. Он подробно изложил этот вопрос. Значит, каждый из нас оставался при своих позициях.

Вот так говорил Никое Захариадис. Его беседа продолжалась столько, сколько и моя, если не больше.

Товарищ Сталин и другие советские руководители и его слушали внимательно.

После объяснения Никоса, товарищ Сталин спросил Мицоса Парцалидиса:

- Есть ли у Вас какое-нибудь мнение относительно того, что сказали тут товарищи Энвер Ходжа и Никое Захариадис?

- Мне нечего сказать, кроме того, что изложил товарищ Никое, - ответил Парцалидис и добавил, что они ждали, чтобы советские товарищи и большевистская партия судили о них.

Тогда слово взял Сталин, который говорил спокойно, как всегда говорил он на встречах с нами. Говорил он простыми, чёткими и

чрезвычайно ясными словами. Он сказал, что борьба греческого народа была героической борьбой, в ходе которой проявлялась храбрость, но допускались и ошибки.

- Что касается оценки стратегии и тактики, которой вы придерживались в греческой демократической борьбе, хотя это была героическая борьба, считаю, что албанские товарищи в этом правы. Вы должны были вести партизанскую войну, затем, исходя из неё, перейти к фронтальной войне.

Я упрекнул товарища Энвера Ходжа, которому сказал, что в беде товарищу нельзя дать пинка, однако из того, что мы услышали здесь, получается, что албанские товарищи занимали правильную позицию в отношении ваших взглядов и поступков. Создавшиеся обстоятельства и условия Албании были таковыми, что вам нельзя было оставаться в этой стране, иначе могла быть поставлена под угрозу независимость Народной Республики Албании.

Мы приняли вашу просьбу, чтобы все греческие беженцы-демократы переехали в другие страны, и уже все они переехали. Всё остальное - оружие, боеприпасы и т.д., которые албанские товарищи отобрали у тех греческих солдат-демократов, которые перешли в Албанию, принадлежали Албании, - подчеркнул Сталин. - Что касается вашего заявления о том, что «если бы мы знали ещё в 1946 году, что Тито станет изменником, то мы не начали бы борьбу против монархо-фашистов», оно ошибочно, ведь за свободу народа надо бороться и в окружении. Впрочем, надо учесть, что вы не были в окружении; ведь рядом с вами, с севера находились Албания и Болгария; ваша справедливая борьба пользовалась всеобщей поддержкой. Мы так думаем, - заключил товарищ Сталин и добавил: - Что вы скажете, товарищи албанцы?

- Мы согласны со всеми вашими соображениями, - ответили мы.

- А вы, товарищи греки, товарищи Захариадис и Парцалидис, что скажете?

Товарищ Никое сказал:

- Вы нам много помогли, теперь мы понимаем, что мы неправильно поступали, и постараемся исправить наши ошибки, - и т.д., и т.п.

- Очень хорошо, - сказал Сталин, вновь взяв слово. - Тогда вопрос считается закрытым.

Сталин встал, подал руку всем нам по очереди, и мы направились к выходу. Зал был длинным, и, когда мы были у самих дверей, Сталин позвал нас:

- Остановитесь, товарищи! Обнимите друг друга, товарищ Ходжа и товарищ Захариадис!

Мы обнялись.

Когда мы вышли, Мицос Парцалидис сказал:

- Равных Сталину нет. Он обошёлся с нами как наш отец. Теперь всё ясно.

Так закончилась эта очная ставка у Сталина.

Пятая встреча. Апрель 1951 г. XIX съезд ВКП(б)

Моя последняя встреча с товарищем Сталиным состоялась в Москве вечером 2 апреля 1951 года в 10.30 по московскому времени. На этой встрече присутствовали Молотов, Маленков, Берия и Булганин.

Входе беседы мы касались различных вопросов, связанных с внутренним положением в нашей партии и в нашем государстве, экономических вопросов, особенно в области сельского хозяйства, вопроса экономических соглашений, которые могли быть заключены в будущем с различными странами, усовершенствования работы в наших высших учебных заведениях, вопросов международной обстановки и других проблем.

Сначала я в общих чертах говорил товарищу Сталину о политическом положении в нашей стране, о большой работе, которую партия вела и ведёт по воспитанию масс в высоком революционном духе, об установленном и постоянно крепнущем прочном единстве рядов нашей партии и нашего народа, о твёрдой и незыблемой вере народа в партию.

- Эти достижения, - сказал я товарищу Сталину, - мы будем непрерывно укреплять, постоянно храня бдительность и выказывая готовность отстаивать независимость и свободу, территориальную целостность страны и завоевания народа от любого внешнего или внутреннего врага, который будет пытаться грозить нам.

Я сказал Сталину, что по отношению к таким элементам мы не проявляли нерешительности и оппортунизма, а приняли надлежащие меры к устранению любых последствий их враждебной деятельности. Те, кто своей преступной и враждебной деятельностью уже переполнил чашу, - сказал я товарищу Сталину, - отданы под суд и понесли заслуженную кару.

- Правильно поступали, - сказал мне Сталин. - Враг, - отметил он далее, - будет стараться пролезть и в партию и даже в её Центральный Комитет, однако его попытки можно раскрыть и расстроить, храня высокую бдительность и занимая решительную позицию по отношению к ним.

И на этот раз мы с товарищем Сталиным широко обсуждали наше экономическое положение, говорили о достижениях и перспективах хозяйственного и культурного развития нашей страны. В частности, я говорил товарищу Сталину об успехах курса нашей партии на социалистическую индустриализацию страны и развитие сельского хозяйства, как и о ряде установок, намеченных нами на первый пятилетний план 1951-1955 гг.

Я подчеркнул, что наряду с успехами, достигнутыми в строительстве промышленных и культурно-бытовых объектов, как и в области сельского хозяйства, у нас имелись и недовыполнения. Причины недовыполнений мы подвергли анализу в Центральном Комитете партии в духе критики и самокритики и установили ответственность каждого. Особое значение придаём мы укреплению руководящей роли партии, постоянной большевизации её жизни, установлению наиболее тесных связей с народными массами, сказал я товарищу Сталину, и далее стал говорить ему в общих чертах о внутреннем положении нашей партии.

- Зачем нам говорить о вопросах, которые вы знаете лучше нас, товарищ Энвер? - прервал меня товарищ Сталин, и сказал далее: - Мы рады тому, что у вас сооружается целый ряд промышленных объектов. Но хочу подчеркнуть, что, наряду со строительством промышленных объектов, вы должны придавать большое значение укреплению рабочего класса и подготовке кадров. Партия должна особо заботиться о рабочем классе, который будет расти и крепнуть с каждым днём по мере развития промышленности в Албании.

- В особенности, вопрос о развитии и продвижении вперёд сельского хозяйства, - сказал я далее товарищу Сталину, - имеет для нас большое значение. Вам известно, что наша страна является аграрной страной, унаследовавшей от прошлого глубокую отсталость. Мы отдаём себе отчёт в том, что единственным путём, могущим окончательно вывести наше сельское хозяйство из отсталости и подвести под него прочные основы для развития крупного производства, является путь коллективизации...

- Много ли теперь в Албании кооперативов? - спросил меня товарищ Сталин.

- Около 90, - ответил я.

- Каково их положение? Как живётся крестьянам в этих кооперативах? - опять спросил он.

- Большинству этих кооперативов, - сказал я в ответ товарищу Сталину, - не более 1-2 лет, но, тем не менее, часть их уже показывает свои преимущества перед мелкой и раздроблённой единоличной собственностью. Совместный и организованный труд, постоянная помощь государства этим кооперативам семенами, механизированными средствами, кадрами и т.д., позволили поставить их производство на более прочную основу и увеличить его. И тем не менее ещё много остаётся сделать, чтобы сельскохозяйственные кооперативы служили примером и образцом для единоличных крестьян. Вот почему наша главная цель в области организации нашего сельского хозяйства состоит в том, чтобы наряду с укреплением существующих кооперативов, усилением помощи им и заботы о них, предпринимать осторожно шаги к созданию новых кооперативов.

Выслушав меня, Сталин посоветовал:

- С созданием новых сельскохозяйственных кооперативов спешить нельзя. Постарайтесь укрепить имеющиеся у вас кооперативы, но

урожайность-то сельскохозяйственных культур в этих кооперативах должна быть высокой, - сказал он мне. - Таким образом, - отметил он далее, - члены кооператива будут довольны его хорошими производственными результатами, а при виде этого и другие захотят вступить в кооператив. До тех пор, пока крестьяне не убедятся в преимуществах коллективной собственности, у вас ничего не получится с увеличением числа кооперативов. Если крестьянам будет польза от существующих кооперативов, то и остальные крестьяне пойдут за вами.

Беседе с товарищем Сталиным по вопросам нашего сельского хозяйства, положения крестьянства, его традиций и склада ума была отведена большая часть времени на этой встрече. Товарищ Сталин хотел как можно больше узнать, он обо всём расспрашивал до мелочей, радовался успехам, зато делал нам и товарищеские замечания, давал нам ценные советы о том, как улучшить работу в дальнейшем.

- Кукуруза всё же главная полевая культура в Албании? - спросил меня товарищ Сталин.

- Да, - ответил я ему. - Кукуруза, а за ней пшеница. Но в последние годы всё более широкое распространение получают также хлопок, подсолнечник, овощи, сахарная свёкла и другие культуры.

- Много ли хлопка вы сеете? Какова у вас его урожайность?

- Мы непрерывно увеличиваем площадь под этой технической культурой, и нашими земледельцами накоплен уже немалый опыт. В текущем году мы намерены засеять хлопком около 20 000 гектаров, - сказал я ему. - Но что касается урожайности хлопка и его качества, то мы в этом ещё отстаём. В среднем урожайность достигает около 5 центнеров с га. Такую ситуацию нам надо улучшить. Мы неоднократно обсуждали и анализировали этот вопрос, имеющий для нас важное значение, так как это связано с одеждой народа; мы принимали и принимаем многочисленные меры, но ещё не добились нужных результатов. Хлопок нуждается в солнце и воде. Солнце у нас есть, - сказал я товарищу Сталину, почва и климат у нас подходящие для выращивания этой культуры, а что касается орошения, то здесь мы ещё отстаём. Нам необходимо создать хорошую оросительную систему с тем, чтобы и эта культура получила у нас развитие.

- Чему оказывают ваши крестьяне предпочтение при орошении, кукурузе или хлопку? - спросил меня Сталин.

- Кукурузе, - ответил я.

- Значит, крестьяне хлопка ещё не любят, недооценивают его, - сказал он.

Далее я сказал товарищу Сталину, что мы и в последнее время рассмотрели имеющиеся недостатки и наметили задачи, связанные с дальнейшим развитием хлопководства. Я подчеркнул, что проведённые на местах анализы показали, что в некоторых случаях, помимо всего другого, употреблялось неподходящее для наших условий семя, и я сделал ему

некоторые запросы о помощи, с тем чтобы работа шла нормально как на текстильном комбинате, так и на хлопкоочистительном заводе.

- Я думаю, что, возможно, в этом допустил ошибку какой-либо специалист, - сказал он. - Но главное - работа земледельца. Что касается вашего спроса на хлопок, то мы полностью удовлетворим его, если это необходимо будет. Всё-таки посмотрим.

Во время этой встречи товарищ Сталин неоднократно интересовался нашими сельскохозяйственными кооперативами, нынешним их положением и перспективами их развития. Помню, как он, в частности, задал мне и следующие вопросы:

- Какими машинами располагают сельскохозяйственные кооперативы? Как работают МТС? Имеются ли у вас инструкторы для кооперативов? и т.д.

Я ответил на заданные им вопросы, но его полностью не удовлетворила организация нами работы в этих направлениях, поэтому он сказал мне:

- Не как следует поставлено у вас это дело. Тем самым вы можете вредить и уже созданным сельскохозяйственным кооперативам. Помимо непрерывной квалификации ваших кадров, вам было бы хорошо иметь несколько советских советников при сельскохозяйственных кооперативах. И чтобы они не сидели в кабинетах, а помогали на местах. Если ваши главные руководители сельского хозяйства, - отметил далее товарищ Сталин, - нигде не видели, как управляют сельскохозяйственными кооперативами и как организуют их работу, то им трудно надлежащим образом справляться с этим делом, так что пусть они приезжают к нам, в Советский Союз, учиться на нашем опыте и передать его албанским земледельцам.

В моём выступлении я говорил товарищу Сталину и о необходимости заключения экономических соглашений с другими государствами. Выслушав меня, товарищ Сталин обратился ко мне со следующими словами:

- Кто вам мешает заключать соглашения с другими странами? У вас имеются соглашения со странами народной демократии, которые предоставили вам кредиты. Соглашения, подобные тому, которое у вас есть с Болгарией, попробуйте, пожалуйста, заключить и с другими. У нас нет ничего против этого, наоборот, мы считаем это очень хорошим делом.

Входе беседы я изложил товарищу Сталину и некоторые запросы о помощи со стороны советского государства для развития нашего народного хозяйства и культуры. Как и во всех других случаях, товарищ Сталин благосклонно отнёсся к нашим запросам и сказал мне, что для более подробного обсуждения и решения этих вопросов я должен был встретиться с Микояном, с которым в те дни я встретился три раза.

Товарищ Сталин тут же принял мою просьбу направить в нашу страну несколько советских педагогов для наших высших учебных заведений, но

он спросил меня:

- Как быть нашим педагогам, которые не владеют албанским языком?

Затем, взглянув мне прямо в глаза, товарищ Сталин сказал:

- Мы хорошо понимаем ваше положение, поэтому мы помогали и ещё больше будем помогать вам. Однако у меня замечание к вам, товарищи албанцы: я изучал ваши запросы и замечаю, что у вас мало запросов относительно сельского хозяйства. Вы просите больше помощи для промышленности, а ведь промышленность без сельского хозяйства не может стоять на ногах и идти вперёд. Хочу сказать, товарищи, что надо больше внимания уделять развитию сельского хозяйства. Мы направили к вам также советников для оказания помощи в экономических вопросах, - добавил он, - но, видимо, они неспособные.

- Они помогали нам, - вмешался я, но Сталин, не убедившись в сказанном мною в связи с советскими советниками, повторил свою мысль. Затем он спросил, улыбаясь:

- Что вы сделали с семенами грузинской кукурузы, которые я вам дал, посеяли ли их или же выбросили?

Я почувствовал, что моё лицо залилось краской, потому что он поставил меня в неловкое положение, и я ответил ему, что мы раздали их в некоторых зонах, но я не в курсе их результатов. Это было хорошим уроком для меня. Вернувшись в Тирану, я сразу занялся этим вопросом, и товарищи сообщили мне, что эта кукуруза дала замечательные результаты; посеявшие их земледельцы получили до 70 центнеров с га и теперь везде говорят о грузинской кукурузе, которую наши крестьяне называют «подарком Сталина».

- Ас эвкалиптами как у вас дела? Посеяли семена, которые я вам дал?

- Мы направили их в Мюзечейскую равнину, где больше заболоченных площадей, - ответил я ему, - и передали нашим специалистам все ваши советы.

- Хорошо, - сказал товарищ Сталин, - они должны заботиться о том, чтобы они взошли и росли. Это быстрорастущее дерево, весьма действенное в борьбе с сыростью.

Семена кукурузы, которые я вам дал, могут быть быстро размножены, и вы можете распространять их по всей Албании, - сказал мне затем товарищ Сталин, и спросил: - Имеются ли у вас специальные учреждения, которые занимались бы отбором семян?

- Да, - ответил я, - мы создали сектор семеноводства, подведомственный Министерству сельского хозяйства, который в будущем мы укрепим и дальше расширим.

- Это будет хорошо! - сказал мне товарищ Сталин. - Эти учреждения должны хорошо знать, какие растения и какие семена наиболее подходящие для самых различных местностей страны, и они должны достать их. И у нас вы должны запрашивать семена, урожайность которых

вдвое и даже втрое больше обычных. Я и раньше говорил вам, мы поможем всеми возможностями, но главное - это ваша работа, товарищи, большая и беспрерывная работа для всестороннего развития страны, - промышленности, сельского хозяйства, культуры, обороны.

- Мы непременно проведём в жизнь ваши советы, товарищ Сталин! - сказал я ему и от души поблагодарил его за тёплый и сердечный приём, за ценные советы и наказы.

* * *

На этот раз я провёл в Советском Союзе весь апрель месяц. Несколько дней спустя после этой встречи, 6 апреля, я пошёл в Большой театр послушать новую оперную пьесу «От всего сердца», которая, как мне объяснили до начала пьесы, повествовала о новой жизни в колхозной деревне. В тот же вечер пришёл послушать эту оперу и товарищ Сталин, который сидел в ложе первого яруса, рядом со сценой, тогда как я сидел в ложе второго яруса, с другой стороны сцены, вместе с нашими товарищами и двумя советскими товарищами, сопровождавшими нас.

На следующий день мне сказали, что Сталин подверг суровой критике эту оперу, которая раньше некоторыми критиками искусства была превознесена до небес, как ценное музыкальное творение.

Мне сказали потом, что товарищ Сталин раскритиковал эту оперную пьесу за то, что в ней необъективно и неверно отображалась жизнь в колхозной деревне. Товарищ Сталин говорил, что колхозная жизнь в этом произведении идеализировалась, она изображалась неправдиво, в ней не была отображена борьба масс против различных недостатков и трудностей, а всё прикрывалось лаком и пронизывалось опасной идеей о том, что «всё идёт хорошо».

Позже эта опера была раскритикована и в центральной партийной печати, и я понял глубокое беспокойство Сталина в связи с теми явлениями, которые носили в себе семена большой угрозы для будущего.

Из незабываемых визитов тех дней у меня врезался в память и визит в Сталинград, где, в частности, я побывал на Мамаеве кургане. В годы антигитлеровской войны бойцы Красной Армии с именем Сталина в устах защищали не то что каждую пядь, а каждый миллиметр этого кургана. Мамаев курган был вспахан снарядами и многократно изменил облик из-за страшных бомбардировок. Из места, до прославленной Сталинградской битвы покрытого травой и цветами, он превратился в груды железа и стали, в нагромождение танков, таранивших один другой. Я согнулся и с благоговением собрал горсть земли с этого кургана - символа героизма сталинского воина и, вернувшись в Албанию, подарил её музею Национально-освободительной борьбы в Тиране.

С Мамаева кургана как на ладони можно было видеть весь Сталинград, посреди которого змеилась широкая река Волга. В этом легендарном городе на основе сталинского плана разгрома гитлеровских полчищ советские солдаты написали славные страницы, они одержали

верх над нацистскими агрессорами и положили начало перелому во всей Второй мировой войне. Этот город, который носит имя великого Сталина, был испепелён, разрушен, весь был превращён в руины, но не сдался.

Передо мной теперь открывался совершенно иной вид. Город, разрушенный войной, был построен заново за исключительно короткий срок. Новые многоэтажные жилые дома, культурно-бытовые учреждения, школы, университеты, кинотеатры, больницы, современные фабрики и заводы, новые, широкие и красивые улицы совершенно преобразили облик города. Улицы зеленели от молодых деревец, парки и скверы - полны цветов и детей. Я съездил и на тракторный завод этого города и встретился со многими рабочими.»... Мы очень любим албанский народ, и теперь, в мирное время, мы работаем также и для него, - сказал мне рабочий из этого завода. - Мы пошлём ещё больше тракторов албанским крестьянам, это воля и наказ Сталина».

Мы везде чувствовали любовь и уважение, в духе которых были воспитаны простые советские люди великим Сталиным, любимым и незабываемым другом албанского народа и Албанской партии труда.

Итак, был завершён и этот визит в Советский Союз, во время которого я в последний раз непосредственно встретился с великим Сталиным, о котором, как я и раньше говорил, на всю жизнь буду хранить неизгладимые воспоминания и впечатления.

* * *

В октябре 1952 года я вновь съездил в Москву во главе делегации Албанской партии труда принять участие в XIX съезде ВКП(б).

Именно там я в последний раз увидел незабываемого Сталина, там я в последний раз услышал его столь милый и воодушевляющий голос, там он, с трибуны съезда, отметив, что буржуазия открыто выбросила за борт знамя демократических свобод, суверенитета и независимости, обратился к коммунистическим и демократическим партиям, не стоявшим у власти, с историческими словами: «Я думаю, что это знамя придётся поднять вам... и понести его вперёд, если хотите собрать вокруг себя большинство народа...если хотите быть патриотами своей страны, если хотите стать руководящей силой нации. Его некому больше поднять».

Я храню и навсегда сохраню живым и обаятельным в уме и в сердце его вид в тот момент, когда с трибуны съезда он окрылил наши сердца, назвав коммунистические партии социалистических стран «ударными бригадами мирового революционного движения».

Мы поклялись в те же дни, что Албанская партия труда будет высоко нести звание «ударной бригады» и что советы и наказы Сталина она будет беречь как зеницу ока, как исторический завет и будет проводить их в жизнь с полной последовательностью.

Эту торжественную клятву мы повторили и в дни великой скорби, когда Сталин ушёл от нас, - и мы гордимся тем, что наша партия, как

сталинская ударная бригада, всегда была хозяином своего слова, что она никогда не ставила и не будет ставить чего-либо другого выше себя, кроме учения Маркса, Энгельса, Ленина и ученика и последовательного продолжателя их дела, нашего дорогого друга, славного вождя, Иосифа Виссарионовича Сталина.

Часть 2. Хрущёвцы

Наше открытое и принципиальное выступление против хрущёвского ревизионизма на ноябрьском Совещании коммунистических и рабочих партий мира в 1960 г. не явилось чем-то неожиданным. Напротив, оно было логическим продолжением марксистско-ленинской позиции, которую всегда занимала Албанская партия труда, было переходом на новую, более высокую стадию борьбы, которую наша партия давно вела в защиту и за последовательное проведение марксизма-ленинизма.

Отношения Албанской партии труда с Коммунистической партией Советского Союза с тех пор, как хрущёвцы взяли власть в свои руки и вплоть до момента нашего открытого выступления против них, прошли через сложный процесс, полный зигзагов, периодов обострения и временной нормализации. Это был процесс взаимного ознакомления в ходе борьбы, в ходе постоянного столкновения взглядов.

С приходом к власти хрущёвских ревизионистских путчистов, наша партия, учитывая ход событий в СССР, как и некоторые взгляды и действия, которые вначале были неопределёнными, но затем шаг за шагом конкретизировались, стала ощущать большую опасность этой клики ренегатов, прикрывавшейся оглушительной лже-марксистской демагогией, стала понимать, что клика эта становится большой угрозой как делу революции и социализма в целом, так и нашей стране.

Особенно XX съезд КПСС явился тем событием, которое заставило нас вступить в оппозицию с Хрущёвым и хрущёвцами. Хрущёв знал о наших оговорках касательно XX съезда, но его тактика требовала не ускорять обострения отношений с нами, албанцами. Он надеялся воспользоваться нашим чувством дружбы к Советскому Союзу, чтобы взять изнутри албанскую крепость и заманить нас в ловушку посредством улыбок и в то же время угроз, посредством урезанных кредитов, а также при помощи давления и блокады. Хрущёв и хрущёвцы думали так: «Мы знаем албанцев; как бы они ни были упрямыми, как бы они ни были запальчивыми, им некуда уйти от нас, ибо мы крепко зажали их в кулак, так что в случае кривлянья, неповиновения мы прибегнем к угрозе, установим против них блокаду, бойкот, а всех тех, кто окажет сопротивление, - низвергнем».

Группа Хрущёва подготовила себе этот путь, развила и углубила его, рассчитывая добиться своего «тихо-мирно» и «бесшумно». Между тем реальная действительность убеждала её в том, что эта тактика не приносила ей плодов, отчего она то и дело выказывала нетерпение и грубость. Обстановка обострялась, затем «смягчалась», чтобы вновь

обостриться. Мы знали, куда приведёт этот путь Хрущёва и его компанию; вот почему мы повышали бдительность и, давая отпор проявлениям самоуправства с их стороны, стремились продлить жизнь «миру», не отказываясь, однако, от принципов.

Но настал момент, когда чаша переполнилась. Прежний, мнимый «мир» уже не мог дальше продолжаться. Хрущёв перешёл в открытое наступление, чтобы поставить нас на колени и заставить проводить его насквозь оппортунистический курс. Тогда мы прямо и во весь голос сказали Хрущёву «Нет!», сказали «Стой!» его изменнической деятельности.

В то время многие не поняли позицию Албанской партии труда; были и среди доброжелателей нашей партии и нашей страны такие, которые считали опрометчивой такую позицию, другие же ещё полностью не осознали измену хрущёвцев, третьи полагали, что мы порвали с Советским Союзом для того, чтобы сблизиться с Китаем, и т.д. Но время полностью подтвердило правоту Албанской партии труда, которая не примкнула к курсу хрущёвцев, а развернула борьбу с ними. Именно этой борьбе, требовавшей и требующей больших жертв, и обязана наша маленькая страна своей свободой и столь ценной независимостью, своим успешным развитием по пути социализма.

С 1961 г. наша Партия труда не поддерживает никаких связей и никаких контактов с хрущёвцами. Как и до сих пор, наша партия будет последовательно вести идеологическую и политическую борьбу за разоблачение этих врагов марксизма-ленинизма. Так поступали мы и когда Хрущёв стоял у власти, и когда он был ниспровергнут и сменён группой Брежнева. Наша партия не питала никаких иллюзий, напротив, была убеждена и уверена, что Брежнев, Косыгин, Суслов, Микоян и др., которые были ближайшими сотрудниками Хрущёва и вместе с ним организовали и совершили ревизионистскую контрреволюцию в Советском Союзе, должны были последовательно проводить свой прежний курс.

Они устранили Хрущёва, чтобы оградить хрущёвизм от самого патрона, который своими бесконечными шутовскими выходками дискредитировал его, устранили «отца», чтобы ускоренными темпами и более успешно осуществлять полное восстановление капитализма в Советском Союзе...

Смерть Сталина и борьба в советском руководстве

Из того, как было сообщено о смерти Сталина и как была организована церемония его похорон, у нас, албанских коммунистов и албанского народа, как и у других, подобных нам, сложилось впечатление, что его смерти с нетерпением ждали многие из членов Президиума Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза.

На следующий день после смерти Сталина, 6 марта 1953 г., Центральный Комитет партии, Совет Министров и Президиум Верховного Совета СССР поспешно провели совместное заседание. В случае больших утрат, какой была смерть Сталина, подобные срочные заседания нужны и необходимы. Однако большие и значительные изменения, о которых было сообщено в печати днём позже, говорили о том, что это срочное заседание состоялось не для чего-либо другого, а для... распределения постов!

Сталин только что скончался, его тело ещё не было перенесено в зал, где ему должны были отдать последний долг, ещё не была составлена программа организации почестей и похорон, советские коммунисты и советский народ проливали слёзы по поводу великой утраты, - и вот верховное советское руководство выбрало именно этот день для деления портфелей! Премьер-министром стал Маленков, первым заместителем премьер-министра и министром внутренних дел - Берия, и так по порядку остальные посты были разделены между Булганиным, Кагановичем, Микояном, Молотовым. В течение этого дня были произведены важные изменения во всех высших партийных и государственных органах. Президиум и Бюро Президиума Центрального Комитета партии слились в один-единственный орган, были избраны новые секретари Центрального Комитета партии, некоторые министерства были упразднены, другие объединены, были внесены изменения в состав Президиума Верховного Совета и др.

Всё это не могло не произвести на нас глубокое, причём, совсем не хорошее впечатление. Само собой возникали потрясающие вопросы: как же это возможно, чтобы столь важные изменения были произведены так неожиданно, за день, причём не в какой-либо обыкновенный, а в первый траурный день?! Всякая логика наводит на мысль, что всё было заранее подготовлено. Списки этих изменений были давно составлены тайком и втихомолку, и ожидался лишь случай, чтобы огласить их, с тем, чтобы угодить и тому и другому.

Совершенно невозможно за несколько часов, даже в день вполне нормальной работы, принять такие весьма важные решения.

Однако, если вначале это были только потрясающие, поразительные вопросы, то ход событий, происшествия и факты, которые должны были стать нам известны позднее, ещё больше должны были убедить нас в том, что какие-то скрытые руки уже давно подготовили заговор и ожидали лишь подходящего случая взять курс на разгром большевистской партии и социализма в Советском Союзе.

Даже на похоронах Сталина явно бросалось в глаза отсутствие единства в Президиуме Центрального Комитета: каждый его член пытался опередить других, выступить первым. Вместо того чтобы показать народам Советского Союза, коммунистам всего мира, глубоко потрясённым и безмерно опечаленным безвременной кончиной Сталина, единство в день несчастья, «товарищи» наперебой пытались выставлять себя. Хрущёв открыл траурную церемонию, Маленков, Берия и Молотов

выступили перед Мавзолеем Ленина. Хрущёв и его сообщники по заговору вели себя лицемерно перед гробом Сталина и спешили закончить похоронную церемонию, чтобы снова запереться в Кремле и продолжить процесс раздела и передела постов.

Мы, и многие другие, думали, что Первым Секретарём Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза будет избран Молотов, ближайший соратник Сталина, самый старый, самый зрелый, наиболее опытный и наиболее известный в Советском Союзе и за его пределами большевик. Но произошло не так. Во главе стал Маленков, за ним последовал Берия. В те дни поодаль как-то в тени стояла «пантера», готовившаяся поглотить и ликвидировать двух первых. Это был Никита Хрущёв.

Путь его выдвижения был воистину странным и подозрительным: он был назначен только председателем Центральной комиссии по организации похорон Сталина, и, когда 7 марта было сообщено о распределении постов, он не получил ни одного нового поста, а всего лишь был освобождён от обязанности первого секретаря Московского обкома партии ввиду того, что «будет переведён на работу в Центральном Комитете партии». Прошло лишь несколько дней и 14 марта 1953 г. Маленков «по своей собственной просьбе» был освобождён от поста Секретаря Центрального Комитета партии(!), и в составе избранного в тот же день нового Секретариата Никита Хрущёв фигурировал на первом месте.

Подобные действия, хотя они нас и не касались, совсем нам не понравились. Сталин вёл последовательную борьбу за марксистско-ленинское единство в Коммунистической партии Советского Союза и сам являлся одним из его решающих факторов. Это партийное единство, за которое боролся Сталин, не было создано террором, как заявили позднее Хрущёв и хрущёвцы, вторя клеветническим измышлениям империалистов и мировой капиталистической буржуазии, боровшихся за низвержение и разгром диктатуры пролетариата в Советском Союзе, оно было основано на завоеваниях социализма, на марксистско-ленинской линии и идеологии большевистской партии, на высокой и неоспоримой личности Сталина. Всеобщее доверие к Сталину было основано на его справедливости, на его умении защищать Советский Союз и ленинизм. Сталин правильно вёл классовую борьбу, он беспощадно разил (и очень хорошо делал) врагов социализма.

И если в процессе всей этой справедливой титанической борьбы имели место и отдельные перегибы, то виновником в них был не Сталин, а Хрущёв и Берия с компанией, которые, в своих тёмных и затаённых целях, когда они ещё не обладали особой силой, показывали себя самыми прилежными сторонниками чисток. Они поступили так, чтобы вкрасться в доверие и завоевать славу «пламенных защитников» диктатуры пролетариата, «беспощадных с врагами», и таким образом подниматься по ступеням, ведшим к последующей узурпации власти.

* * *

Во время неоднократных поездок, которые я совершал в Советский Союз после 1953 г., я всё лучше и лучше подмечал обострение противоречий среди членов Президиума Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза.

Несколько месяцев спустя после смерти Сталина, в июне 1953 г., я съездил в Москву во главе Партийно-правительственной делегации, чтобы запросить кредит экономического и военного характера.

Это было время, когда казалось, что Маленков был главным руководителем. Он был Председателем Совета Министров Советского Союза. Хрущёв, хотя с марта 1953 г. и фигурировал первым в списке секретарей Центрального Комитета партии, по-видимому, ещё полностью не прибрал власть к своим рукам, ещё не подготовил путча.

Как правило, свои запросы мы излагали сначала письменно, так что члены Президиума Центрального Комитета партии и Советского правительства заблаговременно были знакомы с ними; более того, как выяснилось впоследствии, они уже решили, что будут давать и чего нет. Они приняли нас в Кремле. Когда мы вошли в зал, советские руководители встали, и мы пожали друг другу руку. Обменялись приветствиями.

Я знал всех ещё со времени Сталина. Маленков был тот же - полный, с желтоватым лицом. С ним я познакомился за несколько лет до этого в Москве во время встреч со Сталиным, и он произвёл на меня хорошее впечатление. Он обожал Сталина, и, по всей видимости, Сталин тоже ценил его. На XIX съезде он выступил с докладом от имени Центрального Комитета партии. Он относился к числу сравнительно молодых, пришедших к руководству кадров; впоследствии был ликвидирован замаскированным ревизионистом Хрущёвым и его компанией. Но теперь он сидел на главном месте, так как занимал пост Председателя Совета Министров СССР. Рядом с ним сидел Берия со сверкавшими за очками глазами и с постоянно движущимися руками. Возле Берия сидел Молотов - спокойный, симпатичный, один из самых серьёзных и самых уважаемых, на наш взгляд, так как он был старым большевиком, большевиком времён Ленина и близким соратником Сталина. Таким мы считали Молотова и после смерти Сталина.

По соседству с Молотовым сидел Микоян со смуглым и нахмуренным лицом. Этот купец держал в руке полукрасный-полусиний толстый карандаш (который можно было видеть во всех канцеляриях в Советском Союзе) и занимался «подсчётами». Теперь он уже был облечён более широкими компетенциями, 6 марта, в день распределения постов, было решено объединить в одно министерство Министерство внешней торговли и Министерство внутренней торговли, а портфель министра-купца захватил этот армянин.

У края стола, в конце, словно растерявшись, сидел белоголовый бородач с расплывчатыми синими глазами, маршал Булганин.

- Мы вас слушаем! - степенно сказал Маленков.

Это было отнюдь не товарищеское начало. У новых советских руководителей потом вошло в привычку так начинать переговоры, и безо всякого сомнения такое поведение должно было напомнить о великодержавной гордости. «Ну, выкладывай, мы тебя послушаем, а потом скажем наше окончательное мнение». Я хорошо не знал русского языка, не мог говорить по-русски, но понимать-то понимал.

Я начал говорить через переводчика о заботивших нас проблемах, особенно о военных и хозяйственных вопросах. Сначала я сделал вступление о занимавшем нас внутреннем и внешнем положении страны. Мне обязательно надо было обосновать наши нужды и запросы как в экономической, так и в военной области. Я старался быть возможно более точным и конкретным в изложении своих соображений, не распространяться, - но не говорил и двадцати минут, как змеиноглазый Берия сказал Маленкову, сидевшему, как мумия, и слушавшему меня:

- Не сказать ли ему то, что надо, и закончить это дело?

Маленков, не пошевельнув лицом и не отрывая глаз от меня (конечно, ему надо было сохранять авторитет перед своими заместителями!), ответил Берия:

- Подожди!

Мне стало очень тяжело, во мне всё кипело, но я сохранил хладнокровие и, чтобы дать им понять, что я слышал и понял, что они сказали, сократил своё изложение и сказал Маленкову:

- У меня всё.

- Правильно! - сказал Маленков и передал слово Микояну.

Довольный тем, что я закончил своё изложение, Берия сунул руки в карманы и стал изучать меня, желая угадать, какое впечатление произвели на меня их ответы. Я, конечно, остался недоволен тем, что они решили дать нам в ответ на наши и без того весьма скромные просьбы. Я снова взял слово и сказал, что они слишком урезали наши запросы. И тут же заговорил Микоян, который «разъяснил» нам, что Советский Союз и сам беден, что он вышел из войны, что ему приходится помогать и другим и т.п.

- Составляя данные запросы, - ответил я Микояну, - мы всегда учитывали и только что изложенные вами соображения, причём делали мы расчёты очень сжато, свидетельство тому - работающие у нас ваши специалисты.

- Наши специалисты не знают, какими возможностями располагает Советский Союз. Это знаем мы, и мы высказали вам своё мнение, говоря вам о наших возможностях, - сказал Микоян.

Молотов сидел с опущенной головой. Он сказал что-то об отношениях Албании с соседями, но ни разу не поднял глаза. Маленков и Берия были двумя «петухами курятника», а Микоян, холодный и язвительный, говорил

вроде меньше, зато изрыгал одну лишь хулу и отраву. По тому, как они говорили, как прерывали друг друга, как напыживались, давая «советы», можно было заметить признаки расхождений между ними.

- Раз вы уже решили так, - сказал я им, - мне нечего больше говорить.

- Правильно! - снова сказал Маленков и спросил, повысив голос: - Замечания есть?

- Есть, - сказал с конца стола Булганин.

- Говори, - сказал ему Маленков. Булганин открыл какую-то папку и сказал:

- Вы, товарищ Энвер, попросили помощь для армии. Мы согласны дать вам то, что уже установлено нами, но у меня к вам несколько критических замечаний. Армия должна быть мощным оружием диктатуры пролетариата, её кадры должны быть верны партии, они должны быть пролетарского происхождения, партия должна прочно руководить армией…

Булганин сделал довольно длинную тираду, полную «советов» и «морали». Я внимательно слушал его и ждал найти в его словах критические замечания, но таких не было. Наконец он выпалил:

- Товарищ Энвер, мы располагаем сведениями о том, что многие кадры вашей армии являются сыновьями баев, богачей, людьми подозрительного происхождения и подозрительной деятельности. Мы должны быть уверены, в какие руки попадает оружие, которое мы вам даём, - сказал он далее, - поэтому советуем вам глубоко изучить эту проблему и произвести чистку…

Мне кинулась кровь в голову, ведь это была выдумка, клеветническое обвинение и оскорбление кадров нашей армии. Я повысил голос и спросил маршала:

- Откуда у вас такие сведения, которые вы приводите столь уверенно? Почему вы оскорбляете нашу армию?

Присутствующих обдало леденящим холодом. Все подняли голову и смотрели на меня, а я всё ждал ответа от Булганина. Он оказался в неловком положении, ибо не ожидал столь колючего вопроса, и уставился на Берия.

Слово взял Берия, который, раздражённо и неверно двигая глазами и руками, начал говорить, что, по имеющимся у них сведениям, неподходящие и подозрительные элементы у нас были, мол, не только в армии, но и в государственном и хозяйственном аппарате(!), он даже привёл какую-то цифру в процентах. Булганин облегчённо вздохнул и оглянулся, не скрывая своего удовольствия, но Берия прервал его улыбку. Он открыто противопоставился «совету» Булганина относительно чисток и отметил, что «элементы с плохим прошлым, вставшие впоследствии на правильный путь, не должны быть убраны, их надо простить».

Злоба и глубокие противоречия между этими двумя лицами

проявлялись совершенно открыто. Как впоследствии выяснилось, противоречия между Булганиным и Берия были не просто противоречиями между двумя лицами, а отображением глубоких противоречий, грызни и противопоставлений, кипевших между органами советской госбезопасности и органами разведки Советской Армии. Однако об этом мы узнали позже. В данном случае речь шла о возводимом на нас тяжком обвинении. Мы никак не могли взять на себя подобного обвинения, так что я встал и заявил:

- Те, кто дал вам такие сведения, клевещут, следовательно, они враги. Никакой правды нет в сказанном вами. Подавляющее большинство кадров нашей армии были бедными крестьянами, пастухами, рабочими, ремесленниками и революционно настроенными интеллигентами. Сыновей баев и богачей в нашей армии нет. Даже если имеется 10 или 20 таких, то они уже отреклись от своего класса и даже от своих родителей и родственников, когда последние противопоставляли себя партии и народу. Все кадры нашей армии прошли через войну и были выдвинуты в процессе войны, так что я не только не могу принять этих обвинений, но и скажу вам, что осведомители обманывают вас, они клевещут. Я заверяю вас, что оружие, которое мы от вас получали и получим, находилось и будет находиться в надёжных руках, что нашей Народной Армией руководила и руководит Партия труда, и никто иной. У меня всё! - И я сел.

После меня слово взял Маленков, чтобы закрыть дискуссию. Отметив, что он разделяет соображения предыдущих ораторов, дав нам уйму «советов и наказов», он также остановился на вопросе о «врагах» в рядах нашей армии, о котором завязался спор с Булганиным и Берия.

- Что касается проведения чисток в армии, я думаю, что вопрос не следует ставить так, - сказал Маленков, противопоставляясь «совету» Булганина о чистках. - Люди рождаются не подкованными, они делают и ошибки в жизни. Не следует бояться простить им ошибки. У нас есть люди, которые воевали против нас с оружием в руках, но мы теперь издаём особые указы о том, чтобы простить им прошлое и тем самым дать им возможность работать в армии и даже вступить в партию. Термин «чистка» армии, - повторил Маленков, - неподходящий, - и этим он закрыл обсуждение.

Ни в чём нельзя было разобраться: один наобум говорил «у вас враги», поэтому «надо произвести чистки», другой говорил «издаём указы о том, чтобы простить им прошлое»!..

Моё заключение об этой встрече было горьким. Я понял, что в руководстве Советского Союза не было расположения к нашей стране. Явная напыщенность, с которой они обращались с нами во время встречи, отклонение наших незначительных запросов и клеветническая вылазка против кадров нашей армии были дурными приметами.

Из этой встречи я заключил также, что в Президиуме Коммунистической партии Советского Союза не было единства: Маленков и Берия преобладали, Молотов почти безмолвствовал, Микоян стоял в

тени. Было ясно, что среди лидеров в Президиуме Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза разразилась борьба за вытеснение друг друга. Как ни старались они не создавать в публике впечатления о том, что в Кремле происходила «смена гвардии», всего происходящего нельзя было скрыть.

В партии и правительстве были произведены и производились изменения. Хрущёв, подставив ножку Маленкову, предоставив ему только пост премьер-министра, сам, в сентябре 1953 г., стал Первым секретарём Центрального Комитета. Понятно, Хрущёв и его приближённые удачно состряпали интригу в Президиуме, рассорив противников и устранив Берия, после чего остальных, по всей видимости, они «умиротворили».

Что же касается ареста и казни Берия, то приводится много версий. Говорили, в частности, что Берия был арестован военными во главе с генералом Москаленко прямо на заседании Президиума Центрального Комитета партии. По-видимому, Хрущёв с компанией эту «специальную миссию» поручили армии, так как не верили органам госбезопасности, поскольку они целые годы находились в руках Берия. План был разработан заранее: во время заседания Президиума Центрального Комитета партии Москаленко со своими людьми незаметно вошёл в соседнюю комнату. В один момент Маленков нажал кнопку звонка, и несколько мгновений спустя Москаленко вошёл в зал заседания и подошёл к Берия, чтобы арестовать его. Говорят, что он протянул руку к лежавшему рядом с ним портфелю, но Хрущёв, который «бдительно» сидел возле него, оказался «ловче»- он первым схватил портфель. «Птичке» некуда было улететь, акция увенчалась успехом! Точь-в-точь как в детективных фильмах, но не в заурядном фильме: его действующими лицами были члены Президиума ЦК КПСС!

Говорили, что именно так произошло, впрочем, это признавал и сам Хрущёв. Потом какой-то генерал, советский военный советник, Сергацков, кажется, звали его, когда приехал в Тирану, кое-что рассказал и нам о судебном процессе по делу Берия. Он сказал нам, что был вызван в качестве свидетеля заявить на процессе по делу Берия, что последний, мол, грубо обходился с ним.

В связи с этим Сергацков конфиденциально сказал нашим товарищам: «Берия здорово защищался в суде, ни в чём не признался и отверг все обвинения».

* * *

В июне 1954 г., несколько месяцев спустя после вступления Хрущёва на пост Первого секретаря Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза, мы с тов. Хюсни Капо поехали в Москву и попросили у советских руководителей встречи, чтобы обсудить с ними те наши экономические проблемы, которые они не хотели решать. Нас приняли Хрущёв и Маленков, который ещё был премьер-министром; присутствовали Ворошилов, Микоян, Суслов и ещё один или два других

более низкого уровня.

С Хрущёвым мне привелось раза два встречаться на Украине ещё до смерти Сталина. Тогда мы только что вышли из войны, и в то время было естественно, что мы питали большое доверие не только к Сталину, к Советскому Союзу, к Коммунистической партии Советского Союза, что было бесспорно, но и ко всем руководителям Коммунистической партии Советского Союза. Ещё при первой встрече Хрущёв произвёл на меня впечатление «энергичного и словоохотливого добряка»; он хорошо отзывался о нашей борьбе, хотя и видно было, что он ничего не знал о ней.

Он приличия ради обрисовал мне Украину, устроил для меня обед, от которого в мою память врезался какой-то суп, борщ, как и чаша простокваши, такой густой, что её можно было ножом резать; я так и не понял, что это было - простокваша или брынза; он подарил мне узорчатую украинскую рубаху и попросил извинения за то, что ему надо было выехать в Москву на заседание Политбюро. Эта встреча состоялась в Киеве, где Хрущёв, сопровождая меня, то и делал, что всячески расхваливал Сталина. Я, естественно, видя лишь то, как эти руководители, так умело управляли столь огромной страной, которую мы горячо любили, и слушая их хорошие слова о Сталине, был очень доволен ими и восхищался их достижениями.

Тем не менее столь неожиданный и быстрый приход к власти Хрущёва произвёл на нас нехорошее впечатление. Не потому, что у нас было что-то против него, а потому, что Хрущёв ни в самом Советском Союзе, ни за рубежом не пользовался такой известностью и не играл такую роль, чтобы столь быстро занять место великого Сталина в качестве Первого секретаря Центрального Комитета партии. Ни на одной из встреч, которые мы на протяжении ряда лет имели со Сталиным, Хрущёв ни разу не показался, хотя в большинстве этих встреч принимали участие почти все главнейшие руководители Коммунистической партии и советского государства. И всё-таки мы ни разу не говорили о наших соображениях по поводу столь резкого выдвижения Хрущёва. Это мы считали внутренним делом Коммунистической партии Советского Союза, полагали, что они сами знают, что делают, и мы всем сердцем желали, чтобы дела в Советском Союзе шли всегда на лад, как во времена Сталина.

И вот настал день, когда мы оказались лицом к лицу с Хрущёвым на первой официальной встрече с ним.

Первым слово взял я. Я кратко изложил положение страны в экономическом, политическом и организационном отношении, положение партии и народной власти. Зная по опыту прошлогодней встречи с Маленковым, что новые руководители Коммунистической партии и советского государства не любили долго слушать других, я постарался изложить свои соображения возможно более сжато, делая упор в основном на экономические вопросы, о которых два месяца до этого мы направили советскому руководству подробное письмо. Помню, во время

моего выступления Хрущёв вмешался только раз. Я рассказывал об итогах последних выборов в депутаты Народного Собрания в нашей стране и о проявившемся на этих выборах монолитном единстве между партией, народом и народной властью.

- Эти результаты не должны усыпить вас, - вставил в этот момент Хрущёв, обратив внимание на тот вопрос, который мы всегда учитывали; я сам в только что сделанном изложении подчеркнул как раз нашу работу по упрочению единства, по усилению любви народа к партии и народной власти, по повышению бдительности и т.д. Ладно, это уж его право давать советы сколько ему угодно, нам не на что было обидеться.

Вслед за мной слово взял Хрущёв, который с самого начала показал себя фокусником в подходе к делам:

- Мы изучили ваш материал, так что в курсе вашего положения и ваших проблем, - начал он. - Сделанный товарищем Энвером доклад ещё больше разъяснил нам вопросы, и я считаю его «совместным докладом» - вашим и нашим. Но я, - сказал он далее, - ещё плохой албанец и теперь не буду говорить ни об экономических, ни о политических проблемах, выдвинутых товарищем Энвером, ибо мы с нашей стороны ещё не обменивались мнениями и ещё не пришли к единому мнению. Поэтому я коснусь другого вопроса.

И начал он пространную беседу о значении роли партии.

Говорил он громко, всё время жестикулируя и махая головой, оглядывался вокруг, нигде не останавливая своего взгляда, временами прерывал свою беседу и задавал вопросы, затем, часто ещё не получив ответа, продолжал свою беседу с пятого на десятое.

- Партия, - теоретизировал он, - руководит, организует, проверяет. Она - инициатор, вдохновитель. Но Берия стремился ликвидировать роль партии. - И, замолкнув на мгновение, спросил меня: - Получили ли вы резолюцию, в которой сообщается о приговоре против Берия?

- Да, - ответил я.

Он бросил говорить о партии и заговорил о деятельности Берия; какие только обвинения не возводил он на него, назвав его виновником многих бед. Это были первые шаги по пути атак против Сталина. Пока что Хрущёву нельзя было обрушиться на Сталина, на его дело и фигуру, он это понимал, так что начал с Берия, чтобы подготовить почву. К нашему удивлению, на этой встрече Хрущёв сказал:

- В прошлом году, находясь здесь, вы содействовали раскрытию и изобличению Берия.

Я с удивлением уставился на него, чтобы угадать, к чему он клонит. Объяснение Хрущёва было следующее:

- Вы помните ваш прошлогодний спор с Булганиным и Берия в связи с их обвинением в адрес вашей армии. Те сведения нам сообщил Берия, и ваше решительное возражение в присутствии товарищей из Президиума

помогло нам ещё лучше дополнить имевшиеся у нас подозрения и данные о враждебной деятельности Берия. Несколько дней спустя после вашего отъезда в Албанию, мы осудили его...

Однако на этой первой встрече с нами Хрущёв имел в виду не просто Берия. Дело «Берия» уже было закрыто, Хрущёв рассчитался с ним. Теперь ему надо было дальше идти. Он долго остановился на значении и роли Первого секретаря или Генерального секретаря партии.

- Для меня неважно, как он будет называться, - «первым» или же «генеральным», - сказал он. - Важно избрать на этот пост самого умелого, самого способного, самого авторитетного в стране человека. У нас свой опыт, - продолжил он. - После смерти Сталина нас было четверо секретарей Центрального Комитета, но у нас не было старшего, так что некому было подписать протоколы заседаний!

Подробно изложив этот вопрос с «принципиальной» точки зрения, Хрущёв стал явно подпускать шпильки, естественно, в адрес Маленкова, ни разу не назвав его по имени.

- Представьте себе, что случилось бы, - лукаво сказал он, - если бы самый способный и самый авторитетный товарищ был избран Председателем Совета Министров. Все обращались бы к нему, а это содержит в себе опасность того, что могут не приниматься во внимание жалобы, поданные через партию, тем самым партия ставится на второй план, превращается в орган Совета Министров.

Во время его выступления я несколько раз взглянул на бледного, покрытого желтовато-бурой краской Маленкова, не шевелившего ни головой, ни телом, ни рукой.

Ворошилов, покрасневший как мак, смотрел на меня, ожидая, когда Хрущёв закончит своё «выступление». Затем начал он. Он указал мне на то (как будто я этого не знал), что пост премьер-министра также очень важен по такой-то и такой-то причине, и т.д.

- Полагаю, что товарищ Хрущёв, - сказал Ворошилов неуверенным тоном, так как не знал, кому угодить, - не хотел сказать, что и Совет Министров не имеет особого значения. Премьер-министр также...

Маленков стал бледным как полотно. Желая хоть сколько-нибудь сгладить дурное впечатление, произведённое словами Хрущёва особенно относительно Маленкова, своими словами Ворошилов ещё больше подчеркнул существовавшее в Президиуме ЦК партии напряжённое положение.

Маленков был «козлом отпущения», которого преподносили мне «отведать». А я из этих двух лекций ясно понял, что в Президиуме ЦК КПСС углублялся раскол, что Маленков и его люди шли по наклонной плоскости. К чему привёл этот процесс - это мы увидели позже.

На этой же встрече Хрущёв сказал нам, что и другим братским партиям был предложен советский «опыт» того, кто должен быть первым секретарём партии, а кто премьер-министром в народно-демократических

странах.

- Мы обсудили эти вопросы и с польскими товарищами накануне их партийного съезда, - сказал нам Хрущёв. - Хорошенько взвесили дела и сочли целесообразным, чтобы товарищ Берут оставался Председателем Совета Министров, а товарища Охаба назначить Первым секретарём партии...

Итак, раз он настаивал на том, чтобы первым секретарём был избран Охаб, «замечательный польский товарищ», как он сам выразился нам, Хрущёв с самого начала был за устранение от руководства партии (а затем и за его ликвидацию) Берута. Итак, давалась зелёная улица всем ревизионистским элементам, которые до вчерашнего дня скрывались и притулились в ожидании подходящего момента. Этот момент создавал теперь Хрущёв, который своими действиями, своими позициями и своими «новыми идеями» становился вдохновителем и организатором «изменений» и «реорганизаций».

Однако съезд Польской объединённой рабочей партии не удовлетворил желания Хрущёва. Берут, твёрдый товарищ, марксист-ленинец, о котором я храню очень хорошие воспоминания, был избран Первым секретарём партии, а Премьер-министром был избран Циранкевич.

Хрущёв примирился с этим решением, так как иного выхода у него не было. Однако ревизионистская мафия, которая стала оживляться, думала обо всех путях и возможностях. Она ткала паутину. И если Берут не был смещён с партийного руководства в Варшаве, как этого желал и диктовал Хрущёв, то он должен был быть позднее ликвидирован в Москве неожиданным «насморком».

Что скрывалось за выступлениями Хрущёва против «культа личности»

Одно из главных направлений стратегии и тактики Хрущёва заключалось в том, чтобы полностью прибрать к своим рукам политическую и идеологическую власть в Советском Союзе и поставить себе на службу Советскую армию и органы государственной безопасности.

Хрущёвская группа думала осуществить эту цель поэтапно. Вначале она не должна была вести фронтальное наступление на марксизм-ленинизм, социалистическое строительство в Советском Союзе и на Сталина. Напротив, этой группе надо было опираться на осуществлённые достижения и даже как можно больше превозносить их, чтобы завоевать себе доверие и создать обстановку эйфории, с целью подорвать затем социалистический базис и надстройку.

После смерти Сталина некоторое время «новые» советские руководители и, прежде всего, Хрущёв продолжали называть его «великим человеком», «вождём, пользующимся неоспоримым авторитетом» и др. Хрущёву надо было говорить так, чтобы завоевать себе доверие в Советском Союзе и за его пределами, создать впечатление, что он был «верен» социализму и революции, был

«продолжателем» дела Ленина и Сталина.

Между тем, Хрущёв и Микоян были самыми заклятыми врагами марксизма-ленинизма и Сталина. Оба они были головой заговора и путча, давно подготовленного ими вкупе с карьеристскими и антимарксистскими элементами в Центральном Комитете, армии и с местными руководителями. Эти путчисты не раскрыли карты сразу же после смерти Сталина, но продолжали дозировать яд в своих похвалах по адресу Сталина, когда это им надо было и в нужной им мере. Правда, особенно Микоян на многочисленных встречах, которые мне приходилось иметь с ним, никогда не хвалил Сталина, хотя путчисты в своих выступлениях и докладах, кстати и некстати, пели дифирамбы Сталину, славословили его. Они создавали культ Сталина, чтобы как можно больше изолировать Сталина от массы и, прикрываясь этим культом, подготавливали катастрофу.

Хрущёв и Микоян работали по плану, и после смерти Сталина они нашли свободное поле действия ещё потому, что Маленков, Берия, Булганин, Ворошилов показали себя не только ротозеями, но и властолюбивыми - каждый рвался к власти.

Хрущёв и Микоян, в полном единстве между собой, сумели действовать, противопоставить одного другому. Иными словами, они прибегли к тактике: разделяй в Президиуме, организовывай силы путча вне его, продолжай хорошо высказываться о Сталине, чтобы миллионные массы были на твоей стороне, и приближай, тем самым, день взятия власти, ликвидацию противников и всей славной эпохи социалистического строительства, эпохи победы Отечественной войны и др. Вся эта лихорадочная деятельность (мы это чувствовали) преследовала цель сделать Хрущёва популярным в Советском Союзе и за рубежом.

Прикрываясь победами, одержанными Советским Союзом и Коммунистической партией Советского Союза под руководством Ленина и Сталина, Хрущёв всё делал для того, чтобы народы Советского Союза и советские коммунисты думали, что ничего не изменилось, великий руководитель умер, но выдвигался «ещё более великий» руководитель, да какой! «Столь же принципиальный и такой же ленинец, что и первый, и даже больше его, но зато либеральный, обходительный, весёлый, полный юмора и шуток!».

* * *

Между тем оживлявшаяся ревизионистская гадюка стала изрыгать яд на облик и дело Сталина. Вначале это они делали, не атакуя Сталина по имени, а нападая на него косвенно.

Во время одной из моих встреч с Хрущёвым в июне 1954 г. он якобы в принципиальном и теоретическом плане принялся развивать мысль о большом значении «коллегиального руководства», о большом ущербе, который наносится делу, когда это руководство заменяется культом одного лица, он привёл мне также отдельные цитаты из Маркса и Ленина,

чтобы дать мне понять, что сказанное им основывалось на «марксистско-ленинской почве».

О Сталине он ничего плохого не сказал, а весь огонь обратил против Берия, обвинив его в действительных и вымышленных преступлениях. В самом деле на этом первоначальном этапе ревизионистского наступления Хрущёва Берия являлся подходящим козырем для продвижения тайных планов. Как я писал и выше, Хрущёв изобразил Берия виновником многих зол, он, недооценивал, мол, роль первого секретаря, он, мол, посягнул на «коллегиальное руководство», стремился поставить партию под контроль органов госбезопасности. Под маской борьбы за преодоление ущерба, нанесённого Берия, Хрущёв, с одной стороны, пускал корни в партийном и государственном руководстве и прибрал к рукам Министерство внутренних дел, с другой стороны - подготавливал общественность к предстоящему открытому нападению на Иосифа Виссарионовича Сталина, на подлинное дело Коммунистической партии большевиков, партии Ленина и Сталина.

Мы удивлялись многим из этих неожиданных действий и изменений, однако рано ещё было угадать истинные размеры осуществлявшегося заговора. Тем не менее ещё тогда мы не могли не уловить противоречивый характер в действиях и мыслях этого «нового руководителя», бравшего в свои руки бразды правления в Советском Союзе. Тот же Хрущёв, который теперь выступал «последователем коллегиального руководства», за несколько дней до этого, на встрече, которую мы имели с ним, говоря нам о роли Первого секретаря партии и премьер-министра, выступал пламенным сторонником «роли личности», «крепкой руки».

После смерти Сталина создалось впечатление, будто эти «принципиальные» деятели установили коллегиальное руководство. Они трубили об этом, чтобы доказать, будто «Сталин нарушил принцип коллегиальности», будто он «извратил эту важную норму ленинского руководства», будто при нём «партийное и государственное руководство превратилось из коллегиального в личное руководство».

Это была вопиющая ложь, и хрущёвцы распространяли её для подготовки почвы. Если принцип коллегиальности и был нарушен, то вину за это надо искать не в Сталине, а в мошенничестве других и в произвольных решениях, которые они сами принимали, извращая линию в различных подведомственных им секторах. Как же можно было контролировать подобные действия этих окружавших Сталина антипартийных элементов, если они сами распространяли идею о том, что ЦК знает всё? Этим они пытались убедить партию и народ в том, что «Сталину известно всё, что делается», и «он всё одобряет». Иными словами, именем Сталина и посредством своих аппаратчиков они зажимали критику и пытались превратить большевистскую партию в мёртвую партию, в организм, лишённый воли и энергии, который прозябал бы, одобряя все бюрократические решения, махинации и извращения.

В период кампании за установление так называемого коллегиального

руководства Хрущёв пытался ухищрённо жонглировать, поднимая оглушительный шум о борьбе против культа личности. Исчезли портреты Хрущёва со страниц газет, исчезли заголовки с крупными буквами, полные похвал в его адрес, но была пущена в ход другая, избитая тактика: все газеты заполняли его публичные выступления, речи, сообщения о встречах с иностранными послами, о ежедневном посещении приёмов, устраивавшихся дипломатами, о встречах с делегациями коммунистических партий, о встречах с американскими журналистами, дельцами и сенаторами и с западными миллионерами - друзьями Хрущёва. Эта тактика должна была быть противопоставлена методу «замкнутой работы Сталина», «его сектантской работы», который, по словам хрущёвцев, серьёзно мешал активизации Советского Союза в мире.

Эта хрущёвская пропаганда должна была показать советскому народу, что он теперь приобрёл «истинного ленинского вождя, который всё знает, всё решает правильно, выделяется исключительной живостью, даёт заслуженный отпор любому», и бурная деятельность которого «помогает исправлять в Советском Союзе всё, преодолеть преступления прошлого и двигаться вперёд».

* * *

Я находился в Москве по случаю совещания партий всех социалистических стран. Кажется, это было в январе 1956 г., когда состоялось совещание по вопросам экономического развития стран - членов СЭВ. Это было время, когда Хрущёв и хрущёвцы усиливали свою вражескую деятельность. Мы с Хрущёвым и Ворошиловым были на даче под Москвой, где должны были обедать все мы, представители братских партий. Никогда до этого советские руководители открыто не говорили мне плохо о Сталине, и я, со своей стороны, продолжал по-прежнему с любовью и глубоким уважением отзываться о великом Сталине. По-видимому, эти мои слова плохо звучали в ушах Хрущёва. В ожидании остальных товарищей Хрущёв и Ворошилов сказали мне:

- Не выйти ли нам в парк подышать свежим воздухом?

Мы вышли и прошли по дорожкам парка. Хрущёв говорит Климу Ворошилову:

- Ну, расскажи-ка Энверу об ошибках Сталина.

Я навострил уши, хотя давно подозревал их в злопыхательстве. И Ворошилов заговорил о том, что «Сталин допускал ошибки в партийной линии, был груб и до того жесток, что с ним нельзя было спорить».

- Он, - продолжал Ворошилов, - потворствовал даже преступлениям, за которые и несёт ответственность. Ошибки допускал он и в области развития народного хозяйства, поэтому эпитет «зодчий социалистического строительства» ему не подходит. С другими партиями Сталин не поддерживал правильные отношения.

Ворошилов долго наговаривал на Сталина. Кое-что я понял, а кое-чего нет, ибо я, как писал и выше, не очень хорошо знал русский язык, но тем не менее суть беседы и цель обоих я хорошо понял и был возмущён услышанным. Хрущёв шёл впереди и палкой касался посеянных в парке капуст. (Хрущёв даже в парках сеял овощи, выдавая себя за большого знатока земледелия.)

Когда Ворошилов закончил свою болтовню и клеветнические измышления, я спросил его:

- Как это возможно, чтобы Сталин допускал такие ошибки?

Побагровевший Хрущёв обернулся и ответил мне:

- Возможно, возможно, товарищ Энвер, Сталин такие ошибки допускал.

- Но ведь вы все это заметили ещё при жизни Сталина. Как это вы не помогли ему избежать этих ошибок, которые, как вы утверждаете, он допускал? - спросил я Хрущёва.

- Вопрос-то, товарищ Энвер, естественный, но видишь эту капусту? Сталин рубил голову с такой лёгкостью, с какой садовник может срубить эту капусту, - и Хрущёв палкой тронул капусту.

- Всё ясно! - сказал я Хрущёву и больше не вымолвил ни слова.

Мы вернулись на дачу. Остальные товарищи уже приехали. Я кипел негодованием. В тот вечер они собирались преподнести нам улыбки и обещания «более быстрого» и «более стремительного» развития социализма, обещания «большей помощи» и «более широкого» и «всестороннего» сотрудничества. Это было время, когда готовили пресловутый XX съезд, время, когда Хрущёв рвался к власти. Он создавал облик руководителя-мужика, «народного» руководителя, который открывал двери тюрем, открывал ворота концентрационных лагерей, который не только не боялся реакционеров и осуждённых и заключённых врагов Советского Союза, но, выпуская их на волю, хотел показать этим, что среди них были и «несправедливо» наказанные.

Известно, что за троцкисты, что за заговорщики, что за контрреволюционеры были Зиновьев и Каменев, Рыков и Пятаков, что за предатели были Тухачевский и другие генералы - агенты Интеллидженс сервис или немцев. А для Хрущёва и Микояна все они были хорошими людьми, и несколько позже, в феврале 1956 г., они должны были быть объявлены невинными жертвами «сталинского террора». Эта волна поднималась постепенно, тщательно подготавливалось общественное мнение. «Новые» руководители, которые были теми же старыми руководителями, выдавали себя за либералов, чтобы сказать народу: «Дыши свободно, ты на воле, пользуешься настоящей демократией, ибо тиран и тирания исчезли. Теперь всё идёт по ленинскому пути, создаётся обилие, рынки будут завалены товарами и нам некуда будет девать продукцию».

Хрущёв, эта отвратительная трещотка, свои уловки и коварства

прикрывал болтовнёй и вздором. И тем не менее этим ему удалось создать благоприятную для своей группы обстановку. Не было дня, чтобы Хрущёв не разводил разнузданную демагогию о сельском хозяйстве, не менял людей и методы работы, не объявлял себя единственным «компетентным знатоком» сельского хозяйства, предпринимавшим подобные личные «реформы».

Своему вступлению на пост Первого секретаря Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза Хрущёв «положил начало» пространным докладом о вопросах сельского хозяйства, сделанном на пленуме Центрального Комитета в сентябре 1953 г. Этот доклад, который был назван «очень важным» докладом, содержал в себе те хрущёвские идеи и реформы, которые фактически подорвали советское сельское хозяйство настолько сильно, что следы катастрофы видны и по сей день. Шум и фанфаронство относительно «целинных земель» являлись ложной рекламой.

Советский Союз покупал у Соединённых Штатов Америки миллионы тонн зерна.

Однако «коллегиальному руководству» и исчезновению портретов Хрущёва со страниц газет суждено было недолго длиться. Культ Хрущёва возвеличивали мошенники, либералы, карьеристы, лизоблюды и льстецы. Великий авторитет Сталина, основанный на его неизгладимом деле, был подорван в Советском Союзе и за его пределами. Его авторитет уступил место авторитету шарлатана, клоуна и шантажиста.

Заговоры, интриги и покушения Хрущёва в странах Восточной Европы

Выше я рассказал о «лекции», которую зачитал мне Хрущёв о роли первого секретаря партии, и о «мнении», которое он высказал польским товарищам о замещении Берута Охабом на этом посту. Этот факт не только поразил меня, но и показался совершенно неприемлемым, нетактичным (мягко выражаясь) вмешательством в дела братской партии.

Последующий ход событий должен был разъяснить и убедить нас, что подобные «предприятия» являлись обыденными формами «работы» Хрущёва в его попытках поставить под своё господство международное коммунистическое движение.

И эта деятельность не была лишена демагогического облачения. Эта демагогия сводилась к следующему: «Сталин держал коммунистические и рабочие партии в своём кулаке силой, террором, он навязывал им действия в интересах Советского Союза и в ущерб интересам мировой революции». Хрущёв стоял за борьбу против Коминтерна, якобы исключая при этом период Ленина. На взгляд Хрущёва и других современных ревизионистов, Коминтерн выступал не иначе, как «агентурой советских в капиталистических странах». Их мнение, которого они не высказывали открыто, но которое можно было подразумевать, полностью совпадало с

чудовищными обвинениями капитализма и мировой реакционной буржуазии, выступавших против пролетариата и новых коммунистических партий, основанных после измены социал-демократии и II Интернационала.

Ленин, а после него Сталин, посредством Коминтерна консолидировали коммунистические и рабочие партии, усилили борьбу пролетариата против буржуазии, против шедшей на подъём фашистской диктатуры. Деятельность Коминтерна была положительной, революционной. Не исключено, что могли быть допущены и отдельные ошибки, однако надо учесть и трудные условия подполья, в которых были вынуждены работать партии и само руководство Коминтерна, а также жестокую борьбу, которую вели против коммунистических партий империализм, буржуазия и реакция. Истинным революционерам никогда не забыть, что именно Коминтерн способствовал основанию и укреплению коммунистических партий после измены II Интернационала, как и не забывать им также, что именно Советский Союз времён Ленина и Сталина явился страной, где сотни революционеров нашли убежище, спасаясь от репрессий со стороны буржуазии и фашизма, и развернули свою деятельность.

Решения Коминтерна и директивная речь Димитрова в июле 1935 г. вошли в историю международного коммунистического движения как капитальные документы, которые мобилизовали народы, и в первую очередь коммунистов, на создание антифашистского фронта и организацию вооружённой борьбы с итальянским и немецким фашизмом и с японским милитаризмом. В этой борьбе коммунисты и их партии шли везде в авангарде.

Поэтому нападки на великое дело Коминтерна и марксистско-ленинский авторитет Сталина, сыгравших большую роль в создании и организационной, политической и идеологической консолидации коммунистических и рабочих партий мира, являются преступлением. Большевистская партия, со своей стороны, явилась для этих партий мощной поддержкой, и Советский Союз со Сталиным во главе - огромным потенциалом для поддержки революции на международной арене.

Империализм, капиталистическая буржуазия и её фашистская диктатура всеми силами и средствами выступали против Советского Союза, большевистской партии и Сталина. Они вели жестокую борьбу против Коминтерна и коммунистической и рабочей партии каждой страны; террором, кровопролитием и демагогией господствовали они над рабочим классом. Когда фашистская Германия напала на Советский Союз, коммунистические и рабочие партии различных стран взялись за оружие, объединились и с различными патриотами и демократами своих стран и включились в борьбу с фашистскими захватчиками. Об этой законной борьбе враги коммунизма сказали: «Коммунистические и рабочие партии стали на службу у Москвы». Это было измышление. Коммунистические и рабочие партии боролись за освобождение своих народов, боролись за взятие власти рабочим классом и народом. В великом союзе

антифашистской войны они симпатизировали Советскому Союзу, ибо он был самым надёжным залогом победы.

Это сам Сталин от имени Исполкома Коминтерна провозгласил решение о роспуске Коминтерна, так как больше не ощущалась надобность в его существовании. Это был совершенно правильный акт, ибо коммунистические и рабочие партии уже возмужали, стали боевыми, закалились в классовых битвах и в великой борьбе с фашизмом, приобрели колоссальный опыт. Тогда каждая партия уже могла стоять на собственных ногах, а непогрешимым компасом на своём пути она имела марксизм-ленинизм.

После Второй мировой войны было создано Информбюро коммунистических и рабочих партий, которое являлось необходимым организмом, ибо партии как социалистических, так и капиталистических стран, особенно европейские, нуждались в обмене столь ценным опытом между собой. Обмен опытом между нашими партиями был необходим особенно на первых порах мутной послевоенной обстановки, когда американский и английский империализм любыми средствами пытался вмешиваться во внутренние дела завоевавших свободу стран.

Хрущёв, никого не спросив, принял одностороннее решение и ликвидировал Информбюро. В связи с этим вопросом он поставил нас перед совершившимся фактом на встрече, устроенной в Кремле по вопросу, который совершенно не имел отношения к Информбюро. Хрущёв огласил решение и, пропев Информбюро заупокойную молитву, сказал: «Когда я сообщил об этом Неру, он остался доволен и сказал, что это умное решение, которое будет одобрено всеми».

Ухищрёнными, троцкистскими формами и методами - лестью, шантажом, упрёками, угрозами - Хрущёв пытался прибрать к рукам всё мировое коммунистическое движение, «дирижёрской палочкой» править всеми остальными партиями.

* * *

Хрущёвцы, конечно, начали эту работу ещё при жизни Сталина, за спиной у него. Это убеждение подкрепляется у нас и опытом наших взаимоотношений с советскими руководителями, грубым обращением с нами на купеческий манер Микояна и ещё кое-кого другого. А после смерти Сталина их наступление, направленное на разрушение социализма в остальных странах, становилось всё более мощным. Хрущёв, как и в Советском Союзе, стал подстрекать в Болгарии, Чехословакии, Польше, Румынии, Венгрии, а также в Албании антимарксистских, замаскированных и изобличённых элементов. Хрущёв и его сообщники стремились поставить под свой контроль этих людей там, где они стояли в руководстве, а там, где нет - протащить их путём ликвидации надёжных руководителей интригами, путчами или же покушениями, какое хотели совершить на Сталина (и, пожалуй, вполне вероятно, что они совершили его).

Сразу же после смерти Сталина умер Готвальд. Странная, скоропостижная смерть! Тем, которые знали Готвальда, никогда не могло и в голову приходить, что тот здоровый, сильный и живой мужчина умрёт… от гриппа или простуды, схваченной, дескать, в день похорон Сталина.

Я знал Готвальда. Когда я съездил в Чехословакию, я встретился с ним в Праге; мы долго беседовали о наших заботах. Он был скромный, искренний, скупой на слова товарищ. В беседе с ним я чувствовал себя непринуждённо; он слушал меня внимательно, время от времени делая затяжки из своей трубки, и с большой симпатией говорил мне о нашем народе и о его борьбе; он пообещал помочь нам в создании промышленности. Он сулил мне не горы и не чудеса, а очень скромный кредит, который предоставляла нам Чехословакия.

- Таковы наши возможности, - сказал он. - Позднее, когда мы наладим свою экономику, мы пересмотрим вопросы с вами.

Готвальд, старый друг и товарищ Сталина и Димитрова, скоропостижно умер. Это событие огорчило, но и удивило нас.

Позднее последовала - столь же скоропостижно - смерть товарища Берута, не говоря уже о более ранней смерти великого Георгия Димитрова. И Димитров, и Готвальд, и Берут нашли смерть в Москве. Какое совпадение! Все трое были товарищами великого Сталина!

Пост Первого секретаря партии после Берута занял Эдвард Охаб. Сбылась, таким образом, старая мечта Хрущёва. Однако позднее Хрущёв «не поладил» с Охабом, ибо, по всей видимости, последний не как следует исполнял его требования и приказы. Позднее мы присутствовали и на тех совещаниях, на которых Хрущёв брал Охаба на мушку. Я несколько раз встречался с Охабом - в Москве, Варшаве и Пекине - и считаю, что он не только не шёл нив какое сравнение с Берутом, но вообще не был наделён одарённостью, необходимой для руководства партией и страной. Охаб тенью пришёл и тенью ушёл, не пробыв и года на том посту.

Отмечу, что со смертью Берута расчищался путь к престолу Польши для реакционера Гомулки. Этот «коммунист», выпущенный из тюрьмы после некоторых перипетий и судорог разношёрстного руководства, в котором не было недостатка в агентах сионизма и капиталистических держав, был протащен в руководители его другом, Никитой Хрущёвым.

Польша была «старшей сестрой» хрущёвского Советского Союза. За ней следовала Болгария, над которой хрущёвцы издевались без зазрения совести и наконец превратили её в свою «послушную дочь».

Совершенно в отличие от чехов, поляков, румын, не говоря уже о немцах, болгары были тесно связаны со Сталиным и с руководимой им Всесоюзной Коммунистической партией. Более того, болгарский народ ещё раньше традиционно был связан с Россией. Именно в силу этих связей царь Борис не решился официально включить Болгарию в войну против Советского Союза, и советские армии вступили в Болгарию без единого выстрела.

Хрущёву надо было закрепить это влияние в своих шовинистических интересах и в целях распространения и закрепления ревизионистских взглядов. Поэтому он воспользовался этими обстоятельствами, доверием Болгарской Коммунистической партии к Сталину, Советскому Союзу и Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков) и поставил во главе Болгарской коммунистической партии никчёмного человека, кадр третьестепенной важности, но зато послушного малого, готового исполнять любое распоряжение Хрущёва, его посла и КГБ. Это был Тодор Живков, которого накачали и надули и, наконец, сделали Первым секретарём ЦК БКП.

Мне думается, что после Димитрова в партии и государстве Болгарии не было руководителя, не то что равного с Димитровым, но даже и близкого ему по принципиальности, идейному и политическому кругозору, по руководящим способностям. Здесь, конечно, я не говорю о Коларове, который умер вскоре после Димитрова, несколько месяцев спустя после него, и который был старым революционером, вторым деятелем после Димитрова, вместе с которым он работал в Коминтерне.

С Коларовым я впервые познакомился, когда я съездил в Болгарию с официальным визитом, в декабре 1947 г. Он был приблизительно того же возраста и роста, что и Димитров, был приятным собеседником; во время встреч с ним он рассказывал нам о возложенных на него Коминтерном заданиях, как, например, в Монголии, Германии и других странах. Коларову, по-видимому, было поручено партией заведовать взаимоотношениями с зарубежными странами, ибо он неоднократно говорил нам об отношениях Болгарии особенно с её соседями, которые были и нашими соседями: с Югославией и Грецией. Он разъяснил нам и международное положение вообще. Это очень помогло нам.

Коларов, как и незабываемый Георгий Димитров, был скромным человеком. Ни малейшего проявления высокомерия не наблюдалось в нём в ходе беседы, независимо от того, что мы были молодыми. Он почитал и уважал нас и наши мысли, и мы, хотя встречались с ним впервые, за время пребывания там чувствовали себя как в семье, как в тесной компании, в которой преобладали взаимная любовь, единство и усилия к достижению единой цели, к построению социализма.

Только один раз в моей жизни я встречался с Димитровым и Коларовым, этими выдающимися болгарскими коммунистами, но храню о них неизгладимые воспоминания. После Димитрова Коларов стал премьер-министром и был одним из инициаторов осуждения титовского агента, Костова, но прошло всего лишь несколько месяцев, и Коларов умер. Его смерть также очень огорчила меня.

После смерти Димитрова и Коларова в руководство Болгарской коммунистической партии и болгарского государства стали выдвигаться лишённые авторитета и личности люди.

В Болгарию я ездил несколько раз по делу, а также на отдых, с женой и детьми. Правду говоря, в Болгарии я испытывал особое удовольствие,

быть может, оттого что оба наших народа, хотя они совершенно различного происхождения, в веках сосуществовали, терпели и боролись против одного и того же захватчика - оттоманов; к тому же во многих отношениях они сходятся характером, особенно скромностью, гостеприимством, устойчивостью характера, стремлением сохранить лучшие традиции, фольклор и т.д.

До смерти Сталина в нашей дружбе с болгарами не было никаких шероховатостей. Обе стороны любили Советский Союз чистой и искренней любовью.

С болгарскими руководителями я беседовал, ел и пил неоднократно, вместе с ними путешествовал, совершал поездки по Болгарии. И позднее, пока Хрущёв ещё не порвал с нами, у нас с ними не было идеологических и политических разногласий, они хорошо, тепло принимали меня. Многие из них, как Вылко Червенков, Ганев, Цола Драгочева, Антон Югов и др., были не молодыми, а старшего поколения, работали с Димитровым в изгнании или внутри страны в подполье, а позже сидели и в застенках царя Бориса.

После смерти Георгия Димитрова Генеральным секретарём партии стал Вылко Червенков. Он был человеком высокого роста, с полуседыми волосами, с пухлым лицом; всякий раз, когда я встречался с ним в Болгарии или Москве, он производил на меня впечатление добряка; он ходил вразвалку, как будто хотел сказать: «Что я делаю на этой ярмарке? Я тут нахожусь понапрасну».

Он, по-видимому, был справедливым, но безвольным человеком. Таково, по крайней мере, было моё впечатление. Он был чрезвычайно скуп на слова. На официальных встречах он говорил так мало, что не знающему его человеку создавал впечатление человека высокомерного. Однако он нисколько не был высокомерным; он был скромным человеком. На неофициальных встречах, когда мы ели вместе с другими болгарскими товарищами или собирались для обмена мнениями, Вылко угрюмо молчал, будто его и совсем не было там. Другие беседовали, смеялись, он же - нет.

Червенков был зятем Димитрова - был женат на сестре великого вождя Болгарии. Быть может, доля славы и авторитета Димитрова передалась и Вылко Червенкову, однако Вылко не мог стать Димитровым. Так что он бесшумно был выдвинут во главу руководства Болгарской коммунистической партии, бесшумно был и выведен. Он был устранён втихомолку, был снят без шума и треска, уступив своё место руководителя партии Тодору Живкову.

* * *

Вошли в колею Никиты, значит, и Польша, и Чехословакия, и Болгария. Не должна была остаться вне его стремлений и поползновений и Румыния.

Во время войны мы не поддерживали никаких контактов с румынами;

после войны мы слышали от советских довольно похвальные слова о румынской партии и Деже, как старом революционере, который много переносил в застенках Дофтаны. Но я, правду говоря, чуть разочаровался, когда впервые встретился с ним по вопросу югославских ревизионистов.

Тут не место говорить о моих воспоминаниях об этой встрече, однако хочу отметить, что из того, что я увидел и услышал в Румынии, и из свободных бесед с Дежем у меня создалось неприятное впечатление о румынской партии и о самом Деже.

Несмотря на то что румынские руководители рекламировали, в Румынии не действовала диктатура пролетариата, а у Румынской рабочей партии были непрочные позиции. Они заявляли, что стояли у власти, однако было очевидно, что де-факто у власти стояла буржуазия. Она держала в своих руках промышленность, сельское хозяйство, торговлю и продолжала драть шкуру с румынского народа и жить в роскошных домах и дачах. Сам Деж ездил в забронированном автомобиле в сопровождении вооружённой свиты, что доказывало, насколько «надёжными» были у них позиции. Реакция в Румынии была сильна, и, не будь Красной Армии, неизвестно, что стало бы с этой страной.

Во время бесед с Дежем в те немногие дни моего пребывания в Бухаресте, он не давал прохода нам своим самохвальством за те «подвиги», которые они совершили, заставив отречься от престола подкупленного короля, Михая, которого они не только не наказали за его преступления против народа, но и дали ему выехать за пределы Румынии, на Запад, захватив с собой своё богатство и своих содержанок.

Странны были самовосхваления Дежа, особенно когда он рассказывал мне о том, как он хаживал в кафе реакционеров и «бросал им вызов» с наганом за поясом.

Так что ещё на первой встрече у меня сложилось нехорошее впечатление не только о Деже, но и о румынской партии, о её линии, которая была оппортунистической линией. И то, что произошло впоследствии с Дежем и его партией, не удивило меня. Ревизионистские лидеры этой партии были донельзя высокомерными, были фанфаронами, много хвалившимися войной, которую они не вели.

Когда мы включились в борьбу с ренегатской группой Тито, Деж стал «пламенным борцом» против этой группы. На исторических совещаниях Информбюро ему было поручено выступить с главным докладом против группы Тито - Ранковича.

Пока была в силе Резолюция Информбюро и при жизни Сталина, Деж выступал ярым антититовцем. После того, как изменники-ревизионисты с Хрущёвым во главе узурпировали власть в своих странах и совершили все известные нам акты измены, и, в частности, превознесли Тито до небес, Деж был из первых, кто запел на иной лад и сменил окраску как хамелеон. Он перечеркнул всё сказанное, выступил с открытой самокритикой, наконец, съездил на Брионы и во всеуслышание принёс Тито повинную голову.

Вообще, румынские руководители отличались как мегаломанией по отношению к «малым», так и пресмыкательством перед «великими». В беседах с нами они были малословными, а иной раз даже ограничивались тем, что кивали головой или подавали руку. На совещаниях и съездах они были настолько «озабочены», что казалось, будто они несли на своих плечах всю тяжесть. В таких случаях их всегда можно было видеть рядом с главными руководителями Советского Союза. По всей вероятности, они были их низкопоклонниками, оппортунистами, что стало совершенно очевидно, когда настал момент выступить в защиту принципов.

* * *

Итак, ревизионистский паук уже опутывал своей паутиной страны народной демократии. Старые руководители, такие как Димитров, Готвальд, а позже и Берут и другие, были замещены новыми, которые советским руководителям казались подходящими, по крайней мере, в тот период.

Относительно Германской Демократической Республики проблему они считали решённой, потому что Восточная Германия прочно была захвачена советскими войсками. Мы это считали нужным, потому что мирный договор не был заключён, к тому же Советская армия в Германии служила делу защиты не только этой социалистической страны, но и социалистического лагеря в целом.

С восточногерманцами мы поддерживали хорошие отношения, покуда был жив Пик, старый революционер, старый товарищ Сталина; я питал к нему большое уважение. С Пиком я встретился в 1959 г., когда я находился в ГДР во главе делегации. Пик тогда был стар и болен. Он доброжелательно и радушно принял меня, с улыбкой слушал, когда я говорил ему о нашей дружбе и рассказывал о достижениях Албании (он уже не мог говорить из-за паралича).

В последние годы, по всей видимости, Пик не действенно управлял страной и партией. Ему оставили почётный пост Президента Республики, а управляли Ульбрихт и Гротеволь с компанией.

Ульбрихт не выказывал какого-либо открытого признака вражды к нашей партии, покуда не испортились наши отношения с советскими и с ним. Он был самоуправный, высокомерный и грубый немец не только в отношениях с малыми партиями, как наша, но и с другими. Об отношениях с советскими он думал так: «Вы захватили нашу страну, вы лишили нас промышленности, поэтому теперь вы должны предоставлять нам крупные кредиты и продовольствие в таком количестве, чтобы Демократическая Германия насытилась и достигла уровня Германской Федеративной Республики». Он грубо запрашивал подобных кредитов и получал их. Он заставил Хрущёва заявить на одном совещании: «Мы должны помочь Германии стать нашей витриной напротив Запада». И Ульбрихт, не стесняясь, говорил советским на наших глазах:

- Вы должны поторопиться с помощью, ведь бюрократизм тут налицо.

- Где бюрократизм налицо, у вас? - спросил его Микоян.

- Нет, у нас ничуть, - ответил Ульбрихт, - у вас.

Но между тем как для себя получал большую помощь, он никогда не проявлял готовности помогать другим и нам предоставил смехотворный кредит. После того, как мы атаковали в Москве хрущёвцев, он как на совещании, так и в последующем выступал одним из самых оголтелых против нас, первым открыто выступил против нашей партии после московского Совещания...

Хрущёвцы хотели руководить не только странами народной демократии, но и международным коммунистическим движением в целом. Понятно, что и в рамках мирового коммунистического движения хрущёвцы не с самого начала выступили с совершенно открытой ревизионистской платформой. Как и в самом Советском Союзе, они старались проводить в нём гибкую линию, с тем чтобы не вызвать немедленную реакцию как в своей партии, так и в других партиях. Их «ленинизм» на словах, замолвленное здесь и там доброе слово о Сталине, шумная реклама «ленинских принципов отношений между социалистическими странами» - всё это служило маской для прикрытия заговоров, которые они составляли, с тем чтобы потихонечку подготовить почву для нанесения затем фронтального удара. Это они сделали на XX съезде Коммунистической партии Советского Союза.

XX съезд КПСС. «Секретный» доклад против Сталина

Измена во главе Коммунистической партии Советского Союза, страны, где совершилась Октябрьская социалистическая революция, воплотилась во всесторонних выпадах против имени и великого учения Ленина, особенно против имени и дела Сталина.

Когда хрущёвцы убедились в том, что упрочили свои позиции, что через маршалов прибрали к своим рукам армию, что увели на свой путь органы госбезопасности и привлекли на свою сторону большинство Центрального Комитета, - они подготовили и провели в феврале 1956 г. пресловутый XX съезд, на котором выступили и с «секретным» докладом против Сталина.

Мы с товарищами Мехметом Шеху и Гого Нуши были назначены нашей партией принять участие в работе XX съезда. Оппортунистический «новый дух», который насаждался и оживлялся Хрущёвым, можно было видеть даже в том, как была организована и как проходила работа этого съезда. Этот либеральный дух чёрной тучей заволакивал всю атмосферу, пронизывал советскую печать и пропаганду тех дней, он царил в коридорах и залах съезда, отражался на лицах, в жестах и словах людей.

Уже не было прежней серьёзности, характеризовавшей такие весьма важные для жизни партии и страны события. В перерывах между заседаниями Хрущёв с компанией ходили по залам и коридорам, смеялись

и соревновались друг с другом: кто расскажет больше анекдотов, кто отпустит больше острот и покажет себя более популярным или осушит больше рюмок за заваленными до отказа столами, которых было в изобилии.

Всем этим Хрущёв пытался подкрепить идею о том, что раз и навсегда был положен конец «тягостному периоду», «диктатуре», «мрачному анализу» вещей и официально начался «новый период», период «демократии», «свободы», «творческого подхода» к событиям и явлениям как в Советском Союзе, так и за его пределами.

В последний день съезд проводил свою работу при закрытых дверях, так как предстояли выборы, поэтому мы не присутствовали на этих заседаниях. Фактически в тот день после выборов делегаты выслушали второй доклад Хрущёва. Это был пресловутый доклад против Сталина, так называемый секретный доклад, который на деле предварительно был прислан также югославским руководителям, а несколько дней спустя был вручён буржуазии и реакции в качестве нового «подарка» Хрущёва и хрущёвцев. После того, как был проработан с делегатами съезда, этот доклад был вручён для чтения и нам, как всем другим зарубежным делегациям.

Его прочли только Первые секретари братских партий, участвовавшие в съезде. Я прочёл его за ночь и, весьма потрясённый, передал его читать также Мехмету и Гого. Что Хрущёв с компанией поставил крест на Сталине, на его облике и на его славном деле, это мы знали ещё раньше, в этом мы воочию убедились также в ходе работы съезда, где его имени ни разу не помянули добром. Но чтобы советские руководители могли записать на бумаге уйму обвинений и чудовищной ругани против великого и незабываемого Сталина, это нам и в голову не приходило. И тем не менее всё было чёрным по белому написано; доклад был зачитан советским коммунистам - делегатам съезда, был передан для чтения также представителям других партий, участвовавшим в работе съезда. Наши умы и наши сердца получили потрясающий, тяжёлый удар. Между собой мы говорили, что это была несусветная подлость с пагубными для Советского Союза и нашего движения последствиями, так что в тех трагических условиях долгом нашей партии было прочно стоять на своих марксистско-ленинских позициях.

Прочитав его, мы сразу вернули авторам их ужасный доклад. Нам незачем было взять с собой эту помойку низкопробных обвинений, выдуманных Хрущёвым. Это другие «коммунисты» взяли его с собой, чтобы передать реакции и оптом продавать его в киосках в качестве прибыльного бизнеса.

Вернулись мы в Албанию с разбитым сердцем за всё то, что увидели и услышали на родине Ленина и Сталина, но в то же время мы вернулись, получив большой урок: смотреть в оба, быть бдительными в отношении действий и позиций Хрущёва и хрущёвцев.

* * *

Прошло всего лишь несколько дней, и клубы чёрного дыма идей XX съезда стали расходиться повсюду.

Пальмиро Тольятти, наш близкий сосед, который с нами показал себя самым далёким и самым чуждым, в числе первых выступил в своей партии, бия себя в грудь. Он не только превознес до небес новые «перспективы», открытые съездом советских ревизионистов, но относительно многих из новых хрущёвских тезисов потребовал, чтобы за ним были признаны заслуги предшественника и «старого борца» за эти идеи. «Что касается нашей партии, - заявил Тольятти в марте 1956 г., - то мне кажется, что мы поступали смело. Мы всё время искали наш, итальянский способ развития по пути к социализму».

Как никогда оживились от радости белградские ревизионисты, а в остальных партиях стран народной демократии в духе тезисов Хрущёва не только стали проектировать будущее, но и пересматривать прошлое. Ревизионистские элементы, которые до вчерашнего дня изрыгали яд втайне, теперь выступили совершенно открыто, чтобы рассчитаться со своими противниками; развернулась кампания реабилитации предателей и осуждённых врагов, открылись двери тюрем, и многие из бывших осуждённых были посажены непосредственно на руководство партий.

Первой подала пример сама клика Хрущёва. На XX съезде Хрущёв хвастливо заявил, что в Советском Союзе было освобождено из тюрем и реабилитировано свыше 7000 человек, осуждённых при Сталине. Этот процесс продолжал углубляться.

Хрущёв и Микоян начали убирать одного за другим и, наконец, всех вместе тех членов Президиума ЦК партии, которые впоследствии должны были быть квалифицированы как «антипартийная группа». Подставив ножку Маленкову, временно сменив его Булганиным, они взялись за Молотова. Это было 2 июня 1956 г. В тот день газета «Правда» открывалась крупным портретом Тито; словами «добро пожаловать!» она приветствовала прибытие в Москву лидера белградской клики, а четвёртая её страница закрывалась сообщением из «хроники» о снятии Молотова с поста министра иностранных дел Советского Союза. В сообщении говорилось, что Молотов освобождался от этого поста «по своей просьбе», но фактически он освобождался в соответствии с условием, поставленным Тито в связи со своей первой поездкой в Советский Союз, со времени разрыва отношений в 1948-1949 гг. И Хрущёв с компанией сразу же выполнили условие, поставленное Белградом, чтобы доставить удовольствие Тито, поскольку Молотов вместе со Сталиным подписал письма, которые советское руководство направило югославскому руководству в 1948 г.

Позиции ревизионистских реакционеров крепли, и их противники в Президиуме - Маленков, Молотов, Каганович, Ворошилов и другие - уже стали яснее замечать ревизионистскую подоплёку и коварные планы, вынашиваемые Хрущёвым против Коммунистической партии Советского

Союза и государства диктатуры пролетариата. На одном из заседаний Президиума Центрального Комитета партии в Кремле летом 1957 г., после многочисленных упрёков, Хрущёв остался в меньшинстве и, как нам собственными устами рассказывал Полянский, был снят с поста Первого секретаря и назначен министром сельского хозяйства, поскольку был «специалистом по кукурузе». Однако это положение длилось всего лишь несколько часов. Хрущёв и его друзья втайне забили тревогу, маршалы окружили Кремль танками и войсками и отдали приказ даже мухи не выпускать из Кремля. С другой стороны, во все концы страны были направлены самолёты, чтобы привезти членов пленума ЦК КПСС «Затем, - рассказывал Полянский, это порождение Хрущёва, - мы ворвались в Кремль и потребовали впустить нас в зал заседания. Вышел Ворошилов, который спросил, чего мы хотели. Когда мы сказали, что хотим войти в зал заседания, он отказался наотрез. Когда мы сказали ему, что прибегнем к силе, он сказал: «Что тут происходит?» Но мы предупредили его: поменьше слов, иначе арестуем. Мы вошли в зал заседания и изменили положение». Хрущёв вновь взял власть в свои руки.

Итак, эти бывшие соратники Сталина, которые солидаризовались с клеветой, возведённой на его славное дело, после этой провалившейся попытки были названы «антипартийной группой» и получили сокрушительный удар от хрущёвцев. Никто не оплакивал их, никто не пощадил. Они утратили революционный дух, превратились в трупы большевизма, не были больше марксистами-ленинцами. Они присоединились к Хрущёву и согласились облить грязью Сталина и его дело; они попытались что-то предпринять, но не партийным путём, так как партия и для них не существовала.

* * *

Такая же участь ждала всех тех, кто так или иначе противился Хрущёву или становился уже ненужным ему. Годами подряд превозносились «огромные заслуги» Жукова, его деятельность периода Великой Отечественной войны была использована для того, чтобы облить грязью Сталина, его рука, как министра обороны, была использована для обеспечения торжества путча Хрущёва. Но позднее мы совершенно неожиданно узнали, что он был снят с занимаемых постов. В те дни Жуков находился у нас с визитом. Мы встретили его хорошо, как старого деятеля и героя сталинской Красной Армии, беседовали с ним о проблемах нашей обороны, как и обороны социалистического лагеря, и не замечали чего-либо тревожного в его мыслях. Наоборот, поскольку он приехал из Югославии, где находился с визитом, он сказал нам: «Судя по тому, что я видел в Югославии, не понимаю, что она за социалистическая страна!» Из этого мы поняли, что он не был одного мнения с Хрущёвым. В тот же день; когда он уехал от нас, мы узнали, что он был снят с поста министра обороны СССР за «ошибки» и «тяжкие проступки» в проведении «партийной линии», за нарушение «законности в армии» и т.д. и т.п. Я не могу сказать, были или нет ошибки у Жукова в этом отношении, но вполне возможно, что имеются более глубокие причины.

Меня заинтриговало обращение с Жуковым на одной из встреч у Хрущёва. Не помню, в каком году, но было это летом, я отдыхал на юге Советского Союза. Хрущёв пригласил меня на обед. Из местных были Микоян, Кириченко, Нина Петровна (супруга Хрущёва) и ещё кто-то. Из зарубежных гостей, помимо меня, были Ульбрихт и Гротеволь. Мы сидели на открытом воздухе, на веранде, ели и пили.

Пришёл Жуков, Хрущёв пригласил его сесть. Жуков выглядел не в духе. Микоян говорит ему:

- Я - тамада, налей!

- Не могу пить, - отвечает Жуков. - Нездоровится.

- Налей, говорят тебе, - настаивал Микоян авторитетным тоном, - здесь приказываю я, а не ты.

Заступилась Нина Хрущёва.

- Анастас Иванович, - говорит она Микояну, - не заставляй его, раз ему нельзя.

Жуков замолчал и не наполнил стакан. Шутя с Микояном, Хрущёв изменил тему разговора.

Не возникли ли уже тогда противоречия с Жуковым и его стали оскорблять и показывать ему, что «приказывает» не он, а другие? Не начали ли Хрущёв и его друзья бояться силы, которой они сами облекли Жукова с целью взять власть в свои руки, и поэтому затем обвинили его в «бонапартизме»?! Не были ли сообщены Хрущёву сведения о взглядах Жукова на Югославию прежде, чем тот вернулся в Советский Союз?! Во всяком случае, Жуков исчез с политической арены, несмотря на четыре Звезды Героя Советского Союза, ряд орденов Ленина и бесчисленное множество других орденов и медалей.

* * *

После XX съезда Хрущёв высоко поднял и сделал одной из главных фигур в руководстве Кириченко. Я познакомился с ним в Киеве много лет назад, когда он был первым секретарём на Украине. Этот краснолицый человек высокого роста, который не произвёл на меня дурного впечатления, принял меня не надменно и не только ради приличия. Кириченко сопровождал меня во многие места, которые я видел впервые, он показал мне главную улицу Киева, которая была построена заново, повёл меня на место, называемое Бабий Яр, известное истреблением евреев нацистами. Мы вместе с ним пошли в оперу, где послушали пьесу о Богдане Хмельницком, которого, помню, он сравнивал с нашим Скандербегом. Мне это было приятно, хотя и был уверен, что Кириченко имя Скандербега запомнил из того, о чём информировали его чиновники об истории Албании. На мою любовь к Сталину он отвечал теми же терминами и тем же выражением восхищения и верности. Но, поскольку он был украинцем, Кириченко не упускал случая говорить и о Хрущёве, о «его мудрости, умении, энергии» и т.д. В этих естественных для меня в то

время выражениях я не видел ничего дурного.

В Кремле много раз мне приходилось сидеть за столом рядом с Кириченко и беседовать с ним. После смерти Сталина устраивалось много банкетов, ибо в этот период советских руководителей, как правило, можно было встретить только на банкетах. Столы были денно и нощно накрыты, до отвращения заложены блюдами и напитками. Видя, как советские товарищи ели и пили, мне вспомнился Гаргантюа Рабле. Всё это происходило после смерти Сталина, когда советская дипломатия перешла к приёмам, а хрущёвский «коммунизм» иллюстрировался, помимо всего прочего, также банкетами, икрами и крымскими винами.

На одном из этих приёмов, когда рядом со мною сидел Кириченко, я громко сказал Хрущёву:

- Надо вам приехать и в Албанию, ведь вы всюду бывали.

- Приеду, - ответил мне Хрущёв. Тогда Кириченко говорит Хрущёву:

- Албания далеко, поэтому не давайте слово, когда поедете туда и сколько дней пробудете.

Мне, конечно, не понравилось его вмешательство, и я спросил его:

- Почему вы, товарищ, проявляете такое недоброжелательство в отношении нашей страны?

Он сделал вид, будто сожалел о происшедшем, и, желая объяснить свой жест, сказал мне:

- Пока что Никите Сергеевичу нездоровится, нам надо беречь его.

Всё это были сказки. Хрущёв был здоров как свинья, ел и пил за четверых.

В другой раз (конечно, на приёме, по обычаю) мне снова привелось сидеть рядом с Кириченко. Со мной была и Неджмие. Это было в июле 1957 г., время, когда Хрущёв уже поладил с титовцами и в одно и то же время и льстил им, и нажимал на них. Титовцы делали вид, будто прельщались лестью, тогда как на давление и ножевые удары отвечали ему взаимностью. Хрущёв за день до этого «в порядке разрешения» уведомил меня о том, что пригласит меня на этот ужин, на котором будут присутствовать также Живков с супругой, как и Ранкович и Кардель с супругами. Хрущёв, по привычке, шутил с Микояном. У него был такой комбинированный манер: стрелы, лукавство, ухищрения, ложь, угрозы он сопровождал издевательством над «Анастасом», который разыгрывал «шута короля».

Закончив вступление шутками «с шутом короля», Хрущёв, с рюмкой в руке, начал читать нам лекцию о дружбе, которая должна существовать между треугольником Албания - Югославия - Болгария и четырёхугольником Советский Союз - Албания - Югославия - Болгария.

- Отношения Советского Союза с Югославией, - сказал он, - шли не по прямой линии. Вначале они были хорошими, затем они охладели, позднее

испортились, затем вроде наладились после нашей поездки в Белград. Затем взорвалась ракета (он имел в виду октябрьско-ноябрьские события 1956 г. в Венгрии), и они снова испортились, но теперь уже создались объективные и субъективные условия для их улучшения. Отношения же Югославии с Албанией и Болгарией ещё не улучшились, и, как я уже сказал Ранковичу и Карделю, югославы должны прекратить агентурную деятельность против этих стран.

- Это албанцы не дают нам покоя, - вмешался Ранкович.

Тогда вмешался я и перечислил Ранковичу антиалбанские, саботажнические действия, заговоры и диверсионные акты, которые они предпринимали против нас В тот вечер Хрущёв «был на нашей стороне», однако его критика в адрес югославов была беззубой.

- Я, - сказал им Хрущёв, размахивая рюмкой, - не понимаю этого названия вашей партии «Союз коммунистов Югославии». Что это за слово «Союз»? Далее, вы, югославы, возражаете против употребления термина «лагерь социализма». Ну-ка скажите нам, как его называть, «нейтральным лагерем», что ли, «лагерем нейтральных стран»? Все мы - социалистические страны, или же вы не социалистическая страна?

- Социалистическая, а как же! - ответил Кардель.

- Тогда приходите к нам, ведь мы - большинство, - заметил Хрущёв.

Всю эту речь, которую он держал стоя и которая изобиловала криками и жестами, «критическими замечаниями» в адрес югославов, Хрущёв произносил в рамках своих усилий сбить спесь с Тито, который никак не соглашался признать Хрущёва «старшиной» собрания.

Сидевший рядом со мною Кириченко слушал молча. Позднее он тихо спросил меня.

- Кто этот товарищ, которая сидит рядом со мною?

- Моя жена, Неджмие, - ответил я.

- Разве ты не мог сказать мне об этом раньше, а то я всё молчу, полагая, что она жена кого-либо из этих, - сказал он мне, указывая глазами на югославов. Он поздоровался с Неджмие и тогда стал бранить югославов.

Между тем Хрущёв продолжал «критиковать» югославов, убеждая их в том, что именно он (конечно, прикрываясь именем Советского Союза, КПСС) должен был стоять «во главе», а не кто-либо другой. Он имел в виду Тито, который, со своей стороны, старался поставить себя и югославскую партию выше всех.

- Было бы смешно, - сказал он им, - если бы мы стояли во главе лагеря, когда остальные партии не считались бы с нами, как было бы смешно, если бы какая-либо другая партия называла себя главой, когда остальные не считают её такой.

Кардель и Ранкович отвечали ему холодным видом, напрягая все

силы, чтобы показаться спокойными, тем не менее не трудно было понять, что внутри у них бурлило. Тито наказал им решительно отстаивать его позиции, и они не нарушали слово, данное хозяину.

Диалог между ними длился, часто он прерывался выкриками Хрущёва, но я уже перестал обращать на них внимание. За исключением ответа Ранковичу, обвинившему нас в том, будто мы вмешивались в их дела, я ни словом не обменялся с ними. Всё время я разговаривал с Кириченко, и он чего только не наговорил на югославов и нашёл совершенно правильной по всем вопросам позицию нашей партии в отношении ревизионистского руководства Югославии.

Но и этот Кириченко впоследствии получил пощёчину от Хрущёва. Кириченко, которого иностранные обозреватели некоторое время считали вторым после Хрущёва, был послан в какой-то маленький захолустный городок России, конечно, почти в ссылку. Один наш слушатель какого-то военного учебного заведения, вернувшись в Албанию, рассказывал:

- Я ехал на поезде, как вдруг рядом со мною уселся какой-то советский пассажир, достал газету и стал читать. Через некоторое время бросил газету и, как уже принято, спросил меня: «Куда едете?» Я ответил. Подозревая меня из-за моего произношения русских слов, он спросил меня: «Какой вы национальности?». «Я албанец», - говорю ему. Пассажир удивился, обрадовался, посмотрел на двери вагона, повернулся ко мне и, крепко пожав мне руку, сказал: «Я восхищаюсь албанцами». Я, - говорит наш офицер, - был удивлён его поведением, так как в это время мы уже включились в борьбу с хрущёвцами. Это было после Совещания коммунистических партий. «А вы кто?»- спросил я, рассказывает офицер. Он и отвечает: «Я - Кириченко». Когда он назвал свою фамилию, - продолжает офицер, - я понял, кто он такой, и начал было беседу с ним, но он тут же сказал мне: «Не сыграть ли нам в домино?» «Давайте!» - ответил я, и он достал из кармана коробку с костяшками, и мы начали играть. Я вскоре понял, почему он хотел играть в домино. Он хотел что-то мне сказать и оглушить свой голос стуком костяшек по столику. И он начал: «Молодец ваша партия, разоблачившая Хрущёва. Да здравствует Энвер Ходжа! Да здравствует социалистическая Албания!» И так мы завязали очень дружескую беседу под стук костяшек домино. Между тем, как мы беседовали, в наше купе вошли другие люди. Он в последний раз стукнул костяшкой, сказал: «Выстаивайте, передайте привет Энверу!» - и, взяв газету, углубился в чтение, делая вид, будто мы совершенно не знали друг друга, - закончил наш офицер.

* * *

Чего только не делали Хрущёв и его сообщники, чтобы распространить и насадить во всех остальных коммунистических и рабочих партиях свою явно ревизионистскую линию, свои антимарксистские и путчистские действия и методы. Накануне III съезда нашей партии, который проводил свою работу в последние дни мая и в начале июня 1956 г., Суслов совершенно без обиняков потребовал от

нашего руководства «пересмотреть» и «исправить» свою линию прошлого, - Нашей партии нечего пересмотреть в своей линии, - сказали мы ему. - Мы ни разу не допускали грубых, принципиальных ошибок в политической линии.

- Вы должны пересмотреть дело ранее осуждённых вами Кочи Дзодзе и его товарищей, - сказал нам Суслов.

- Они были и остаются изменниками и врагами нашей партии и нашего народа, врагами Советского Союза и социализма, - резко ответили мы ему. - Даже если бы мы сто раз пересмотрели процессы по их делу, мы сто раз квалифицировали бы их только врагами. Таковой была их деятельность.

Тогда Суслов стал говорить о том, что происходило в других партиях и в самой КПСС, о «более великодушном», «более гуманном» подходе к этому вопросу.

- Это, - сказал он, - произвело большое впечатление на народы, они положительно относятся к этому. Так оно должно быть и у вас.

- Наш народ стал бы забрасывать нас камнями, если бы мы реабилитировали врагов и предателей, тех, кто пытался надеть стране оковы нового рабства, - заявили мы идеологу Хрущёва.

Увидев, что так ничего не выйдет, Суслов пошёл на попятную.

- Хорошо, - сказал он, - если вы убеждены в том, что они враги, то пусть они такими и останутся. Но вам надо сделать одно: не говорить об их связях с югославами, больше не называть их агентами Белграда.

- Мы здесь говорим о правде, - сказали мы ему. - А правда такова, что Кочи Дзодзе и его сообщники по заговору были стопроцентными агентами югославских ревизионистов. Мы во всеуслышание заявляли о враждебных нашей партии и нашей стране связях Кочи Дзодзе с югославами, предали гласности множество фактов, свидетельствующих об этом. Они хорошо известны советскому руководству. Быть может, вы ещё не знакомы с фактами, и, поскольку вы настаиваете на вашем мнении, я приведу вам некоторые из них.

Суслов с трудом сдерживал гнев. Мы хладнокровно перечислили ему некоторые из основных фактов, и в заключение сказали:

- Такова правда о связях Кочи Дзодзе с югославскими ревизионистами.

- Да, да! - с нетерпением повторил он.

- Тогда как же можно исказить эту правду?! - спросили мы его. - И позволительно ли партии ради того, чтобы угодить тому или другому скрывать или извращать то, что доказано бесчисленными фактами?

- Но ведь иначе нельзя улучшить отношения с Югославией, - фыркнул Суслов.

Всё стало для нас более чем ясно. За «братским» вмешательством

Суслова скрывались сделки между Хрущёвым и Тито.

По всей вероятности, титовская группа, которая теперь уже завоевала себе почву, добивалась побольше пространства, побольше экономических, военных и политических преимуществ. Тито настоятельно требовал от Хрущёва реабилитации таких титовских предателей, как Кочи Дзодзе, Райк, Костов и другие. Однако в нашей стране это желание Тито не исполнилось, тогда как в Венгрии, Болгарии, Чехословакии он добился своего. Там предатели были реабилитированы, а марксистско-ленинское руководство партий было подорвано. Это было общим делом Хрущёва и Тито. Тито считал нас занозой в ноге, однако наша позиция по отношению к нему была твёрдой и незыблемой. Даже если бы враги осмелились предпринять какие-либо действия против нас, мы противодействовали бы. Тито давно знал это, но знал и убеждался в этом также Хрущёв, который, естественно, был склонен сузить дороги Тито, не дать ему пастись на тех «лугах», которые Хрущёв считал своими.

* * *

Вся эта ревизионистская деятельность нарушила, подорвала марксистско-ленинское сотрудничество и гармонию, которыми отличалось международное коммунистическое движение. Хрущёв и хрущёвцы оказали неоценимую услугу мировому империализму и непосредственно поставили себя ему на службу. Того, чего на протяжении целых десятилетий не могли осуществить империализм и его лакеи своей подрывной деятельностью, добились Хрущёв и хрущёвцы всех мастей.

Клевеща на Сталина, на Советский Союз, на социализм и коммунизм, они выступали заодно с клеветниками-капиталистами, ослабили Советский Союз, что было мечтой и целью капиталистов. Они раскололи то монолитное единство, с которым боролись капиталисты, навели сомнения на революцию и торпедировали её, чего капиталисты неизменно старались добиться. Они насадили распри и внесли раскол в различные коммунистические и рабочие партии, низвергая или выдвигая на их руководство такие клики, которые лучше служили бы гегемонистским интересам, потрясённым сильным землетрясением.

Эти враги повели наступление на марксизм-ленинизм во всех направлениях и во всех областях и подменили его реформистской социал-демократической идеологией, расчистив, таким образом, путь либерализму, бюрократизму, технократизму, декадентскому интеллектуализму, капиталистическому шпионажу в партии, одним словом - разложению. То, чего не удалось добиться мировому капитализму, совершила за него хрущёвская клика.

Однако ни американский империализм, ни мировой капитализм не считали достаточной эту огромную помощь, которую оказывали им Хрущёв и хрущёвцы, эту крупную диверсию, которую совершали они против марксизма-ленинизма и социализма. Вот почему буржуазия и реакция развернули наступление на ревизионистские партии в целях

дальнейшего углубления кризиса, с тем чтобы не только опорочить марксизм-ленинизм и революцию, не только углубить раскол в рядах коммунистических и рабочих партий и усилить их мятеж против Москвы, но и ослабить, поставить на колени, поработить всеми этими действиями Советский Союз, как великую в политическом, экономическом и идеологическом отношении державу, невзирая на то что идеологией хрущёвизма был не марксизм, а антимарксизм. Мировому капитализму, с американским империализмом во главе, понадобилось бороться за то, чтобы не дать хрущёвскому гегемонизму выжить и консолидироваться на устроенных им самим руинах.

Поэтому американский и мировой империализм усилили подрывную работу в странах социалистического лагеря. В подходящем климате, созданном хрущёвскими лозунгами, оживились не только послушные Хрущёву лидеры, наподобие Живкова, но и агенты американцев, англичан и французов. Как в силу самой природы ревизионизма, так и в силу давления и шпионской деятельности империализма во многих партиях дали о себе знать люди, которые не были довольны тем, как осуществлялся процесс «демократизации» и либерализации. Враги социализма в Венгрии, Польше, Чехословакии и Румынии хотели идти галопом по пути реставрации капитализма, выбросив прочь демагогическую оболочку, которую хотела сохранять группа советских руководителей. Традиционные связи буржуазии этих стран с Западом и стремление поскорее избавиться от страха диктатуры пролетариата (хотя хрущёвцы уже подорвали её) ориентировали этих врагов на Вашингтон, Бонн, Лондон и Париж.

Хрущёв надеялся вновь посадить в сосуд выпущенных им чертей. Однако, выпущенные на волю, они хотели своевольно пастись на лужках, которые хрущёвцы считали своими, и «черти» перестали слушаться «волшебной дудки» Хрущёва. И последнему пришлось обуздать их при помощи танков.

События в Венгрии и Польше. Андропов

Отвратительный дух XX съезда подбодрил тех, кто притаился и выжидал подходящий момент, чтобы свергнуть социализм там, где он уже победил.

События в Венгрии и Польше явились явным прологом к контрреволюции, которая должна была развернуться ещё шире и глубже не только в этих странах, но и в Болгарии, в Восточной Германии, Чехословакии, Китае и особенно в Советском Союзе. Кое-как обеспечив свои позиции в Болгарии, Румынии, Чехословакии и т.д., хрущёвская клика набросилась на Венгрию, руководство которой не показывало себя в нужной мере послушным советскому курсу.

В Венгрии, как показывали дела, было много слабых мест. Там была создана партия во главе с Ракоши, вокруг которого сплотились некоторые старые товарищи-коммунисты, такие как Герэ, Мюнних, а также и

молодые, вновь пришедшие, которые нашли стол уже накрытым Красной Армией и Сталиным. В Венгрии начали «строить социализм», однако реформы не были радикальными. Покровительствовали пролетариату, но не очень обижая также и мелкую буржуазию. Венгерская партия трудящихся была объединением якобы подпольной коммунистической партии (венгерские военнопленные, захваченные в Советском Союзе), старых коммунистов Бела Куна и социал-демократической партии. Итак, объединение это явилось болезненным скрещиванием, которое никогда не вылечилось бы, если бы контрреволюция и Кадар, заодно с Хрущёвым и Микояном, не издали указ о полной ликвидации Венгерской партии трудящихся.

Ракоши я знал непосредственно и любил его. Часто беседовал с ним, как и по делу, так и в семейном порядке. Вместе с Неджмие, мы несколько раз бывали у него. Ракоши был честным человеком, старым коммунистом, руководящим деятелем в Коминтерне. Он преследовал добрые цели, но его работу саботировали изнутри и извне. При жизни Сталина, казалось, всё шло хорошо, но после его смерти стали появляться слабости в Венгрии.

Однажды во время беседы с ним Ракоши заговорил о венгерской армии и спросил меня о нашей.

- Армия у нас слабая, нет кадров, офицеры - старые, хортистской армии, поэтому мы вербуем рядовых рабочих с фабрик Чепели и одеваем их в офицерский мундир, - сказал он мне.

- Без сильной армии, - сказал я Ракоши, - нельзя защищать социализм. Вам надо убрать хортистов. Вы хорошо сделали, что взяли рабочих, только надо придавать значение их надлежащему воспитанию.

Во время нашей беседы на даче Ракоши, зашёл Кадар, который вернулся из Москвы, где он находился для лечения глаз. Ракоши представил его мне, спросил, как теперь его здоровье, и разрешил ему поехать домой. Когда мы остались одни, Ракоши говорит мне:

- Вот Кадар, молодой работник, мы сделали его министром внутренних дел.

Правду говоря, он как министр внутренних дел показался мне не ко двору.

В другой раз мы беседовали об экономике. Он мне говорил об экономике Венгрии, особенно о сельском хозяйстве, которое так шло на лад, что народ ел досыта и они не знали, куда девать свинину, колбасу, пиво, вина!

Я вытаращил глаза, ибо знал, что не только у нас, но и во всех социалистических странах, в том числе и в Венгрии, не было такого положения. У Ракоши был недостаток: он был экспансивным и преувеличивал результаты труда. Но, несмотря на этот недостаток, Матиас, на мой взгляд, отличался добрым, коммунистическим сердцем и правильно проводил курс на развитие социализма. Надо сказать, что

Венгрию и руководство Ракоши упорно, по-моему, стремилась подорвать международная реакция, поддерживаемая духовенством, мощным кулачеством и замаскированными хортистскими фашистами, - наконец, к этому порядком стремились Хрущёв и хрущёвцы, которые не только недолюбливали Ракоши, как и его сторонников, но и ненавидели его за то, что он был верен Сталину и марксизму-ленинизму и авторитетно возражал, когда это надо было, на совещаниях. Ракоши принадлежал к старой гвардии Коминтерна, а Коминтерн был для современных ревизионистов «диким зверем».

* * *

Итак, Венгрия стала ареной козней и махинаций Хрущёва, которому Ракоши был помехой. Руководство Венгерской партии трудящихся, во главе с Ракоши и Герэ, быть может, и допускало ошибки экономического характера, но ведь не они вызвали контрреволюцию. Главная ошибка Ракоши и его товарищей заключается в том, что они оказались нетвёрдыми, они поколебались перед давлением внешних и внутренних врагов. Они не мобилизовали партию и народ, рабочий класс, чтобы ещё в зародыше пресечь попытки реакции, пошли ей на уступки, реабилитировали врагов, вроде Райка и других, и ухудшили положение до такой степени, что вспыхнула контрреволюция.

В июне 1956 г., когда я ехал в Москву на совещание СЭВ, в Будапеште имел беседу с товарищами из Политбюро Венгерской партии трудящихся. Я не застал там ни Ракоши, ни Хегедюша, который был премьер-министром, ни Герэ, так как они тоже уже отправились в Москву поездом. (В действительности я не встретил и не видел Ракоши в Москве ни на совещании, ни в каком-либо другом месте. Он наверняка «отдыхал» в какой-нибудь «клинике», где хрущёвцы «убеждали его подать в отставку». Две-три недели спустя он действительно был освобождён от занимаемых постов.) Венгерские товарищи сказали мне, что у них есть некоторые трудности в партии и в её Центральном Комитете.

- В Центральном Комитете, - сказали они мне, - сложилась обстановка против Ракоши. Фаркаш, бывший член Политбюро, взял в свои руки флаг борьбы против него.

- Пора исключить Фаркаша не только из Центрального Комитета, но также из партии, - сказал мне Бата, министр обороны. - Он занимает антипартийную и враждебную нам позицию, - сказал далее Бата. - Его тезис таков: «Я ошибся, Берия является изменником. Но по чьему приказу я совершал эти ошибки? По приказу Ракоши».

- Этот вопрос, - сказали мне венгерские товарищи, - поставлен также Реваем, который внёс предложение «создать комиссию для анализа виновности того и иного, ошибок Ракоши и др.».

Тут я вмешался и спросил:

- Ну что же, тогда выходит, что Центральный Комитет не верит Политбюро?

- Так получается, - ответили они. - Мы были вынуждены согласиться создать комиссию, но решили, что её доклад сперва должен быть передан Политбюро.

- Что эта за комиссия? - спросил я. - Центральный Комитет должен поручить Политбюро анализ подобных вопросов, и там пусть обсуждается доклад. Если Центральный Комитет сочтёт нужным, он может низвергнуть Политбюро.

Венгерские товарищи рассказали мне, в частности, что Имре Надь, который был исключён как контрреволюционер, устроил по случаю своего дня рождения большой ужин, на который пригласил человек 150, в том числе и отдельных членов Центрального Комитета и правительства. Многие из них приняли приглашение предателя и пошли на ужин. Когда один из членов Центрального Комитета спросил товарищей из руководства, следует пойти на ужин или нет, они ответили ему: «Решай сам по своей собственной инициативе». Такой ответ, естественно, мне показался странным, и я спросил венгерских товарищей:

- Почему же вы не сказали ему прямо, что он не должен пойти, ведь Имре Надь - враг?

- Ну вот, мы решили, что пусть он судит и решит сам, как ему подскажет совесть, - получил я ответ.

Во время этой беседы венгерские товарищи подтвердили мне, что у них в партии сложилась тяжёлая обстановка. К этим хлопотам прибавились ещё хлопоты, вызванные XX съездом.

- В партии имеются группы, например, писатели и другие, - сказали они мне, - которые говорят, что «XX съезд подтверждает наши тезисы, что в руководстве допущены ошибки. Поэтому мы правы».

- Много хлопот доставило нам и интервью Тольятти, - сказал мне один из присутствующих. - Некоторые члены ЦК говорили мне: «Что же мы делаем? Целесообразнее действовать, иметь и в Венгрии иную политику, самостоятельную, как в Югославии».

На самом деле, там дела шли всё хуже и хуже. Другой член Центрального Комитета злобно сказал им: «Вы из Политбюро ещё продолжаете скрывать от нас такие вопросы, как вопросы XX съезда? Почему вы не публикуете интервью Тольятти?»

- И мы опубликовали его, - сказали мне товарищи из Политбюро, - ведь надо информировать партию!..

Я сказал венгерским товарищам, что у нас обстановка здоровая, рассказал им, как мы поступили на Тиранской партконференции.

- В партии, - отметил я им, - утверждена правильная демократия, демократия, упрочивающая обстановку и единство, а не подрывающая их. Поэтому, - отметил я, - мы разбили наголову тех, кто пытался использовать демократию в ущерб партии. Мы таких вещей не позволяли.

Касаясь интервью Тольятти, они спросили моего мнения о нём.

- Тольятти, - ответил я, - судя по тому, что он наговорил, не в порядке. Мы, естественно, не предавали огласке наши расхождения с ним, но первых секретарей райкомов партии мы вызвали и разъяснили им этот вопрос, с тем чтобы они были бдительны и готовы на все случаи.

Саллаи, член Политбюро, говорит мне:

- Я прочёл интервью Тольятти, оно не так уж плохое. Начало хорошее, только под конец оно дурнеет.

- Мы не опубликовали его и были удивлены тому, что оно было передано Пражским радио, - сказал я ему.

Из этой беседы я убедился, что у них была колеблющаяся линия. Более того, даже наиболее надёжные члены Политбюро, по всей видимости, находились под давлением контрреволюционных элементов, поэтому и они сами колебались. Казалось, будто в Политбюро существовала солидарность, но оно было полностью изолировано.

Вечером они устроили для нас ужин в здании Парламента, в зале, в котором бросался в глаза крупный портрет Аттилы, вывешенный на стене. Опять мы заговорили о складывавшемся в Венгрии тяжёлом положении. Но было ясно, что они уже сбились с толку.

- Что же это вы делаете, как же это вы сидите сложа руки перед лицом поднимающейся контрреволюции? Почему вы сидите наблюдателями, вместо того чтобы принять меры?

- Какие меры? - спросил один из них.

- Немедленно закрыть клуб «Петёфи», арестовать вожаков-смутьянов, вывести на бульвары вооружённый рабочий класс и окружить Эстергом. Допустим, вы не можете посадить в тюрьму Миндсенти, ну а Имре Надя не можете арестовать? Расстреляйте некоторых из вожаков этих контрреволюционеров, чтобы всем стало ясно, что такое диктатура пролетариата.

Венгерские товарищи вытаращивали глаза и с удивлением смотрели на меня, как будто хотели сказать: «Не сошёл ли ты с ума?» Один из них сказал мне:

- Мы не можем поступать так, как вы говорите, товарищ Энвер, так как мы не находим положение столь тревожным. Мы - хозяева положения. Выкрики в клубе «Петёфи» - это ребячьи дела, а если некоторые члены Центрального Комитета пошли и поздравили Имре Надя, то они поступили так потому, что были его старыми товарищами, а не потому, что они не согласны с Центральным Комитетом, исключившим Имре из своих рядов.

- Мне кажется, что вы подходите к делу упрощенчески, - сказал я им, - вы не оцениваете грозящую вам большую опасность...

Но мои слова были гласом вопиющего в пустыне. Мы закончили этот горе-ужин, и в ходе бесед, которые длились несколько часов, венгерские товарищи продолжали убеждать меня в том, что «они были хозяевами положения», и нести прочий вздор.

* * *

Утром я сел на самолёт и вылетел в Москву. Встретился с Сусловым в его кабинете в Кремле. Суслов поразил меня своей манерной походкой, подобной балеринам Большого, и, когда мы уселись, стал спрашивать об Албании. Обменявшись мнениями о наших проблемах, я заговорил о венгерском вопросе. Поделился с ним моими впечатлениями и мыслями в таком виде, в каком я открыто изложил их и венгерским товарищам. Суслов смотрел на меня своими зоркими глазами сквозь очки в серой костяной оправе, и я, говоря с ним, замечал, что в его глазах появились признаки недовольства, скуки, гнева. Несогласие и эти чувства сопровождались каракулями на белой бумаге, лежавшей перед ним на столе. Я продолжал говорить и закончил, отметив ему, что меня поразили спокойствие и «хладнокровие» венгерских товарищей.

Своим тонким, визгливым голосом Суслов сказал мне:

- Нам нельзя согласиться с вашими соображениями о венгерском вопросе. Вы изображаете положение тревожным, но оно не таково, как вы о нём думаете. Быть может, вы недостаточно осведомлены, - и Суслов продолжал пространно говорить, стараясь «успокоить» меня и убедить в том, что в положении в Венгрии не было ничего тревожного.

Меня нисколько не убедили его «аргументы», а события последующих дней подтверждали, что наши мысли и замечания относительно тяжёлого положения в Венгрии были совершенно правильными. Почти два месяца спустя, в конце августа 1956 г., я снова имел горячий спор с Сусловым по венгерскому вопросу. Когда мы ехали в Китай на партийный съезд, мы проезжали через Будапешт, и из беседы, которую мы имели на аэропорте с венгерскими руководителями, мы ещё больше убедились, что положение в Венгрии обостряется, а венгерское руководство своими действиями потворствует контрреволюции. Во время нашей остановки в Москве Мехмет, Рамиз и я встретились с Сусловым и сказали ему о наших треволнениях, чтобы он информировал о них советское руководство. Суслов отнёсся к этому так же, как и на моей июньской встрече с ним.

- В том направлении, о каком вы говорите, то есть, что там бурлит контрреволюция, - сказал нам Суслов, - у нас нет данных ни от разведки, ни из других источников. Правда, враги поднимают шумиху о Венгрии, но положение там нормализуется. Что там наблюдаются некоторые студенческие движения, это правда, но они неопасные, они под контролем. Вам следует знать, что не только Ракоши, но и Герэ допускал ошибки…

- Да, что они допускали ошибки, это правда, ведь они реабилитировали венгерских предателей, замышлявших подорвать социализм, - перебил я Суслова.

Он надул свои тонкие губки, а затем продолжал:

- Что же касается товарища Имре Надя, мы не можем согласиться с вами, товарищ Энвер.

- Вы, - говорю я ему, - очень меня удивляете, называя «товарищем» Имре Надя, которого Венгерская партия трудящихся выбросила прочь.

- Пусть она и выбросила его, - отвечает Суслов, - он раскаялся и выступил с самокритикой.

- Слова ветер уносит, - возразил я, - не верьте болтовне…

- Нет, - сказал побагровевший Суслов, - у нас его письменная самокритика. - Тем временем он выдвинул ящик, вынул оттуда какую-то бумажку за подписью Имре Надя, адресованную Коммунистической партии Советского Союза, в которой он писал, что ошибся «в мыслях и действиях» и просил поддержки у советских.

- И вы верите этому? - спросил я Суслова.

- Верим, почему нет! - ответил Суслов и продолжал: - Товарищи могут и ошибаться, но, если они признают ошибки, им надо протянуть руку.

- Он изменник, - сказал я Суслову, - и мы считаем, что вы, протягивая руку изменнику, допускаете большую ошибку.

На этом и закончилась наша беседа с Сусловым, мы расстались с ним, не согласившись.

* * *

Из этой встречи у нас сложилось впечатление, что хрущёвцы, окончательно осудив Ракоши, были охвачены тревогой и страхом в связи с положением в Венгрии, что они не знали, как быть и искали выхода перед бурей. По всей вероятности, они вели с Тито переговоры относительно совместного разрешения вопроса. Они готовили Имре Надя, рассчитывая с его помощью взять в руки положение в Венгрии. Так и произошло.

Окружение Ракоши было очень слабое. Ни Центральный Комитет, ни Политбюро не находились на нужном уровне. Люди, вроде Хегедюша, Кадара, старики вроде Мюнниха и молодняк, не прошедший испытание партийной и боевой жизни, с каждым днём всё больше ухудшали направление дел и, наконец, были опутаны титовско-хрущёвской паутиной.

Вся эта авантюра подготавливалась лихорадочными усилиями. Оживилась и подняла голову реакция, она говорила и орудовала в открытую. Лжекоммунист, кулак и изменник Имре Надь, прикрываясь маской коммунизма, стал знаменем борьбы против Ракоши. Этот последний почувствовал опасность, грозившую партии и стране, и уже принял меры против Имре Надя, исключив его из партии к концу 1955 г. Но было слишком поздно: паутина контрреволюции крепко опутала Венгрию, так что эта страна проигрывала битву. Ракоши атаковали и Хрущёв, и Тито, и центр Эстергома, и внешняя реакция. Анна Кегли, Миндсенти, графы и бароны на службе у мировой реакции, скопившиеся в самой Венгрии, в Австрии и других странах, организовывали контрреволюцию, засылали оружие для того, чтобы перевернуть всё

вверх дном.

Клуб «Петёфи» стал центром реакции. Это был якобы клуб культуры Союза молодёжи, но фактически под носом у самой венгерской партии он служил вертепом, где реакционная интеллигентщина не только болтала против социализма и диктатуры пролетариата, но и подготавливалась, организовывалась, причём до такой степени, что наконец она в виде ультиматума кичливо предъявила свои требования партии и правительству. Первоначально, пока у руководства стоял Ракоши, были сделаны попытки принять некоторые меры: посредством резолюции Центрального Комитета был осуждён клуб «Петёфи», были исключены из партии один или два писателя, однако всё это были скорее всего щипками, и отнюдь не радикальными мерами. Вертеп контрреволюции продолжал существовать и несколько позже, почти все те, кто был осуждён, были реабилитированы.

Ниспровергнутый Имре Надь сидел как паша в своём доме, который он превратил в место приёма своих сторонников. Среди них были члены Центрального Комитета Венгерской партии трудящихся. Венгерские руководители смущённые ездили в Москву и обратно, тогда как их так называемые товарищи в Центральном Комитете, вместо того чтобы принимать меры против поднимавших голову реакционных элементов, ходили домой к Имре Надю и поздравляли его с днём рождения. Низкопоклонники Ракоши стали низкопоклонниками Надя и расчистили ему путь к власти.

Решение ниспровергнуть Ракоши было принято в Москве и Белграде. Он был сломлен, не смог устоять перед давлением хрущёвцев и титовцев, как и перед кознями их агентур в венгерском руководстве. Ракоши заставили подать в отставку якобы «по состоянию здоровья» (он страдал гипертонией!) и признаться в «нарушении законности». Первоначально говорили о заслугах «товарища Матиаса Ракоши». (Так что его «похоронили» с почестями.) Затем стали говорить о его ошибках, пока, наконец, не назвали его «преступной шайкой Ракоши». В подготовке закулисных сделок, предшествовавших снятию Ракоши, большую роль сыграл Суслов, который как раз в это время съездил в Венгрию на отдых (!).

Видимо, Ракоши был последней спицей, мешавшей ревизионистской колеснице нестись вскачь. Правда, первым секретарём не был избран Кадар, как это хотелось хрущёвцам, а Герэ, но и последнему оставались считаные дни. Кадар, который до этого сидел в тюрьме и лишь недавно был реабилитирован, вначале был избран в Политбюро и, как последователь Хрущёва, фактически был «первой скрипкой».

После июльского пленума 1956 г. (на котором Герэ сменил Ракоши, а Кадар вошёл в состав Политбюро) реакция окрылилась, авторитет партии и правительства почти не существовал. Контрреволюционные элементы упорно требовали реабилитации Надя и снятия тех немногих надёжных людей, которые ещё оставались в руководстве. Герэ, Хегедюш и другие разъезжали по городам и фабрикам, чтобы угомонить страсти, обещая

«демократию», «социалистическую законность», повышение окладов.

Начался «счастливый» период либерализации, период освобождения из тюрем и вытаскивания из могил тех, кто справедливо был осуждён диктатурой пролетариата. Предатель Райк и его сообщники были заново похоронены после пышной церемонии с участием тысяч человек во главе с венгерскими руководителями; церемония завершилась пением Интернационала. Предатель Райк стал «товарищем Райком» и национальным героем Венгрии, почти таким же, как и Кошут.

После формального письма, направленного Центральному Комитету партии, Надь вновь был принят в партию и наверняка ждал, что дальнейший ход событий приведёт его к власти. И они вскоре наступили.

После Райка на сцене появились многие другие, ранее осуждённые - офицеры и священники, политические преступники и воры, которым доставлялось моральное и материальное удовольствие. Вдова Райка получила в качестве вознаграждения за измену своего мужа 200 000 форинтов, а будапештские газеты помещали сообщение о великодушии «госпожи Райк», подарившей эту сумму народным колледжам.

* * *

После свержения Ракоши, особенно в злополучные октябрьские дни, распахнулись двери для хортистов, баронов и графов, для бывших владельцев и угнетателей Венгрии. Эстерхаз из центра Будапешта по телефону сообщал иностранным посольствам, что намеревался стать во главе правительства. Миндсенти, ещё раньше выпущенный из тюрьмы, входил в свой дворец в сопровождении «национальной гвардии» и благословлял народ. Подобно червям в гнойнике возродились старые партии - партии владельцев, крестьян, социал-демократов, католиков, им были возвращены прежние резиденции, они стали выпускать газеты, тогда как Надь и Кадар вошли в состав правительства. Контрреволюция уже охватила всю столицу и распространялась и на остальные края Венгрии.

Как рассказывал нам потом наш посол в Будапеште, Бато Карафили, разъярённые толпы контрреволюционеров вначале направились к медному памятнику Сталину, который ещё оставался на одной из площадей Будапешта. Подобно тому, как некогда штурмовые отряды Гитлера набрасывались на всё передовое, хортисты и другие подонки венгерского общества яростно набросились на памятник Сталину, пытаясь опрокинуть его. Поскольку это им не удалось даже при помощи стальных тросов, которые тянул тяжёлый трактор, разбойники сделали своё при помощи сварочной машины. Их первый акт был символичным: опрокидывая памятник Сталину, они хотели сказать, что опрокинут всё, что ещё осталось в Венгрии от социализма, от диктатуры пролетариата, от марксизма-ленинизма.

Во всём городе царили разрушения, убийства, беспорядки.

Хрущёв и Суслов выпустили из рук даже свою паршивую птичку -

Имре Надя. Этот изменник, на которого Москва рассчитывала подобно тонущему, который хватается за свои волосы, как за якорь спасения, в разгаре контрреволюционной ярости показал своё истинное лицо, провозгласил свою реакционную программу и выступил с публичными заявлениями о выходе Венгрии из Варшавского Договора.

Советским послом в Венгрии был некий Андропов, работник КГБ, который затем был выдвинут по чину и сыграл подлую роль также против нас. Этот агент с этикеткой посла оказался в водовороте разразившейся контрреволюции. Даже тогда, когда контрреволюционные события развёртывались в открытую, когда Надь пришёл во главе правительства, хрущёвцы ещё продолжали поддерживать его, надеясь, по-видимому, держать его под своим контролем.

В те дни после первого половинчатого вмешательства Советской армии Андропов говорил нашему послу в Будапеште:

- Повстанцев нельзя называть контрреволюционерами, так как среди них есть и честные люди. Новое правительство - хорошее и его необходимо поддерживать, чтобы восстановить положение.

- Как вы находите выступления Надя? - спросил его наш посол.

- Неплохие, - ответил Андропов, и, когда наш товарищ сказал, что ему кажется неправильным то, что говорили о Советском Союзе, он ответил:

- Антисоветчина есть, но последнее выступление Надя было неплохим, было не антисоветской направленности. Он старается поддерживать связи с массами. Политбюро - хорошее и пользуется доверием.

Контрреволюционеры орудовали настолько нагло, что самого Андропова и весь персонал посольства вывели на улицу и задержали там целые часы. Мы дали указание нашему послу в Будапеште принять меры по защите посольства и его персонала и установить пулемёт у крыльца; в случае, если контрреволюционеры осмелятся посягнуть на посольство, не колеблясь открыть по ним огонь, но, когда наш посол попросил у Андропова оружия для защиты нашего посольства, тот не согласился:

- Мы пользуемся дипломатическим иммунитетом, так что вас никто не тронет.

- Какой там дипломатический иммунитет?! - сказал наш посол. - Они вас вывели на улицу.

- Нет, нет, - ответил ему Андропов. - Если мы дадим вам оружие, это может вызвать инциденты.

- Ну что же, - сказал ему наш представитель, - в таком случае я официально прошу вас от имени албанского правительства.

- Спрошу Москву, - сказал Андропов, а когда наша просьба была отклонена, наш посол заявил ему:

- Ну ладно, только знайте, что мы будем защищаться тем

револьвером и теми охотничьими ружьями, которые у нас есть.

Советский посол заперся в посольстве, он не осмеливался высунуть голову. Один ответственный работник венгерского Министерства иностранных дел, которого преследовали бандиты, попросил убежища в нашем посольстве, и мы дали ему его. Он сказал нашим товарищам, что был и в советском посольстве, но там его не приняли.

* * *

Советские войска, размещённые в Венгрии, вначале вмешались, но затем отступили по требованию Надя и Кадара, а советское правительство заявило, что оно готово начать переговоры об их выводе из Венгрии. Москва направила в Будапешт подходящего человека, купца Микояна, вместе с петушком Сусловым.

Мы, в Тиране, не преминули выступить. Я позвал советского посла и гневно сказал ему:

- Вы совершенно не осведомлены о том, что происходит в некоторых социалистических странах. Вы отдаёте Венгрию империализму... Вам надо вмешаться вооружёнными силами, пока не поздно.

Я говорил ему о намерениях Тито и осудил Хрущёва за то, что он верил ему, как и Суслова за то, что он верил «самокритике» Имре Надя.

- Вот кем был Имре Надь, - говорю я ему. - Теперь в Венгрии проливается кровь, так что надо выявить виновников.

Он отвечает мне:

- Обстановка сложная, но мы не допустим, чтобы Венгрию взял враг. Ваши соображения я передам Москве...

Известно, что произошло в Венгрии, в частности в Будапеште. Были убиты тысячи людей. Вооружённая внешними силами реакция расстреливала на улицах коммунистов и демократов, женщин и детей, сжигала дома, учреждения и всё, что попадало под руку. Целые дни царил разбой. Небольшое сопротивление оказали только отряды госбезопасности Будапешта, тогда как венгерская армия и Венгерская партия трудящихся были нейтрализованы и ликвидированы. Кадар издал указ о роспуске Венгерской партии трудящихся, чем и показал своё истинное лицо, и провозгласил образование новой партии, Социалистической рабочей партии, которую должны были построить Кадар, Надь и другие.

Советское посольство было окружено танками, а внутри него плели интриги Микоян, Суслов, Андропов и, быть может, и другие.

Реакция во главе с Кадаром и Имре Надем, которые сидели в парламенте и проводили время в дискуссиях, продолжали призывать западные капиталистические государства выступить своими вооружёнными силами против советских.

Наконец, перепуганный Никита Хрущёв был вынужден отдать приказ. Советские бронетанковые войска пошли на Будапешт, завязались уличные бои. Интриган Микоян посадил Андропова в танк и послал его в парламент забрать оттуда Кадара, чтобы манипулировать им. И так и произошло. Кадар снова переменил хозяина, снова переменил рубашку, перешёл в объятия хрущёвцев и призвал народ прекратить беспорядки, а контрреволюционеров призвал сложить оружие и сдаться.

Правительству Надя наступил конец. Контрреволюция была подавлена, а Имре Надь нашёл убежище в посольстве Тито. Ясно, что он был агентом Тито и мировой реакции. Он пользовался также поддержкой Хрущёва, но ускользнул у него из рук, так как хотел зайти и зашёл дальше. Целые месяцы Хрущёв спорил с Тито в попытках забрать у него Надя, которого, однако, Тито не отдавал, пока они не нашли компромиссное решение - передать его румынам.

В то время, когда происходили переговоры с Тито по этой проблеме, Крылов, советский посол в Тиране, попросил нашего мнения: согласны ли мы, чтобы Надь был переведён в Румынию.

- Имре Надь, как об этом мы заявляли и раньше, - ответил я Крылову, - предатель, распахнувший в Венгрии двери фашизму. Теперь предлагают перевести в дружескую страну этого изменника, который расстреливал коммунистов, убивал прогрессивных людей, убивал советских солдат и призывал империалистов совершить военную интервенцию. Это большая уступка, и мы не согласны с этим.

После того, как угомонились страсти и были похоронены жертвы венгерской контрреволюции, Надь был казнён. Это тоже было неправильно, не потому, что Надь не заслуживал казни, нет, дело в том, что его надо было казнить не скрытно и без суда, без публичного изобличения его, как это было сделано. Его надо было судить и казнить публично, на основе законов страны, чьей гражданином он был. А ведь в судебном процессе, конечно, не были заинтересованы ни Хрущёв, ни Кадар, ни Тито, так как Надь мог вывести на чистую воду всю подноготную тех, кто управлял нитями контрреволюционного заговора.

* * *

Явления, аналогичные венгерским, имели место и в Польше почти в одно и то же время, хотя там события не приняли тех размеров и того драматичного оборота, которые они приняли в Венгрии. В Польше также под руководством Объединённой рабочей партии была установлена диктатура пролетариата, но там, несмотря на помощь, которую оказывал Советский Союз, социализм не развивался нужными темпами. Пока бразды правления находились в руках Берута, а партия стояла на правильных позициях, в социалистическом развитии страны были достигнуты успехи. Однако первые реформы и первые мероприятия, которые были проведены там, не были доведены до конца, классовая борьба не развивалась в должной мере. Рос пролетариат, развивалась

промышленность, прилагались усилия к распространению марксистских идей в массах, но буржуазные элементы де-факто сохранили многие из своих господствующих позиций. В деревне не была проведена аграрная реформа, коллективизация осталась на полпути, а в завершение всего этого Гомулка объявил нерентабельными кооперативы и государственные фермы и потворствовал росту кулачества в польской деревне.

Как и в Венгрии, Восточной Германии, Румынии и других странах, партия в Польше была образована в результате механического слияния буржуазных, так называемых рабочих, партий. Быть может, это и было необходимо для сплочения пролетариата под руководством одной-единственной партии, однако такому объединению должна была предшествовать большая идеологическая, политическая и организационная работа, с тем чтобы бывшие члены других партий не только ассимилировались, но и - а это самое главное - основательно воспитывались на марксистско-ленинских идеологических и организационных нормах. Но это не было сделано ни в Польше, ни в Венгрии и ни в других странах, и фактически получилось так, что члены буржуазных партий переименовались, стали «коммунистами», сохраняя, однако, свои старые взгляды, своё старое мировоззрение. Таким образом, партии пролетариата не только не окрепли, но, напротив, ослабли, так как в них запустили свои корни такие социал-демократы и оппортунисты, как Циранкевич, Марошан, Гротеволь и др. со своими взглядами.

В Польше, кроме этого, был налицо ещё другой фактор, сказавшийся на контрреволюционных выступлениях: старая ненависть польского народа к царской России. Благодаря работе реакции внутри партии и вне её, старая ненависть, которая в прошлом была вполне оправданной, теперь обратилась против Советского Союза, против советского народа, который, правду говоря, проливал кровь за освобождение Польши. Польская буржуазия, которая не получила надлежащего удара, всячески возбуждала националистские и шовинистические настроения против Советского Союза.

После смерти Берута всё это проявлялось ещё более открыто, более открыто проявлялись также слабости партии и диктатуры пролетариата в Польше. Итак, то из-за недостатков в работе, то в результате усилий реакции, церкви, Гомулки и Циранкевича, то из-за вмешательства хрущёвцев произошли июньские волнения 1956 г., как и события, имевшие место в последующем. Конечно, смерть Берута создала подходящие условия для осуществления планов контрреволюции. Берута я знал давно, с тех пор как я посетил Варшаву. Это был зрелый, опытный, отзывчивый, спокойный товарищ. Хотя я по возрасту был моложе его, он обошёлся со мною так хорошо и так по-товарищески, что мне никогда не забыть его присутствие. И тогда, когда я встречался с ним на совещаниях, в Москве, я, беседуя с ним, испытывал особое удовольствие. Он внимательно слушал меня, когда я рассказывал ему о нашем народе, о нашем положении. Он был откровенным, справедливым и принципиальным. Помню, когда мы с ним беседовали в Варшаве, он напомнил мне беседу, которую он имел с товарищем Мехметом.

- Ваш товарищ, подвергший критике поведение нашего премьер-министра, говорил со мной открыто. Мне нравятся такие товарищи, которые говорят прямо, - сказал Берут.

В последний раз я встретился с ним в Москве, когда проводил свою работу XX съезд КПСС.

Незадолго до его смерти, Берут, его жена, я и Неджмие заняли вместе ложу в Малом театре, чтобы посмотреть пьесу, посвящённую ленинградскому революционному флоту.

В антракте, в маленькой комнате за сценой, между нами состоялась сердечная беседа. Мы заговорили, в частности, о Коминтерне, так как в то время к нам зашёл ещё болгарин Ганев, и оба они с Берутом поделились со мной своими воспоминаниями о своих встречах в Софии, куда Берут был послан подпольно по делам.

Немного времени спустя после этой встречи страшная весть: Берут скончался… и он как Готвальд… «от насморка». Большое горе и чудо!

Мы поехали в Варшаву и похоронили его; это было в начале марта 1956 г. Перед гробом Берута было произнесено много речей - Хрущёвым, Циранкевичем, Охабом, Чжу Дэ и др. Выступил и Вукманович Темпо, который приехал принять участие в похоронах как посланец Белграда. Представитель титовцев и здесь улучил случай выдвинуть ревизионистские лозунги и выразить своё удовольствие по поводу новых «возможностей и перспектив», только что открытых XX съездом.

- Берут ушёл от нас в такой момент, когда уже открылись возможности и перспективы для сотрудничества и дружбы между всеми социалистическими движениями, для осуществления идей Октября разными путями, - сказал Темпо и призвал двинуться дальше по пути, открытому «постоянными действиями».

Между тем как ораторы выступали один за другим, я смотрел, как недалеко от меня, прислонившись к дереву, Никита Хрущёв был поглощён разговором с Вандой Василевской. По всей вероятности, он занимался сделками перед трупом Берута, которого клали в могилу.

* * *

Несколько месяцев спустя после этих горьких событий начала 1956 г., Польша была охвачена смятением и хаосом, попахивавшими контрреволюцией.

События, происшедшие в Польше, как две капли воды были похожи на венгерские события. Выступления познанских рабочих начались до начала венгерской контрреволюции, но фактически обе эти контрреволюционных движения созрели в одно и то же время, в одних и тех же ситуациях и вдохновлялись одними и теми же мотивами. Не буду подробно описывать события, так как они известны, но любопытно отметить аналогию фактов в этих странах, странную параллель в развитии контрреволюции в Польше и Венгрии.

И в Польше, и в Венгрии были сменены руководители: в одной стране руководитель - Берут - умер (в Москве), в другой - Ракоши - был снят (дело рук Москвы); в Венгрии были реабилитированы Райк, Надь, Кадар; в Польше - Гомулка, Спыхальский, Моравский, Лога-Совиньский и ещё целый караван предателей; там на сцену выступил Миндсенти, здесь - Вышинский.

Более показательным явилось идейное и духовное тождество этих событий. Как в Польше, так и в Венгрии события развёртывались под эгидой XX съезда, под лозунгами «демократизации», либерализации и реабилитации. хрущёвцы играли в ходе событий в обеих этих странах активную, причём подлую, контрреволюционную роль. Титовцы также оказывали своё воздействие на Польшу, может, не так непосредственно, как в Венгрии, но идеи самоуправления и «национальных путей к социализму», «рабочие советы», нашедшие место в Польше, были, конечно, вдохновлены югославским «специфическим социализмом».

Июньские события в Познани явились контрреволюционным движением, побуждённым реакцией, которая воспользовалась экономическими трудностями и ошибками, допущенными в Польше партией в области экономического развития. Эти выступления были подавлены, не получив размеров венгерских событий, однако они имели глубокие последствия в дальнейшем ходе событий. В Польше реакция нашла своего Надя - это был Владислав Гомулка, враг, выпущенный из тюрьмы и сразу ставший первым секретарём партии. Гомулка, который некоторое время был Генеральным секретарём Польской рабочей партии, был осуждён за свои правооппортунистические и националистские взгляды, которые были очень сходными с линией, проводившейся группой Тито, тогда уже разоблачённой Информбюро. Когда состоялся объединительный съезд рабочей и социалистической партий, в 1948 г., Берут и другие руководители, как и делегаты разоблачили и осудили взгляды Гомулки. Наша партия послала на этот съезд своего представителя, и он, вернувшись в Албанию, рассказывал нам о наглом и упрямом поведении Гомулки на съезде. Гомулка был разоблачён, но тем не менее, как было указано, «ему вновь протянули руку» и он был избран в Центральный Комитет. Как говорил нашему товарищу сопровождавший его поляк, Гомулка в те дни имел долгую беседу с Пономаренко, секретарём Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза, который присутствовал на съезде, и, по всей видимости, Пономаренко убедил Гомулку выступить с самокритикой. Однако время показало, что он не отказался от своих убеждений и впоследствии был осуждён также за антигосударственную деятельность.

Когда началась кампания реабилитации, сторонники Гомулки стали оказывать давление на партийное руководство, чтобы вывести и Гомулку чистым из воды. Но он был политически и идеологически слишком дискредитирован, поэтому на этом пути стояли преграды. За несколько месяцев до того, как Гомулка снова пришёл во главе партии в Польше, Охаб «торжественно» заявлял, что, хотя Владислав Гомулка и был выпущен из тюрьмы, «это отнюдь не меняет правильной сущности

политической и идеологической борьбы, которую партия вела против взглядов Гомулки».

Ликвидировав Берута, Хрущёв пришёл на помощь Охабу, Завадскому, Замбровскому, как и другим элементам, таким как Циранкевич, однако семена раздора и раскола вошли глубоко и стали давать себя знать. Гомулка и его сторонники орудовали, им удалось прийти к власти. Хрущёвцы оказались в затруднительном положении: они должны были держать в узде Польшу. Хрущёв бросил старых друзей и обратился лицом к Гомулке, который не так уж повиновался диктату Хрущёва.

Приход Гомулки к власти убедил нас в том, что события в Польше развёртывались в ущерб социализму. Мы не только были в курсе тёмного прошлого Гомулки, но и были в состоянии судить о нём также по лозунгам, которые он выдвигал, и по речам, которые он произносил. Он пришёл к власти под определёнными лозунгами «за подлинную независимость Польши» и «за дальнейшую демократизацию страны». В своей речи перед избранием на пост первого секретаря, он стал угрожать советским, заявляя, что «мы постоим за себя», причём, насколько нам известно, в Польше имели место даже столкновения между польскими и советскими воинскими частями. В целом события в Польше, как и в Венгрии, проходили под антисоветскими лозунгами. Гомулка также был антисоветчиком, он, конечно, выступал против Советского Союза времён Сталина, но теперь также хотел быть свободным от ярма, которое хрущёвцы готовили странам социалистического лагеря. Как бы то ни было, он формально говорил о дружбе с Советским Союзом и «осуждал» антисоветские лозунги. Что же касается пребывания советских войск в Польше, на это он смотрел положительно и это делал в непосредственных национальных интересах, так как опасался возможного нападения со стороны Западной Германии, которая никак не признавала границу по Одеру - Нейсе.

* * *

Ревизионист Гомулка проявлял настолько беспримерную надменность, что я счёл нужным на некоторые его действия указать Хрущёву, когда я встретился с ним в Ялте. Мы сидели в тенте на гальках у берега моря, и Хрущёв, выслушав меня, признал меня правым и сказал дословно: «Гомулка является настоящим фашистом». Однако оба контрреволюционера позднее договорились и были сладкогласными и сладкоречивыми друг с другом. Расхождения и противоречия смягчились.

Выступление Гомулки на пленуме Центрального Комитета, избравшем его первым секретарём, явилось «программным» выступлением ревизиониста. Он подверг критике линию, проводившуюся до того времени в промышленности и сельском хозяйстве, изобразил кооперативную систему в деревне и государственные фермы в чёрном свете и объявил их нерентабельными. Эти взгляды мы квалифицировали как антимарксистско-ленинские. В Польше, быть может, были допущены ошибки в деле коллективизации и развития сельскохозяйственных

кооперативов, но ведь виновна в этом не кооперативная система. Она уже доказала свою жизненную силу, как единственный путь социалистического строительства в деревне в Советском Союзе, в других социалистических странах, в том числе и у нас. Гомулка начал бряцать мечом налево и направо против «нарушений законности», против «культа личности», против Сталина, против Берута (хотя его он и не упомянул по имени), против руководителей социалистических стран, которых он называл сателлитами Сталина.

Гомулка взял под защиту контрреволюционные выступления в Познани. «Познанские рабочие, - заявил Гомулка на VIII пленуме в октябре 1956 г., - протестовали не против социализма, а против отрицательных явлений, распространившихся в нашей общественной системе. Попытка представить прискорбную трагедию Познани как дело рук империалистической агентуры и империалистических провокаторов была политически весьма наивной. Причины надо искать в партийном и государственном руководстве».

Хрущёвцы были обеспокоены польскими событиями, побоялись, так как видели, что ими же провозглашённый «новый курс» заводил польских руководителей дальше, чем они этого желали, и что Польша могла выйти из-под их влияния. В те дни, когда проводил свою работу пленум, который должен был вновь привести к власти Гомулку, поспешно выехали в Польшу Хрущёв, Молотов, Каганович и Микоян. Хрущёв грубо пожурил польских руководителей на аэродроме: «Мы кровь проливали за освобождение этой страны, а вы хотите отдать её американцам». Беспокойство русских росло, ибо и советский маршал Рокоссовский, поляк по происхождению, и другие члены Политбюро, которые считались просоветскими, как Минц и другие, исключались и фактически были выведены из состава Политбюро.

Однако поляки не поддались ни давлению хрущёвцев, ни передвижениям русских танков: они не впустили хрущёвцев даже на пленум. Состоялись также переговоры, в которых принимал участие и Гомулка, но тем не менее Хрущёв и его друзья пока что оставались на бобах. Было применено давление, в «Правде» была опубликована статья, на которую поляки дали грубый ответ, но, наконец, Хрущёв благословил Гомулку, а тот, совершив также «паломничество» в Москву, получил там кредит и высказался за советско-польскую «ленинскую дружбу».

Гомулка стал проводить свою «программу», создал «рабочие советы» и «самоуправленческие кооперативы», «комитеты реабилитации», стал поощрять частную торговлю, ввёл религию в школу и армию, распахнул двери перед иностранной пропагандой; он также стал говорить о «национальном пути» к социализму.

Взгляды и действия Гомулки были слишком явными и ничем не прикрытыми, так что многие их не принимали или же не могли принять открыто. Хрущёв также был вынужден время от времени бросать камушки в огород Гомулки. То же самое, сдержанность или возражения выказывали в то время чехи, французы, болгары, восточногерманцы,

которые один глаз и одно ухо держали в сторону Москвы. Мы, естественно, были против Гомулки и его действий, и об этом мы поставили в известность советское руководство, с которым мы уже беседовали об этом вопросе.

Когда я находился в Москве в декабре того же года, поговорил с советскими руководителями и о польском вопросе. Когда мы изложили Хрущёву и Суслову наши взгляды и сомнения относительно Гомулки, они попытались убедить нас в том, что он был хорошим человеком и что его надо было поддержать, тогда как мы были убеждены, что беспорядки, имевшие место в Польше и походившие на венгерскую контрреволюцию, были делом рук Гомулки и способствовали приходу к власти этого фашиста, который остался у власти до тех пор, пока не был убран хрущёвцами и Гереком.

* * *

Факты, связанные с Венгрией и Польшей, увеличивали наши подозрения относительно руководства КПСС, беспокоили и огорчали нас. Мы всегда питали большое доверие к большевистской партии Ленина и Сталина, и это своё доверие мы проявляли вместе с искренней любовью к ней, к стране Советов.

С чувством беспокойства и подозрения я поехал в декабре 1956 г. в Москву вместе с Хюсни, который стал мне опорой в трудных переговорах и дискуссиях с хрущёвцами, где яд смешивался с лицемерием…

В Москве мы имели встречу с Сусловым, секретарём Центрального Комитета; он выдавал себя за специалиста по идеологическим вопросам и, если я не ошибаюсь, на него были возложены также вопросы международных отношений.

Суслов относился к числу самых закоренелых демагогов в советском руководстве. Остроумный и хитрый, он умел выходить из трудного положения и, быть может, именно поэтому он является одним из немногих деятелей, сохранивших свои посты после неоднократных чисток, проведённых в советском ревизионистском руководстве. Мне несколько раз приходилось беседовать с Сусловым, и всегда меня одолевало чувство скуки и неприятности при встрече с ним. У меня мало охоты было беседовать с Сусловым особенно теперь, после венгерских событий, после спора, который я имел с ним по вопросу о Наде, о положении в Венгрии и т.д., а также зная его роль в этих событиях, особенно в принятии решения о снятии Ракоши. Тем не менее, это было в интересах дела, и я встретился с Сусловым.

В этой встрече принимал участие также Брежнев, но он фактически только присутствовал, ибо во время всей беседы говорил только Суслов. Леонид время от времени двигал своими толстыми бровями и сидел до того застывшим, что трудно было догадаться, что он думал о том, что мы говорили. Впервые я встретил его на XX съезде, во время перерыва между заседаниями (затем по случаю 40-й годовщины Октябрьской революции, в

ноябре 1957 г.), причём ещё на этой случайной встрече на ходу, он произвёл на меня впечатление высокомерного и самодовольного человека. Познакомившись с нами, он вскоре завёл разговор о себе и «конфиденциально» сказал нам, что он занимался «специальными оружиями». Своим тоном и выражением лица он дал нам понять, что он был в Центральном Комитете человеком, занимавшимся проблемами атомного оружия.

XX съезд избрал Брежнева кандидатом в члены Президиума Центрального Комитета, а год спустя июньский пленум 1957 г. ЦК КПСС, осудив и убрав «антипартийную группу Молотова - Маленкова», перевёл Брежнева из кандидата в члены Президиума. По всей видимости, это была награда за его «заслуги» в деле ликвидации Молотова, Маленкова и других в партийном руководстве.

Ещё много раз после этих событий, вплоть до 1960 г., мне приходилось ездить в Москву, где я встречался с главными руководителями Коммунистической партии, но Брежнева, как и до XX съезда, нигде не видел и не слыхал, чтобы он где-либо выступал. Стоял или держался всё время в тени, как сказать, «в запасе».

Как раз этот угрюмый и степенный человек после бесславного конца Хрущёва вышел из тени и сменил ренегата, чтобы дальше продвинуть грязное дело хрущёвской мафии, но теперь уже без Хрущёва.

По всей видимости, Брежнев был поставлен во главе Коммунистической партии и советского государства не столько благодаря его способностям, сколько в качестве модус вивенди, в противовес враждовавшим группировкам, которые грызлись и ссорились в верховном советском руководстве. Но надо отдать должное ему: у него только брови комедиантские, а дело его - трагическое…

Впрочем, здесь не место вдаваться в подробности относительно Брежнева, вернёмся к декабрьской встрече 1956 г.

Вначале Суслов предложил нам кратко говорить о вопросах, подлежавших обсуждению, особенно что касается исторической части, а со своей стороны он сделал нам обзор венгерских событий. Он подверг критике Ракоши и Герэ, которые своими ошибками «вызвали большое недовольство в народе», тогда как Надя оставили вне контроля.

- Надь и югославы, - сказал он далее, - боролись против социализма.

- А зачем Надя снова приняли в партию? - спросил я.

- Был исключён несправедливо, его ошибки не заслуживали такого наказания. А теперь Кадар идёт правильным путём. В вашей печати имелись некоторые критические ноты в адрес Кадара, но надо учесть, что его следует поддержать, так как югославы настроены против него.

- Мы плохо знаем Кадара. Знаем только то, что он сидел в тюрьме и был сторонником Имре Надя.

В ответ на наше замечание о том, что нас не держали в курсе хода

событий в Венгрии, Суслов сказал, что события разыгрались внезапно и не было времени для консультаций.

- Это, - отметил я, - принципиальные вопросы. Консультации дело необходимое, но их нет. Политический консультативный комитет Варшавского Договора, например, вот уже год, как не собирается.

Намечено было созвать его в январе, тогда как в те дни каждый день отлагательства вызывал бы большое кровопролитие.

Я сказал ему, в частности, что нам кажется странным употребляемый теперь термин «преступная шайка Ракоши - Герэ» и считаем, что это не способствует сплочению всех венгерских коммунистов.

- Ошибки Ракоши, - сказал Суслов, - создали трудное положение и вызвали недовольство среди народа и коммунистов.

Мы попросили их конкретно рассказать нам об ошибках Ракоши и Герэ, и Суслов привёл нам целый ряд общих соображений, с помощью которых он старался свалить на них всю ответственность за происшедшее. Мы попросили привести какой-нибудь конкретный пример, и он сказал нам:

- Вот, например, вопрос о Райке, который был назван шпионом без подтверждения этого документами.

- Беседовал ли кто-либо с Ракоши об этих делах, делал ли ему кто-либо внушение? - спросил я.

- Ракоши не принимал внушений, - последовал ответ.

В то же время мы совершенно расходились с Сусловым во мнениях в связи с отношением к Гомулке и его взглядам.

- Гомулка, - сказал я Суслову, - снял коммунистов, старых и верных руководителей и офицеров, и сменил их другими, теми, кто был осуждён диктатурой пролетариата.

- Он опирался на знакомых ему людей, - сказал Суслов. - Надо давать Гомулке время, а затем уже судить о нём.

- А ведь о его взглядах и действиях уже можно прекрасно судить, - возразил я ему. - Чем объяснить антисоветские лозунги, под которыми он пришёл к власти?!

Суслов сделал гримасу и тут же возразил:

- Это не дело рук Гомулки, к тому же он теперь сдерживает их.

- Ну а его взгляды и его заявления, например, о церкви?

Суслов произнёс мне целую речь, «доказывая», что это просто «предвыборная тактика», что Гомулка «занимает правильную позицию» в отношении Советского Союза и социалистического лагеря, и т.д. и т.п. Мы расстались, не договорившись друг с другом.

Так закончилась дискуссия об этой трагической странице истории венгерского народа, как и истории польского народа. Контрреволюция

была подавлена где советскими танками, а где польскими, но была подавлена врагами революции. Однако беда и трагедия не закончились, лишь был дан занавес, а за кулисами Кадар, Гомулка и Хрущёв продолжали свои преступления, пока не довели до конца свою измену, реставрировав капитализм.

Хрущёв прикрывает измену именем Ленина

Хрущёв чего только ни делал, чтобы именем Ленина скрыть своё предательство, поэтому разражался псевдоленинской фразеологией, мобилизовал всех псевдофилософов-либералов, выжидавших момент, чтобы приспособить для ревизионистских линий (которые они вытаскивали из старого социал-демократического арсенала) ленинские маски, подходящие для современной обстановки экономического развития, для «нашей эпохи превосходства социализма» и «достижения, особенно Советским Союзом, стадии строительства коммунизма».

Хрущёвизм извратил марксизм-ленинизм, объявил его уже преодолённым, поэтому в последующем он объявил преодолённой и фазу диктатуры пролетариата, провозгласив подмену её «общенародным государством». В то же время Хрущёв, будучи последовательным на своём пути предательства, и партию пролетариата должен был подменить «общенародной партией». Следовательно, согласно Хрущёву, Советский Союз переходил «в высшую стадию коммунизма», между тем как в действительности в этой стране ещё отставали промышленность, сельское хозяйство, а рынки пустели.

Хрущёв и его теоретики трезвонили день-деньской о своём блефе. На улицах, на фасадах зданий и промышленных объектов виднелись даже плакаты, на которых крупными буквами было выведено: «Догнать и перегнать США». Предатель вопил с трибун собраний, заявляя: мы перегнали Америку на том и на сём секторе, перегоним её в сельском хозяйстве (причём намечал и сроки), мы закопаем капитализм и т.д. Ревизионистские теории развивались, обрабатывались, распространялись во всех капиталистических странах руководителями-предателями псевдомарксистских партий и всякого рода философами-лжемарксистами.

Настоящие коммунисты были застигнуты врасплох. В этом отрицательно сказался больной сентиментализм - они не решались поднять голос против своих разлагавшихся партий, против старых руководителей, вступавших на путь измены, не решались поднять голос против горячо любимого ими Советского Союза, так как не осознавали катастрофы, угрожавшей родине Ленина и Сталина.

Капиталистическая буржуазия всеми экономическими и пропагандистскими силами и средствами способствовала дальнейшему углублению этого смятения.

Албанская партия труда встала на путь бескомпромиссной борьбы с ревизионистами. Благодаря борьбе представителей Албанской партии труда, представителей Коммунистической партии Китая и кое-какой

другой партии были устранены многие ревизионистские тезисы и были выработаны марксистско-ленинские формулировки по многим вопросам. Однако это был лишь пролог борьбы. Настоящая борьба была ещё впереди.

Мы отдавали себе отчёт, что она будет трудной, жестокой, и мы окажемся и в меньшинстве. Но это нас не пугало. Мы тщательно подготовились к совещанию 81 коммунистических и рабочих партий в Москве, с тем чтобы суждения и анализы нашей партии были зрелыми и обдуманными, смелыми и принципиальными. Речь, которую я должен был произнести на московском Совещании, мы обсудили на специальном заседании Пленума Центрального Комитета нашей партии, который единогласно одобрил её, так как в ней содержался анализ, которому Албанская партия труда подвергала вопросы нашего учения, как и антимарксистскую деятельность хрущёвцев. В Москве нам предстояло изложить непоколебимую линию нашей партии, продемонстрировать её идеологическую и политическую зрелость, редкую революционную смелость, которую наша партия выказывала в течение всей своей героической жизни.

В документах нашей партии подробно говорится о работе Совещания 81 партии, о выступлениях и беседах нашей делегации в те решающие и исторические моменты, которые переживал коммунистический мир, и особенно наша страна и наша партия, так что нет надобности распространяться об этом.

Для участия в совещании 81 коммунистической и рабочей партии в Москву выехали я, Мехмет, Хюсни и Рамиз, как и некоторые другие товарищи на помощь делегации. Мы были убеждены, что ехали в страну, где власть уже взяли в руки враги, и где нужно было проявлять большую осторожность, так как они будут обращаться с нами, как враги, и регистрировать любое наше слово, любой наш шаг. Нам надо было хранить бдительность и быть осмотрительными. Мы были уверены и в том, что они будут стараться расшифровать наши радиограммы, чтобы разузнать наши цели, раскусить до мельчайших подробностей наши тактические приёмы.

По дороге, в Будапеште, нас приняли некоторые главные «товарищи» из Венгерской партии трудящихся, которые проявили корректность к нам. Ни они, ни мы не сделали никаких намёков на предстоящие проблемы. Поездом отправились на Украину. Персонал холодно относился к нам и безмолвно нас обслуживал, а по коридорам проходили люди, которые наверняка были офицерами органов безопасности. С ними нам не хотелось заводить даже малейшего разговора, так как знали, кем они были и кого представляли. На вокзале в Киеве вышло два-три члена Центрального Комитета Украины, которые встретили нас холодно. И мы ответили ледяным поведением, не приняв даже их кофе.

Затем мы сели на поезд и отправились дальше, в Москву, где встретить нас вышли Козлов, Ефремов - член Центрального Комитета, и заместитель заведующего протокольным отделом Министерства

иностранных дел. На московском вокзале они выстроили и почётный караул, вывели духовой оркестр; были исполнены и гимны; солдаты прошли строевым шагом, как это полагалось у них при встрече всех делегаций. Ни пионеров, ни цветов нигде не было видно. Холодная рука Козлова, сопровождаемая широкой наделанной улыбкой и его басовитым голосом, приветствовала нас с прибытием. Но лёд льдом и остался.

Как только закончились гимны и прохождение солдат, мы услышали скандирование, аплодисменты и пламенные возгласы: «Да здравствует Партия труда!». Это были несколько сотен албанских студентов, обучавшихся в Москве. Их не впускали на вокзал, но, наконец, впустили во избежание какого-либо скандала. Мы, не обращая внимания на неотвязчивых Козлова и Ефремова, приветствовали наших студентов, которые изо всех сил выкрикивали от радости, и вместе с ними стали скандировать о нашей партии. Это явилось хорошим уроком для хрущёвцев, они увидели, каким единством у нас партия и народ спаяны со своим руководством. Студенты не отходили от нас, покуда мы не сели в ЗИЛы. В автомобиле Козлов, не зная, о чём другом говорить, сказал мне:

- Ваши студенты неудержимы.

- Нет, - ответил я ему, - они большие патриоты и всей душой любят свою партию и своё руководство.

Козлов и Ефремов сопровождали нас до отведённой нам резиденции, расположенной в 20-25 км от Москвы, в Заречье. Это была дача, на которой я неоднократно останавливался с товарищами и с Неджмие, когда мы ездили туда на отдых. «Эта дача, - сказали мне однажды, - предназначена для Чжоу Эньлая и для вас, других мы тут не размещаем». И на даче нас объединили с китайцами. Дачу, как мы установили позднее с помощью детектора, который мы захватили с собой, они наводнили аппаратами подслушивания.

* * *

Козлова я знал хорошо, так как часто беседовал с ним. Он был из тех, которые говорят много, но ничего путного. Независимо от того, кем считали мы советских сейчас, этот Козлов с первой же встречи произвёл на меня впечатление недалёкого человека, который прикидывался всезнайкой, принимал позы, но был «без царя» в голове. Он не пил, как другие и, надо сказать, считался вторым человеком в руководстве после Хрущёва.

Помню, в 1957 г. мы с ним и с Поспеловым возвращались из Академического театра оперы и балета им. Кирова в Ленинграде. Меня посадили посередине. Козлов сказал Поспелову, пользуясь уменьшительными именами, как это принято у русских:

- Ты у нас великий человек, один из самых крупных теоретиков.

- Ну нет, ну нет! - ответил ему Поспелов.

Я не мог понять, к чему вся эта лесть, но впоследствии мы узнали, что

этот Поспелов был одним из составителей «секретного» доклада против Сталина. Козлов продолжал:

- Это именно так, но ты скромный, очень скромный.

Вот это и был весь разговор, который шёл по дороге; они льстили друг другу, покуда мы не прибыли в резиденцию. Мне это опротивело, ведь у нас так не заведено.

А Ефремова я знал меньше.

Когда я был в Москве с Мехметом, во время XXI съезда, в один воскресный день» Полянский, тогда член Президиума ЦК КПСС, пригласил нас отобедать у него на его даче в Подмосковье. Мы поехали. Из-за выпавшего снега вокруг всё было белым-бело. Было холодно. Дача тоже была белой, как снег, красивой. Полянский сказал нам:

- Это дача, где отдыхал Ленин.

Этим он хотел сказать: «я важная персона». Там мы застали и Ефремова и ещё другого секретаря, из Крыма, если я не ошибаюсь. Нас представили. Было 10 часов утра. Стол был накрыт как в сказках про русских царей.

- Давайте позавтракаем, - сказал нам Полянский.

- Мы уже, - ответили мы.

- Нет, - возразил он, - сядем и позавтракаем снова. (Он, конечно, хотел сказать «выпьем».)

Мы не пили, а смотрели на них, когда они пили и разговаривали. Ну и здорово хлебали и жрали они: колоссально!! Мы делали большие глаза, когда они опрокидывали стаканы водки и различных вин. Полянский, с лицом интригана, кичился без зазрения совести, тогда как Ефремов с другим секретарём и с прибывшим позднее лицом, пили и, ни капельки не стыдясь нас, до отвращения превозносили Полянского: «Равных тебе нет, ты великий человек и столп партии, ты хан Крымский» и т.д. и т.п. Вот так продолжался «завтрак» до часу дня. Мехмета и меня грызла скука. Мы не знали, чем заняться. Я вспомнил о бильярде и, с целью покинуть этот зал пьяниц, спрашиваю Полянского:

- Есть ли тут бильярд?

- Есть, а как же, - ответил он. - Вам хочется туда?

- С удовольствием! - ответили мы и сразу встали.

Мы поднялись в зал бильярда и пробыли там часа полтора-два. За нами в бильярд последовали водка, перцовка и закуски.

Тогда мы спросили разрешения уехать.

- Вы куда? - спросил Полянский.

- В Москву, - ответили мы.

- Как это возможно, - возразил он. - Ведь мы теперь пообедаем.

Мы вытаращили глаза от удивления. Мехмет заметил:

- А чем мы занимались до сих пор, разве мы не ели и не пили на два дня?

- О, нет, - возразил Ефремов, - то, что мы ели, это был лёгкий завтрак, а теперь начинается настоящий обед.

Нас взяли под руку и повели в столовую. И что открылось нашему взору! Стол вновь накрыт полным-полно. Все эти харчи производились за счёт советского государства пролетариев ради его руководителей, с тем чтобы они «отдыхали» и кейфовали! Мы сказали им: «Мы не можем есть». Мы возражаем, а они просят, - и давай жрать и хлебать без перебоя! Мехмет хорошо придумал; он спросил:

- Есть ли тут кинозал? Нельзя ли посмотреть фильм?

- Есть, а как же, - ответил Полянский, нажал кнопку и отдал распоряжение кинооператору подготовить показ фильма.

Полчаса спустя всё было готово. Мы вошли в кинозал и сели. Помню, это был цветной мексиканский фильм. Мы избавились от столовой. Не прошло и десяти минут с начала фильма, как мы увидели в темноте по одному ворами удиравших из кинозала к водке Полянского и других. Когда кончился фильм, мы застали их за накрытым столом: они ели и пили.

- Садитесь, - сказали они, - теперь мы покушаем чего-нибудь, после фильма приятно закусить.

- Нет, - возразили мы, - больше мы не можем ни есть, ни пить; пожалуйста, разрешите нам вернуться в Москву.

Мы насилу встали.

- Вам надо полюбоваться красивой ночью русской зимы, - предложили нам.

- Зимой-то мы полюбуемся, - говорю я Мехмету на албанском, - лишь бы избавиться от столовой и от этих пьяниц.

Мы надели пальто и вышли на снег. Мы сделали несколько шагов, и вот остановившийся ЗИМ: двое других друзей Полянского; одного из них, некоего Попова, я знал ещё в Ленинграде; там он был доверенным лицом Козлова, который поспешно произвёл его в чин министра культуры РСФСР. Объятия на снегу.

- Вернитесь, пожалуйста, - просили они, - ещё на часик…

Мы не согласились и уехали; однако мне досталось. Я простудился, схватил сильный насморк при повышенной температуре и пропустил несколько заседаний съезда. (Всё это я рассказал с целью раскрыть лишь один момент из жизни советских руководителей, тех, которые подорвали советский строй и авторитет Сталина.)

* * *

А теперь снова вернёмся к прибытию в Москву на совещание партий.

Козлов, значит, сопровождал нас до дачи, в прошлый раз, как правило, они возили нас до дома и уезжали; но на сей раз Козлову хотелось показаться «сердечным товарищем». Сняв пальто, он сразу же пошёл прямо в столовую, переполненную бутылками, закуской и чёрной икрой.

- Давайте выпьем и покушаем! - пригласил нас Козлов. Ему хотелось побеседовать с нами с целью разузнать, каково было наше настроение и наша предрасположенность.

Он начал беседу так:

- Теперь комиссия уже закончила проект, и почти все мы согласны с ним. Согласны и китайские товарищи. Имеется ещё 4-5 вопросов, относительно которых ещё не достигнуто общее мнение, но касательно их мы можем выпустить внутреннее заявление.

И, обратившись к Хюсни с целью заручиться его одобрением, сказал ему:

- Не так ли?

Хюсни отвечает ему:

- Нет, это не так. Работа не завершена. У нас имеются возражения и оговорки, которые наша партия изложила в письменном заявлении, переданном комиссии.

Козлов побледнел, не смог заручиться его одобрением. Я вмешался и сказал Козлову:

- Это будет серьёзное совещание, на котором все проблемы должны быть поставлены правильно. Многие вопросы в проекте поставлены превратно, но особенно превратно они проводятся в жизнь, в теории и на практике. Всё должно быть изложено в заявлении. Мы не допустим никаких внутренних листков и хвостов. Ничего в темноте, всё в свете. Для этого и проводится совещание.

- Не надо говорить пространно, - сказал Козлов.

Мехмета взорвало, и он говорит ему, посмеиваясь:

- Ив ООН мы говорим вдоволь. Там Кастро выступал 4 часа, а вы-то думаете ограничить нам время выступлений!

Хюсни сказал ему:

- Вы два раза прерывали нас в комиссии и не дали договорить.

- Это не должно иметь места, - добавил я. - Вам должно быть ясно, что подобных методов мы не примем.

- Мы должны сохранить единство, иначе это трагедии подобно, - сказал Козлов.

- Чтобы сохранить единство, надо высказываться открыто, сообразно

с марксистско-ленинскими нормами, - ответил ему Мехмет.

Козлов, получив отпор, поднял бокал за меня, закусил и уехал.

Всё время, вплоть до начала совещания, было занято нападками и контрнападками между нами и ревизионистами всех степеней. Ревизионисты объявили нам войну широким фронтом, и мы также давали отпор по горячим следам их нападкам.

Они старались любой ценой добиться того, чтобы мы на совещании не критиковали их открыто за совершённые преступления. Будучи уверенными в том, что мы не отойдём от своих правильных взглядов и решений, они прибегали и к измышлениям, утверждая, будто то, что мы будем говорить на совещании, необоснованно, «вносит раскол», будто мы «трагически» ошибаемся, будто мы должны изменить путь, и т.д. и т.п. Хрущёвцы усиленно обрабатывали в этом отношении все делегации братских коммунистических и рабочих партий, которые должны были принять участие в совещании. Что касается до себя, то они прикидывались «непогрешимыми», «невинными», «принципиальными», вели себя так, будто они держали в руках судьбу марксистско-ленинской истины.

Провокации и давление на нас приняли открытый характер. На приёме, устроенном в Кремле по случаю 7 ноября, ко мне подошёл бледный как смерть Косыгин и стал читать мне проповедь о дружбе.

- Дружбу с Советским Союзом, основанную на марксизме-ленинизме, мы будем беречь и отстаивать, - заметил я.

- В вашей партии имеются враги, которые ополчаются против этой дружбы, - сказал Косыгин.

- Спроси-ка его, - обращаюсь к Мехмету, который хорошо владел русским языком, - что это за враги в нашей партии? Пусть он нам скажет.

Косыгин попал впросак, начал хмыкать и говорить:

- Вы неправильно поняли меня.

- Бросьте! - сказал ему Мехмет. - Мы вас поняли очень хорошо, но вы не смеете говорить открыто. Мы скажем вам на совещании, какого мы мнения о вас.

Мы ушли, покинули эту ревизионистскую мумию.

(В течение всего вечера хрущёвцы не оставляли нас одних: они изолировали нас друг от друга и окружали по заранее подготовленной мизансцене.)

Вскоре и меня, и Мехмета окружили маршалы Чуйков, Захаров, Конев и др. Они по указке пели на иной лад: «Вы, албанцы, боевой народ, здорово воевали, вы выстояли, пока мы не одержали победу над гитлеровской Германией», и Захаров продолжал забрасывать камнями германский народ. В этот момент к нам подошёл Шелепин. Он стал возражать Захарову относительно сказанного им по адресу немцев.

Возмущённый Захаров, не считаясь с тем, что Шелепин был членом Президиума и начальником КГБ, говорит ему: «Ну тебя, чего ты вмешиваешься в разговор, не тебе учить меня, кто такие немцы! Когда я воевал с ними, ты был молокососом» и т.д.

В ходе этой беседы надменных маршалов, опьянённых водкой, Захаров, который когда-то был начальником Военной академии им. Ворошилова, куда Мехмет с другими товарищами были направлены обучаться сталинскому военному искусству, говорит Мехмету: «Когда вы были у нас, вы отличились в изучении нашего военного искусства». Перебив его, Мехмет сказал: «Спасибо вам за комплимент, но не хотите ли вы сказать, что и ныне, здесь, в Георгиевском зале, мы являемся старшим и подчинённым, начальником и слушателем?»

В беседу вмешался маршал Чуйков, который был не менее пьяным; он сказал: «Мы хотим сказать, что албанская армия всегда должна стоять на нашей стороне...» Мехмет тут же ответил ему: «Наша армия является и останется верной своему народу и преданно будет отстаивать, на пути марксизма-ленинизма, дело строительства социализма; она была и остаётся только под руководством Албанской партии труда, оружием диктатуры пролетариата в Албании. Этого вы ещё не знаете, товарищ маршал Чуйков? Тем хуже для вас!»

Маршалы получили отпор. Кто-то из них, не помню, Конев или кто-то другой, видя, что беседа не прошла по их расчётам, вмешался и вставил: «Прекратим эти разговоры, давайте выпьем стаканчик за дружбу между двумя нашими народами и двумя нашими армиями».

* * *

За несколько дней до моего выступления на совещании Хрущёв попросил встречи со мной, понятно, с целью «убедить» нас изменить позицию. Вначале мы решили пойти на эту встречу, чтобы ещё раз разъяснить хрущёвцам, что мы не отойдём от наших позиций, но затем мы изменили своё мнение. Я встретился с Андроповым, который в те дни суетился, играя роль связного Хрущёва.

- Сегодня я прочёл материал, в котором Албания не фигурирует как социалистическая страна, - сказал я ему.

- Какое отношение это письмо имеет к Албании? - бесстыдно спросил меня Андропов, который был одним из авторов этого низкопробного документа.

- Это письмо делает невозможной мою встречу с Хрущёвым, - заметил я.

Андропов оторопел и проговорил:

- Это очень серьёзное заявление, товарищ Энвер.

- Да, - сказал я ему, - очень серьёзное! Передайте Хрущёву, что быть или не быть Албании социалистической страной, это не он решает. Это

кровью решили албанский народ и его марксистско-ленинская партия.

Андропов попугаем повторил ещё раз:

- Но ведь это материал о Китае, товарищ Энвер, и не имеет никакого отношения к Албании.

- Своё мнение, - закончил я беседу, - выскажем на совещании партий. До свидания.

Розданное обвинительное письмо против Китая было низкопробным антимарксистским документом. Вновь хрущёвцы прибегли к коварной, троцкистской тактике. Этот объёмистый материал против Китая они раздали перед совещанием в целях подготовки почвы и обработки делегаций остальных партий, с тем чтобы запугать китайцев и заставить их, если они не подчинятся, быть, по меньшей мере, умеренными. Этот антикитайский материал нас не удивил, напротив, он ещё больше укрепил в нас убеждённость в правоте марксистско-ленинской линии и марксистско-ленинских позиций нашей партии в защиту Коммунистической партии Китая. Материал навёл порядочную скуку на участников совещания, которые восприняли его не так, как это предполагали хрущёвцы. Мы поняли, что на совещании образуются трещины, и это будет в пользу марксизма-ленинизма. Мы могли рассчитывать, что 7-10 партий станут на нашу сторону, если не открыто, то, по крайней мере, неодобрением враждебного предприятия хрущёвцев.

Китайская делегация, как оказалось, пришла на московское Совещание с мыслью, что страсти могли угомониться, и первоначально они подготовили материал, пронизанный примиренческим духом и терпимостью по отношению к позициям и деяниям хрущёвцев. С ним должен был выступить Дэн Сяопин. По-видимому, они подготовились занять позицию «в двух-трёх вариантах». Однако, когда хрущёвцы пошли в атаку, прибегая к жестоким выпадам, наподобие тех, которые содержались в розданном перед совещанием материале, китайцам пришлось полностью изменить подготовленный материал, бросить примиренческий дух, с тем чтобы своей позицией ответить на выпады Хрущёва...

Итак, Совещание открылось; нас не без умысла посадили около трибуны ораторов, с тем чтобы мы оказались под указательным пальцем антимарксистских хрущёвских «прокуроров». Но, вопреки их ожиданиям, это мы стали прокурорами, обвинителями ренегатов и предателей. Они сидели на скамье подсудимых. Хрущёв схватывался за голову обеими руками всякий раз, когда на него сбрасывались бомбы нашей партии.

На совещании Хрущёв придерживался коварной тактики. Он выступил первым, произнёс якобы умеренную, мирную речь, без открытых выпадов, с изысканными фразами, с тем чтобы задать тон совещанию и создать впечатление, что оно должно быть тихим, внушать его участникам, что не следует нападать друг на друга (они напали первыми), надо сохранить единство (социал-демократическое) и т.п. Этим он хотел сказать: «Мы не хотим распрей, не хотим раскола, ничего такого не произошло, всё идёт

хорошо».

Хрущёв в своей речи полностью высказал свои ревизионистские воззрения, он атаковал Коммунистическую партию Китая и Албанскую партию труда, как и те, которые последуют за этими партиями, не упоминая при этом ни одной из них. Этой тактикой в своей речи он хотел предупредить нас: «Выбирайте: либо выпады вообще, без адреса, хотя всем известно, о ком идёт речь, либо же, если вам так не нравится, мы атакуем вас открыто». На деле, из выступивших 20 делегатов-марионеток только 5-6 атаковали Китай, основываясь на материале хрущёвцев.

Хрущёву и его марионеткам было известно, что мы объявим войну хрущёвскому и мировому современному ревизионизму, поэтому они как в комиссии, так и в своих выступлениях настаивали на необходимости включить в проект положение о фракциях и групповщине в международном коммунистическом движении, а также оценки XX и XXI съездов Коммунистической партии Советского Союза и некоторые другие вопросы, против которых мы выступали. Было очевидно, что Хрущёв, который отрёкся от ленинизма и ленинских норм и который, как он сам утверждал, «обладал наследием и монополией ленинизма», хотел своей дирижёрской палочкой руководить всеми коммунистическими и рабочими партиями мира, держать их под своим диктатом. Тот, кто выступал против его линии, выработанной XX и XXI съездами, объявлялся фракционером, антимарксистом, сторонником групповщины. Понятно, что таким образом Хрущёв готовил дубинку против Коммунистической партии Китая и Албанской партии труда, готовился принять меры к исключению нас из международного коммунистического движения, в котором, по его расчётам, должны были господствовать антимарксистские идеи.

За ним один за другим выступило 15-20 других, которые, будучи заранее подготовленными и обработанными, вторили Хрущёву: «Ничего такого не произошло, ничего нет между нами, тишина царит, всё идёт хорошо». Какой низкопробный блеф для хрущёвцев, которые манипулировали этими подкупленными, чтобы прикидываться принципиальными! Вот таков был вообще тон. «Часы уже были сверены», как это Живков говорил некогда в какой-то своей речи, которую Хрущёв процитировал как «историческое» изречение.

* * *

Между тем как совещание продолжало свою работу, хрущёвцы старались любой ценой убедить нас отказаться от своих взглядов или хотя бы смягчить нашу позицию. Когда мы отказались встречаться с Хрущёвым, они попросили Тореза посредничать. Торез пригласил нас на ужин, прочёл нам лекцию о «единстве» и посоветовал нам быть «сдержанными и хладнокровными». Морис Торез, конечно, был в курсе дела, ибо мы уже беседовали с ним, так что было очевидно, что он теперь выступал эмиссаром Хрущёва. Но тщетно он старался. Мы отклонили все его предложения, и он пригрозил нам.

- На вас ополчится совещание.

- Мы никого не боимся, потому что стоим на правильном пути, - ответили мы ему.

Увидев, что и посредничество Тореза ни к чему не привело, хрущёвцы стали настоятельно просить нас встретиться с Микояном, Козловым, Сусловым, Поспеловым и Андроповым. Мы дали согласие. На этой встрече, которая состоялась на даче в Заречье, хрущёвцы изображали дело так, будто ничего не произошло, будто они ни в чём не были виновны, наоборот, по-ихнему, виновна была Албанская партия труда! Это мы, видите ли, обостряли отношения с Советским Союзом, и они потребовали от нас прямо сказать им, почему мы это делали!

Мы отвергли их обвинения и утверждения и на неопровержимых фактах доказали им, что не мы, а они своими позициями и деяниями обострили отношения между нашими партиями и нашими странами.

Со своей стороны, люди Хрущёва совершенно без зазрения совести отрицали всё, вплоть и до своего посла в Тиране, которого они обозвали дураком, пытаясь взвалить на него свои провинности. Они пытались во что бы то ни стало задобрить нас, чтобы мы замолчали. Они предложили нам и кредиты, и трактора. Но мы, изобличив их, сказали: «Вы тщетно стараетесь, если не признаете и не исправите свои тяжкие ошибки». Назавтра вновь пришли к нам Козлов и Микоян, но ничего не добились.

Наступало время нашего выступления, и они предприняли последнюю попытку - попросили нас встретиться с Хрущёвым в Кремле. По всей видимости, Хрущёв ещё понапрасну надеялся, что ему удастся «переубедить нас»; мы дали согласие, но отказались встретиться в назначенный им час, чтобы этим сказать ему: «Ты не можешь даже время встречи назначать, его назначаем мы». Кроме этого, ещё до встречи с ним нам хотелось направить ему «устное послание». Своим аппаратом мы установили, что в отведённой нам резиденции везде нас подслушивали через микрофоны. Только в одной бане не было установлено микрофона. Когда было холодно и мы не могли беседовать на улице, мы были вынуждены беседовать в бане. Это заинтриговало хрущёвцев, они хотели знать, где мы беседовали, и, спохватившись, попытались установить микрофон и в бане. Наш офицер застал советского техника за «операцией» - он якобы ремонтировал баню; наш человек сказал ему: «Не надо, баня работает исправно».

Наше посольство тоже было переполнено аппаратами для подслушивания, и мы, зная это, назначив время встречи, покинули Кремль и приехали в посольство. Мы включили свой аппарат, и он дал нам сигналы о том, что нас подслушивают со всех сторон. Тогда Мехмет направил Хрущёву и другим 10-15-минутное «послание», назвав их «предателями», «подслушивающими нас», и т.д. и т.п. Так что, когда мы прибыли в Кремль, ревизионисты уже получили наше «приветствие».

Встреча прошла в кабинете Хрущёва, и он начал, как обычно:

- Слушаем вас, говорите.

- Вы попросили встречи с нами, - сказал я, - говорите вы первыми.

Хрущёв вынужден был согласиться. С самого начала мы убедились, что он действительно пришёл на встречу в надежде, что ему удастся если не ликвидировать, то, по крайней мере, смягчить критику, с которой мы выступим на совещании. К тому же, эту встречу, даже если она не даст никаких результатов, он использует, как обычно, в качестве «аргумента» перед представителями остальных партий, с тем чтобы сказать им: «Вот мы ещё раз протянули руку албанцам, но они остались на своём».

Хрущёв и другие старались взвалить вину на нашу партию и изображали удивление, когда мы рассказывали им историю возникновения разногласий между нашими партиями. Хрущёв, когда видел, что его припирали к стене, прыгал с пятого на десятое, перескакивал из темы к теме, и нельзя было говорить с ним о крупных принципиальных вопросах, которые, в сущности, были источниками разногласий. К тому же его даже не интересовало упоминание этих вещей. Он добивался подчинения Албанской партии труда, албанского народа, он был их врагом.

- Вы не за регулирование отношений, - резко сказал Хрущёв.

- Мы хотим урегулировать их, но сперва вы должны признать свои ошибки, - ответили мы ему.

Беседа с нами раздражала Хрущёва. Когда мы открыто сказали ему об ошибках его и его людей, он стал на дыбы.

- Вы меня оплёвываете, - завопил он. - С вами нельзя беседовать. Только Макмиллан попытался говорить со мной так.

- Товарищ Энвер не Макмиллан, так что берите свои слова обратно, - возмущённо ответили ему в один голос Мехмет и Хюсни.

- А куда их девать?!

- Туда, в ваш карман, - ответил ему Мехмет.

Мы вчетвером встали и покинули их, не подав им даже руку, мы не попали в их ловушки, сплетённые угрозами и лицемерными обещаниями.

Выходя из зала переговоров, Мехмет возвращается и, обращаясь к Хрущёву, говорит ему: «Камень, который вы подняли на нашу партию и наш народ, угодит вам в голову. Это будет подтверждено временем!», и, закрыв дверь, присоединился к нам.

Это была последняя беседа с этими ренегатами, которые ещё прикидывались марксистами. Мы ни на йоту не отошли от своей позиции, мы ничего не изменили и не смягчили в нашей речи.

* * *

Яне стану распространяться о содержании речи, с которой я выступил в Москве от имени нашего Центрального Комитета, ибо она опубликована, а взгляды нашей партии на поставленные нами проблемы теперь уже

всемирно известны. Мне хотелось бы лишь указать на то, как прореагировали последователи Хрущёва, прослушав наши выпады против их патрона. Гомулка, Деж, Ибаррури, Али Ята, Багдаш и многие другие поднимались на трибуну и соревновались в своём усердии мстить тем, кто «поднял руку на партию-мать». Было и трагично и смешно смотреть, как эти люди, выдававшие себя за политиков и руководителей, у которых «ума палата», поступали, как наймиты, как заведённые и связанные за кулисами марионетки.

В перерыве между заседаниями ко мне подходит Тодор Живков. У него тряслись губы и подбородок.

- Поговорим, брат, - говорит он мне.

- С кем? - спросил я. - Я выступил, вы слушали. Полагаю, что вас кто-то подослал, не Хрущёв ли? Мне нечего беседовать с вами, поднимитесь на трибуну и говорите.

Он стал бледным как полотно и сказал:

- Обязательно поднимусь и дам вам ответ.

Когда мы выходили из Георгиевского зала, чтобы уехать в резиденцию, Антон Югов у самого верха лестниц взволнованно спросил нас:

- Куда ведёт вас этот путь, братья?

- Вас куда ведёт путь Хрущёва, а мы идём и всегда будем идти по пути Ленина, - ответили мы ему.

Он опустил голову, и мы расстались, не подав ему руку.

После нашего выступления Мехмет и я покинули резиденцию, в которой нас разместили, и поехали в посольство, где мы пробыли всё время нашего пребывания в Москве. Когда мы покидали их резиденцию, советский офицер госбезопасности конфиденциально сказал товарищу Хюсни: «Товарищ Энвер правильно поступил, что ушёл отсюда, ибо здесь его жизнь была в большой опасности».

Хрущёвцы были готовы на всё, так что мы приняли нужные меры. Мы разослали работников нашего посольства и помощников нашей делегации по магазинам запастись продовольствием. Когда настало время нашего отъезда, мы отказались отправиться на самолёте, ибо «несчастный случай» мог легче произойти. Хюсни и Рамиз остались ещё в Москве, они должны были подписать заявление, тогда как мы с Мехметом поездом уехали из Советского Союза, совершенно не принимая пищи от их рук. Мы прибыли в Австрию, а оттуда поездом через Италию доехали до Бари, потом на нашем самолёте вернулись в Тирану живы-здоровы и пошли прямо на приём, устроенный по случаю праздников 28-29 ноября. Наша радость была велика, ибо задачу, возложенную на нас партией, мы выполнили успешно, с марксистско-ленинской решимостью. К тому же и приглашённые, товарищи по оружию, рабочие, офицеры, кооперативисты, мужчины и женщины, стар и млад - все были охвачены энтузиазмом и

демонстрировали тесное единство, как всегда, и тем более в эти трудные дни...

После московского Совещания наши отношения с Советским Союзом и с московскими ревизионистами продолжали ухудшаться, покуда они полностью не порвали эти отношения в одностороннем порядке.

На последней встрече, которую имели в Москве с Мехметом и Хюсни, 25 ноября, Микоян, Косыгин и Козлов открыто прибегли к угрозам. Микоян сказал им: «Вы и дня не можете прожить без экономической помощи с нашей стороны и со стороны других стран лагеря социализма». «Мы готовы затянуть ремень, питаться травой, - ответили им Мехмет и Хюсни, - но вам не подчинимся; вам не поставить нас на колени». Ревизионисты полагали, что искренняя любовь нашей партии и нашего народа к Советскому Союзу сыграет роль в пользу ревизионистов Москвы, они надеялись, что наши многочисленные кадры, которые учились в Советском Союзе, превратятся в сплочённый раскольнический блок в партии против руководства. Эту мысль Микоян высказал словами: «Когда Партия труда узнает о вашем поведении, она встанет против вас». «Просим вас присутствовать на каком-либо из собраний в нашей партии, когда мы будем обсуждать эти проблемы, - сказал ему Мехмет, - и вы увидите, каково единство нашей партии, какова её сплочённость вокруг своего руководства».

Ревизионисты угрожали нам не только на словах. Они перешли к действиям.

Поспелов и Андропов в Тиране. XXII съезд КПСС. Окончательный разрыв с Хрущёвым

Яблоком раздора стала Влёрская база. Не было никакого сомнения в том, что база была наша. По официальному, чётко сформулированному и подписанному обоими правительствами соглашению, в котором не было места никакой двусмысленности, Влёрская база принадлежала Албании и одновременно должна была служить и защите социалистического лагеря. Советский Союз, указывалось в соглашении, должен предоставить 12 подводных лодок и несколько вспомогательных судов. Мы должны были подготовить кадры и подготовили их, должны были принять и уже приняли корабли, а также и четыре подводные лодки. Наши экипажи были готовы принять и восемь остальных подводных лодок.

Но уже возникли идеологические разногласия между обеими партиями, и невозможно было, чтобы Хрущёв не отражал их в таком невралгическом пункте, как Влёрская военно-морская база. Он и его люди намеревались извратить достигнутое официальное соглашение, преследуя две цели: во-первых, оказывать на нас давление, чтобы подчинить нас, и, во-вторых, в случае неповиновения с нашей стороны они попытались бы завладеть базой, чтобы иметь её в качестве мощного исходного пункта для захвата всей Албании.

Хрущёвцы прекратили все виды снабжения базы, предусмотренные достигнутым соглашением; в одностороннем порядке были приостановлены все начатые работы, усилились провокации и шантаж. Этой яростной антиалбанской и антисоциалистической деятельностью руководили работники советского посольства в Тиране, как и главный представитель главного командования вооружённых сил Варшавского Договора, генерал Андреев. Бесстыдство и цинизм дошли до того, что Андреев направил Председателю Совета Министров Народной Республики Албании ноту, в которой он жаловался, что албанцы «совершают непристойные поступки на базе». Но что это за «поступки»? «Такой-то албанский матрос бросил на борт советского корабля окурок», «мальчишки Дуката говорят советским детям: «убирайтесь домой»», «албанский официант одного клуба сказал нашему офицеру: «хозяин здесь я, а не ты»» и т.д. Генерал Андреев жаловался Председателю Совета Министров албанского государства даже на то, что какой-то неизвестный мальчишка тайком нагадил у здания советских военных!

С возмущением и по праву один наш офицер дал Андрееву заслуженный отпор.

- Зачем, товарищ генерал, - сказал он ему, - не поднимаете ключевые проблемы, а занимаетесь такими мелочами, которые не относятся к компетенциям даже командиров кораблей, а входят в круг обязанностей мичманов и руководителей организаций Демократического фронта городских кварталов?!

Мы бдительно и в то же время хладнокровно следили за развитием ситуации и постоянно наказывали нашим товарищам проявлять осмотрительность, терпение, но ни в коем случае не подчиняться и не подаваться на провокации агентов Хрущёва.

- Во избежание беспорядков и инцидентов в будущем, - предложили хрущёвцы, - Влёрскую базу надо полностью отдать советской стороне!

Чтобы облечь своё предложение в форму совместного решения, они использовали совещание Варшавского Договора, состоявшееся в марте 1961 г., где Гречко настоятельно потребовал, чтобы Влёрская база находилась под «непосредственным командованием» главнокомандующего Вооружёнными силами Варшавского Договора, т. е. самого Гречко.

Мы решительно и с возмущением выступили против подобного предложения и, несмотря на то, что другими решение уже было принято, мы заявили:

- Единственное решение заключается в том, чтобы Влёрская база оставалась в руках албанской армии. Никакого другого решения мы не допустим.

Тогда хрущёвцы решили не передавать нам 8 подводных лодок и другие военные корабли, которые по соглашению принадлежали Албании. Мы настаивали на этом, так как они были нашей собственностью и потребовали, чтобы советские экипажи ушли, передав все средства

нашим морякам, как было сделано и с первыми четырьмя подводными лодками. Помимо «главного представителя», Андреева, советские ревизионисты направили в Тирану ещё некоего контрадмирала.

- Мы не отдадим вам кораблей, ибо они наши, - говорили они.

Мы показали им государственное соглашение, и они нашли другой предлог.

- Ваши экипажи не готовы принять их. Они не подготовлены в должной степени.

Всё это были пустые отговорки. Наши моряки окончили соответствующие школы, они уже несколько лет готовились и неизменно доказывали, что были вполне в состоянии принять подводные лодки и другие корабли. Сами хрущёвцы за несколько месяцев до обострения положения заявили, что наши экипажи были уже подготовлены к принятию принадлежавших им средств.

И относительно этого мы дали им достойную отповедь. На базе наши офицеры и матросы решительно, хладнокровно и с железной дисциплиной выполнили все отданные нами приказы…

Ещё на первой встрече, которую мы имели с Микояном и его коллегами 10 ноября в Москве, он, взяв слово, попытался напугать нас.

- Ваши офицеры на Влёрской базе, - сказал он, - плохо обращаются с нашими. Не хотите ли вы выйти из Варшавского Договора?

Мы тут же дали заслуженный отпор Микояну, который, после целого ряда лет «замечаний» и «советов», теперь угрожал нам. Я напомнил ему заявления Гречко и Малиновского, которые также грозили нам исключением из Варшавского Договора и т.д.

Он замялся и увильнул от ответа, стараясь не брать ничего на себя, однако два дня спустя с такой же угрозой обратился к нам и Хрущёв.

- Если хотите, мы можем снять базу, - вскрикнул Микоян в то время, как мы говорили о возникших больших разногласиях.

- Вы этим угрожаете нам? - заметил я.

- Товарищ Энвер, не повышайте голоса, - вмешался Хрущёв. - Подводные лодки - наши.

- И ваши и наши, - ответил я, - ведь мы боремся за социализм. Территория базы - наша. Относительно подводных лодок у нас имеются подписанные соглашения, признающие за албанским народом права на них. Я защищаю интересы своей страны. Так что, знайте, база наша и нашей останется.

После нашего возвращения из Москвы, в целях внушения и оказания давления на нас, в Тирану прибыли заместитель советского министра иностранных дел Фирюбин и два других «зама»: первый заместитель начальника генерального штаба Советской армии и Советского военно-морского флота Антонов, и заместитель начальника Генерального штаба

Советского военно-морского флота Сергеев.

Они приехали якобы для того, чтобы «договориться», а на деле они принесли нам ультиматум: Влёрскую базу полностью поставить под единую советскую команду, подчиняющуюся главнокомандующему вооружёнными силами Варшавского Договора.

- Здесь хозяевами являемся мы, - коротко и ясно ответили мы им. - Влёра была наша и нашей остаётся.

- Это решение командования Варшавского Договора, - угрожающе заявил Фирюбин, бывший советский посол в Белграде во время примирения Хрущёва с Тито.

Мы дали ему достойную отповедь, и он, попытавшись запугать нас заявлением: «Мы отберём у вас корабли, и вас поглотят империалисты», уехал обратно вместе с обоими сопровождавшими его генералами.

За ним в Тирану прибыл командующий Черноморским флотом, адмирал Касатонов, с задачей забрать не только новые 8 подводных лодок и плавучую базу, но и ранее принятые нами подводные лодки. Мы решительно заявили ему: либо в соответствии с соглашением отдайте нам подводные лодки, либо за короткий срок (мы назначали ему срок) немедленно удалитесь из залива только с подводными лодками, которые обслуживаются вашими экипажами. Вы нарушаете соглашение, вы грабите наши подводные лодки, и за это вы расплатитесь.

Адмирал замялся, постарался смягчить нас, но напрасно. Он отказался передать нам подводные лодки, уехал во Влёру, сел в командную подлодку, а остальные выстроил в боевой порядок. Мы нашим отдали приказ занять Сазанский пролив и стволы орудий навести на советские суда. Адмирал Касатонов, который хотел запугать нас, ужаснулся. Он оказался в положении мыши в мышеловке, и, если бы он попытался осуществить свой план, мог бы оказаться на дне моря. 6 этих условиях адмирал вынужден был забрать только подводные лодки, обслуживаемые советскими экипажами, и выйти из залива.

* * *

Хрущёвцы взбесились. Они прибегали ко всякого рода саботажу, нарушили соглашения. Они вынуждены были отозвать своего посла Иванова, а вместо него послать некоего Шикина. Он должен был подготовить последний акт враждебного дела ревизионистов - раскол партии. Хрущёвцы намеревались осуществить раскол нашей партии на её IV съезде, к которому мы готовились. Но напрасно они надеялись добиться на нашем съезде того, чего им не удалось осуществить другими путями; они надеялись, что съезд осудит линию, которой придерживалось руководство нашей партии в Москве. В то время буржуазия и реакция, которые были проинформированы и прямо или косвенно подбиты хрущёвцами, титовцами и их агентами, развернули клеветническую кампанию против нашей страны и нашей партии. Они надеялись, что и в Албании произойдёт ревизионистский катаклизм. «Энвер Ходжа, шеф

Коммунистической партии Албании, скоро будет снят с занимаемого поста в результате Совещания коммунистических руководителей мира, состоявшегося в прошлом месяце в Москве», - передавало в канун нашего IV съезда какое-то западное телеграфное агентство в своём комментарии, ссылаясь на белградские источники.

«Согласно утверждениям исследователей Восточной Европы, Москва воспользуется своим влиянием, чтобы произвести изменения в Коммунистической партии Албании, которая на московском Совещании придерживалась твёрдой линии», - сообщали в те дни телеграфные агентства империалистических стран, и добавляли: «Хотя коммунистический Китай принял советскую линию, албанцы упорно отстаивают свои позиции».

Мы с пренебрежением читали эти сообщения гадальщиков из лагеря империализма, хорошо зная, чья рука писала их.

25 ноября 1960 г. на встрече, состоявшейся между делегациями АПТ и КПСС, сам Микоян сказал товарищам Мехмету и Хюсни:

- Вы увидите, какие трудные ситуации сложатся для вашей партии и вашего народа в результате вашего поворота в отношениях с Советским Союзом.

Подобные угрожающие заявления, то открытые, то прикрытые, мы слышали отовсюду.

Несмотря на это, мы хладнокровно продолжали свой путь: пригласили на свой съезд делегации из Коммунистической партии Советского Союза и из остальных коммунистических и рабочих партий. Из Советского Союза приехали Поспелов и Андропов, из Чехословакии - некий Барак, министр внутренних дел, впоследствии посаженный в тюрьму за воровство, и др. Пусть они своими собственными глазами увидят, кто такие Албанская партия труда и албанский народ, пусть они попробуют осуществить свои скрытые намерения. Они попали бы в западню.

День открытия съезда превратился в настоящий всенародный праздник. Народ сопровождал делегатов до здания, где должна была проходить работа съезда, приветствуя их цветами, песнями и танцами. Съезд уже начал свою работу, а праздник на улице всё продолжался. Это был первый ответ, с самого начала данный хрущёвским ревизионистам. Другие же сокрушительные удары они получили на самом съезде.

Никогда и в голову не приходило Поспелову, Андропову и их лакеям, что они попадут в такой огонь, который наши сердца согревал и укреплял, а их - сжигал и ослеплял. За всё время работы съезда со всем своим блеском проявлялись стальная сплочённость нашей партии вокруг своего Центрального Комитета, высокая зрелость и тонкое марксистско-ленинское чутьё делегатов, бдительность, дальнозоркость и готовность каждого делегата дать достойную отповедь любой вылазке ревизионистских «друзей».

Речь Поспелова, которая по расчётам ревизионистов должна была вызвать раскол на нашем съезде, совершенно не вызвала аплодисментов, наоборот, делегаты съезда встретили её холодно и с пренебрежением. Андропов с ложи открыто указывал своим марионеткам, когда аплодировать, когда сидеть, а когда вставать. Было воистину смешно смотреть на них. Они полностью дискредитировали себя как своим поведением, так и своими непристойными поступками.

На съезде присутствовал также представитель Коммунистической партии Китая, Ли Сяньнянь, который всё время истуканом сидел при виде энтузиазма делегатов. Он с трибуны съезда сказал несколько хороших слов в адрес нашей партии, однако нам «посоветовал» быть сдержанными и осторожными и не прекращать переговоры с Хрущёвым. Мы же делали своё.

При виде монолитной сплочённости наших рядов, в которых не было даже тени раскола, хрущёвцы усилили вмешательство, давление и шантаж. Они во всём и везде провоцировали нас.

- Что это такое?! - разгневанно обратился Андропов к сопровождавшему его работнику аппарата Центрального Комитета партии. - Зачем такие бурные возгласы в адрес Энвера Ходжа?!

- Идите спросите их самих! - ответил ему наш товарищ. - Кстати, скажите, - спросил его наш товарищ, - что же чествовать, если не марксизм-ленинизм, если не партию и её руководство?! Или же вы думаете предложить нам поставить во главе партии кого-либо другого?

Андропов получил отпор и повесил голову. Начали действовать греческий делегат и Рудольф Барак, делегат Чехословакии. Барак, в частности, самыми низкопробными хулиганскими действиями изливал на нас желчь, но этим самым он ещё больше дискредитировал как самого себя, так и тех, кто его послал к нам.

Между тем к действию уже перешли и хрущёвские журналисты. Чего только не делали они и те, кто ими командовал, чтобы «выявить» какой-нибудь пробел, ухватиться за него, а затем перейти в наступление! Однако они ничего не добились. Работа съезда шла как часы, албанские коммунисты с высоким чувством ответственности подводили итоги пройденного пути и намечали задачи на будущее. Однако и журналисты не могли уехать «ни с чем», так как им предстояло отчитываться перед своими хозяевами, и они нашли один «пробел»:

- Есть много оваций, так что заседания продолжаются более полутора часов - гневно сетовал какой-то горе-корреспондент ТАСС, приехавший в те дни из Москвы следить за работой съезда.

- А что же делать? Запрещать делегатам скандировать, что ли?! - с иронией спросил сопровождавший его наш товарищ.

- Соблюдать отведённый срок! Полтора часа, и точка, - ответил «журналист».

- В том-то и дело, что работой съезда руководят не журналисты, а

избранный президиум, - ответил наш товарищ. - Во всяком случае, - сказал он ему, - если вы сочтёте нужным, заявите протест против оваций…

* * *

После съезда, до своего отъезда, Поспелов и Андропов попросили встречи с нами.

- Хотим беседовать с вами о некоторых вопросах, касающихся товарищеских взаимоотношений, - сказал Поспелов, который первым взял слово. - Мы хотим укрепления дружбы между нами, хотим крепкой дружбы.

- Мы тоже хотели и хотим её, - ответил я, - но не думайте, что эту тесную дружбу можно укрепить «святым духом». Такая дружба возможна только при правильном и последовательном проведении в жизнь принципов марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма.

В продолжение своих слов я напомнил Поспелову некоторые из их антимарксистских и антиалбанских действий, и отметил, что на том пути, на который встало советское руководство, никак не может быть дружбы.

- Вы вмешиваетесь во внутренние дела советского руководства, - сказал он.

- Говорить, что тот или иной взгляд или поступок того или иного руководителя неправилен, - ответил я Поспелову, - это вовсе не вмешательство во внутренние дела данного руководства. Нам никогда не приходило и не приходит в голову вмешиваться в ваши внутренние дела. Однако вам следует уяснить себе, что мы также не позволяли и ни в коем случае не позволим, чтобы советское руководство вмешивалось во внутренние дела нашей партии. Каждая партия - хозяин в своём доме.

- Правда, - отметил я далее, - между двумя нашими партиями имеются большие идеологические разногласия. И мы открыто, в соответствии со всеми ленинскими нормами, высказали вам наше мнение о них. Вы взвились до потолка и, помимо всего другого, эти идеологические разногласия распространили и на другие области. Микоян хотел испугать нас «тяжёлыми ситуациями», которые создадутся в нашей партии, и это была угроза. Вы видели обстановку у нас, - сказал я ему, - поэтому расскажите и Микояну о том, что вы видели на IV съезде нашей партии, скажите ему, насколько «расколота» наша партия!

Эти подлецы, помимо всего прочего, добивались пересмотра всех соглашений и протоколов о кредитах, которые они предоставили нам на текущую пятилетку. И для этого они хотели, чтобы я поехал в Москву.

Мы решительно отвергли эти их враждебные нам требования, за которыми скрывались тёмные замыслы.

- Экономика - это другая область, на которую вы распространили существующие между нами идеологические разногласия, - сказали мы Поспелову и Андропову. - Это идёт вразрез с марксизмом; более того, это

не к лицу такой партии и такому государству, как ваши.

- Не понимаем вас, - сказал Поспелов. - В чём вы видите это?!

- Имеются десятки фактов, - сказали мы. - Но возьмём хотя бы ваше обращение с нашей экономической делегацией, съездившей в ноябре прошлого года в Советский Союз. Она целые месяцы возилась в Москве. Никто не принимал, никто не слушал её. Только за дни своего пребывания там, помимо всего другого, наша экономическая делегация направила вашим соответствующим органам более 20 писем и телеграмм, но ответа никакого не получила, никакие вопросы не обсуждались, никаких документов не было подписано. Что вы думаете, не понимаем мы, почему вы встали на такие позиции, отдающие шантажом?

- Когда к вам приезжают югославы, вы с ними заканчиваете переговоры за 10 дней, - заметил Мехмет.

- Приехал к вам в Москву и военный министр Индонезии, и вы сразу же заключили соглашение, предоставив ему крупные кредиты на вооружение, - сказал я им, - тогда как на маленькую социалистическую Албанию, с которой вы имеете соглашения, перестали обращать внимания.

- Надо будет вам приехать в Москву для переговоров, - сказали они, повторяя настоятельное требование Хрущёва о том, чтобы я поехал туда.

- Мы дали вам письменный ответ, - сказал я, - мне и Мехмету незачем ехать в Москву обсуждать проблемы, которые давно обсуждены и решены. Вам хорошо известно, что соглашение о кредитах на нашу будущую пятилетку мы обсуждали и составляли вместе, причём не только в принципе, но и детально, по всем объектам. На его основе приехали сюда советские специалисты, были составлены проекты и т.д. А вы теперь требуете, чтобы мы снова приехали к вам пересмотреть соглашения! Зачем?! Мы не согласны изменить ни на йоту детализированные документы, подписанные обеими сторонами на высоком уровне, - ответил я ревизионистам, и далее отметил:

- Мне незачем ехать и не хочется ехать в Москву. Что касается соглашений, то перед вами два пути: либо соблюдать их, либо нарушить. От вас зависит, какому пути следовать. Если вы нарушите соглашения и будете продолжать идти по враждебному, антимарксистскому пути, мир осудит и заклеймит вас. Мы прямо, как марксисты, говорили вам всё, что имели против вас. Теперь вам выбирать: или путь марксистско-ленинской дружбы, или путь вражды.

* * *

Хрущёв исчерпал все средства. По отношению к нам он прибег ко всему: махинациям, коварству, ловушкам, шантажу, однако все эти средства оказались для него безрезультатными.

Тогда он открыто выступил против нас. На XXII съезде своей партии, в октябре 1961 г., Хрущёв публично атаковал Албанскую партию труда и

оклеветал её.

Мы сразу же открыто ответили на его низкопробные антиалбанские нападки и через печать ознакомили партию и народ как с обвинениями Хрущёва против нас, так и с нашей позицией в отношении этих обвинений и нападок.

Хрущёв тут же получил ответ не только от нас, но и от всего албанского народа: самые различные слои населения, коммунисты и народ нашей страны в тысячах и тысячах телеграмм и писем, поступавших в те дни в адрес нашего Центрального Комитета со всех концов Албании, выражая своё глубокое и законное возмущение против предательских деяний Н. Хрущёва, всеми силами поддерживали линию партии, клялись защищать и последовательно проводить эту правильную линию, невзирая на то, с какими испытаниями и лишениями это будет сопряжено.

Хрущёв предпринял против нас и последний акт - единственное, что у него осталось - в одностороннем порядке разорвал дипломатические отношения с Народной Республикой Албанией. Это было последнее проявление его отчаянной мести: «Пусть их поглотят империалисты, - думал он, - раз они не захотели оставаться под моим зонтом». Однако он ошибся - страшно, грубо, как он ошибался всю жизнь. Мы решительно выступили против Хрущёва и его лакеев. Албанская партия труда с героизмом и марксистско-ленинской зрелостью устояла перед натиском ревизионизма, руководимого Хрущёвым, и противодействовала с большой решительностью, образцовой сплочённостью и большой марксистско-ленинской ясностью, используя при этом неопровержимые, неоспоримые доводы и факты.

Революционному слову и мысли Албанской партии труда с уважением внимали всюду в мире. Пролетариат увидел, что небольшая по численности партия успешно и доблестно отстаивала марксизм-ленинизм от правящих ревизионистских клик. Коммунисты, революционеры, борцы за дело освобождения народов не могли быть введены в заблуждение демагогией хрущёвских ревизионистов.

Настанет день, когда советский народ подвергнет строгой каре хрущёвцев, а албанский народ и Албанскую партию труда будет любить и уважать так, как он любил их в лучшие времена, ибо наш народ и наша партия решительно боролись против хрущёвцев, наших общих врагов.

Приложение. О «культе личности» Сталина

Из речи Э. Ходжа на московском Совещании коммунистических и рабочих партий в ноябре 1960 г.

...Что происходит в наших партиях? Что происходит в нашем лагере после XX съезда КПСС? Товарищ Суслов может быть очень оптимистически настроен, как он выразился во время работы октябрьской комиссии, обвиняя делегацию Албанской партии труда, товарища Хюсни

Капо в пессимистическом подходе к событиям. Мы, албанские коммунисты, не были пессимистами даже в самые мрачные времена истории нашей партии и нашего народа и никогда не будем ими, но реалистами будем всегда. Много говорят о нашем единстве. Оно необходимо, и мы должны бороться за то, чтобы упрочить и сцементировать его. Но это факт, что по многим важным принципиальным вопросам у нас нет единства. Албанская партия труда считает необходимым пересмотреть вопросы в свете марксистско-ленинского анализа и исправить ошибки там, где они имеются.

Возьмём вопрос о критике Сталина и его дела. Будучи марксистско-ленинской партией, наша партия полностью отдаёт себе отчёт в том, что культ личности является вредным и чуждым коммунистическим партиям и самому коммунистическому движению. Марксистские партии должны не только не допускать развития культа личности, который сдерживает активность масс, отрицает их роль, противоречит развитию самой партийной жизни и регулирующим её законам, но и всеми силами бороться за искоренение его, когда он начинает появляться или уже появился в данной стране.

Но, по нашему мнению, на XX съезде и особенно в секретном докладе товарища Хрущёва вопрос о товарище Сталине не был поставлен правильно и с марксистско-ленинской объективностью. По этому вопросу Сталин был сурово и несправедливо осуждён товарищем Хрущёвым и XX съездом.

Товарищ Сталин и его деятельность являются достоянием не только Коммунистической партии Советского Союза и советского народа, но и всех нас. Подобно тому, как товарищ Хрущёв в Бухаресте представил вопрос так, будто разногласия существуют не между Коммунистической партией Советского Союза и Коммунистической партией Китая, а между Коммунистической партией Китая и международным коммунизмом, подобно тому, как ему нравится говорить, что решения XX и XXI съездов были приняты всеми коммунистическими и рабочими партиями мира, он должен проявить великодушие и последовательность в суждении о действиях Сталина и сделать так, чтобы и решение по этому вопросу было принято вполне сознательно коммунистическими и рабочими партиями всего мира. В этих вопросах не может быть двух мерил.

Но в таком случае, почему на XX съезде товарищ Сталин был осуждён без предварительной консультации с другими коммунистическими и рабочими партиями мира? Почему перед коммунистическими и рабочими партиями мира нежданно-негаданно Сталин был предан «анафеме» и многие братские партии узнали об этом лишь тогда, когда империалисты напечатали тайный доклад товарища Хрущёва и тоннами выбрасывали его на рынках?

Коммунистическому миру и прогрессивной общественности осуждение товарища Сталина было навязано товарищем Хрущёвым. Что могли сделать наши партии в этой обстановке, когда совсем неожиданно, используя большой авторитет Советского Союза, им всем стали

навязывать это? Албанская партия труда оказалась перед большой дилеммой: она не была убеждена и никогда не будет убеждена в справедливости осуждения товарища Сталина таким образом и в тех формах, как это было сделано товарищем Хрущёвым. Наша партия в целом приняла формулировки XX съезда по этому вопросу, но тем не менее она не придерживалась рамок, определённых этим съездом, она не поддалась шантажу и запугиванию извне.

Албанская партия труда проявляла трезвость и справедливость в вопросе о Сталине, сохранила признательность этому славному марксисту, которого при жизни ни один «храбрец» среди нас не осмелился критиковать и которого после его смерти стали обливать грязью, причём создалась и создаётся невыносимая обстановка, ибо обезглавлена целая славная эпоха Советского Союза, эпоха, когда было создано первое в мире социалистическое государство, окреп Советский Союз, были успешно сорваны империалистические заговоры, были разгромлены троцкисты, бухаринцы, кулачество как класс, завершились победой создание тяжёлой индустрии, коллективизация, одним словом, эпоха, когда Советский Союз стал колоссальной великой державой, успешно построившей социализм, а в период Второй мировой войны проявившей легендарный героизм и разгромившей фашизм, освободившей наши народы, эпоха, когда был создан могучий лагерь социализма и т.д. и т.п.

Албанская партия труда считает несправедливым, ненормальным и немарксистским, чтобы из всей этой эпохи были вычеркнуты имя и великое дело Сталина, как это стараются сделать. Славное и бессмертное дело Сталина должны защищать мы все, - кто не защищает его, тот оппортунист и трус.

Товарищ Сталин, как лицо и как вождь Коммунистической партии большевиков, является в то же время, после смерти Ленина, самым выдающимся вождём международного коммунизма, оказавшим положительное и авторитетное влияние на упрочение и развитие завоеваний коммунизма во всём мире. Все теоретические труды товарища Сталина являются ярким свидетельством его верности гениальному учителю, великому Ленину и ленинизму. Сталин боролся за права рабочего класса и трудящихся во всём мире, он с величайшей последовательностью и до конца боролся за свободу народов наших стран народной демократии. Уже поэтому Сталин принадлежит всему коммунистическому миру, а не только советским коммунистам, принадлежит трудящимся всего мира, а не только советским трудящимся.

Если бы товарищ Хрущёв и советские товарищи смотрели на этот вопрос так, то не были бы допущены те большие ошибки, которые произошли. Но они подошли к вопросу о Сталине слишком просто и только сквозь внутреннюю призму Советского Союза. Но, по мнению Албанской партии труда, даже сквозь эту призму они подошли к делу однобоко, видели только его ошибки, почти полностью упустили из виду его великую деятельность, его великий вклад в дело укрепления Советского

Союза, закалки КПСС, подъёма экономики СССР, промышленности, колхозного сельского хозяйства, его роль в руководстве советским народом и в достижении великой победы над немецким фашизмом.

Были ли у Сталина ошибки? Конечно, были. За такой длительный период, богатый героическими подвигами и усилиями, войнами и победами, не могло не быть ошибок, причём не только личных ошибок Иосифа Сталина, но и руководства, как коллективного органа. Какая партия и какой руководитель могут сказать, что они не допускают ошибок в своей работе? Когда делаются критические замечания в адрес нынешнего советского руководства, хотя товарищи из советского руководства советуют нам смотреть вперёд, они говорят, что надо отказаться от полемики, но когда речь шла о Сталине, то они не только не смотрели вперёд, но вернулись далеко, далеко назад, чтобы копаться только в слабых сторонах деятельности Сталина.

Культ личности Сталина обязательно надо было преодолеть. Но можно ли говорить, как говорили, что сам Сталин является творцом этого культа личности? Культ личности обязательно надо было преодолеть, но была ли необходимость и правильно ли было, чтобы на того, кто упоминал имя Сталина, сразу же указывали пальцем, а на того, кто пользовался цитатами Сталина, смотрели искоса?

Некоторые поспешно и с особым усердием разбили памятники Сталину, переименовали города, носившие его имя… Впрочем, зачем нам ходить далеко? В Бухаресте, обращаясь к китайским товарищам, товарищ Хрущёв сказал: «Вы цепляетесь за дохлую клячу», «если хотите, приезжайте и заберите и его останки». Это было сказано в адрес Сталина. Албанская партия труда официально заявляет, что она против подобных действий и подобных суждений о деле и личности И. В. Сталина.

Но почему же, советские товарищи, эти вопросы были поставлены таким образом и в таких искажённых формах, когда можно было отметить и исправить как полагается как ошибки Сталина, так и ошибки руководства и не вызывать такого большого потрясения в сердцах коммунистов всего мира, которым только их дисциплинированность и уважение к Советскому Союзу не позволили проявить возмущение. Товарищ Микоян говорил, что они не осмеливались критиковать товарища Сталина при жизни потому, что он снял бы им голову. Мы уверены в том, что товарищ Хрущёв не снимет нам головы за справедливую критику в его адрес. После XX съезда произошли уже известные события в Польше, в Венгрии разразилась контрреволюция, начались нападки на советскую систему, имели место потрясения во многих коммунистических и рабочих партиях мира и всем известно, что происходит ныне.

Мы задаём вопрос: От чего всё это произошло в международном коммунистическом движении, в нашем лагере после XX съезда? Или, может быть, это происходит от того, что руководство Албанской партии труда является сектантским, догматическим и пессимистическим? Нас это должно исключительно беспокоить, мы должны найти источник болезни и вылечить её. Конечно, болезни не излечишь ни похлопыванием по плечу

ренегата Тита, ни заявлениями о том, что современный ревизионизм окончательно разгромлен, как утверждают советские товарищи.

Авторитет ленинизма был и остаётся решающим фактором. Он должен быть восстановлен так, чтобы коренным образом и повсеместно были искоренены ошибочные взгляды. Иного пути у нас, коммунистов, нет. Если можно и нужно представлять вещи в реальном свете, такими, какими они есть, то это следует сделать теперь же, пока не поздно, на настоящем совещании. По нашему мнению, коммунисты должны спать со спокойной совестью, они должны крепить марксистское единство, а достигнуть его можно, только отбросив утайки, пристрастия и злобу. Коммунист должен выкладывать то, что у него на душе, о делах следует судить правильно.

Могут найтись такие люди, которым не понравится то, что говорит наша маленькая партия; нашу маленькую партию могут изолировать, на нашу страну могут оказать экономическое давление, чтобы доказать нашему народу, что его руководство, мол, негодно; нашу партию могут подвергнуть нападкам, что и делается. Михаил Суслов сравнивает Албанскую партию труда с буржуазными партиями, а её руководителей - с Керенским. Но это нас не пугает. Мы уже к этому привыкли. Ранкович отозвался о нашей партии не лучше. Тито назвал нас Геббельсами, но мы всё-таки остаёмся ленинцами, а они - троцкистами, предателями, слугами и агентурой империализма.

* * *

В заключение мне хотелось вкратце коснуться проекта заявления, предложенного редакционной комиссией. Наша делегация ознакомилась с этим проектом и внимательно изучила его. В новом представленном проекте имеется много изменений, по сравнению с первым вариантом, представленным советской делегацией, который был взят за основу для работы редакционной комиссии. Благодаря внесённым изменениям, проект значительно улучшился, в новом проекте закреплены многие важные идеи, правильнее сформулированы многие положения, сняты в подавляющем большинстве намёки против Коммунистической партии Китая.

Делегация нашей партии на заседании редакционной комиссии внесла целый ряд замечаний, которые частично приняты. Хотя наша партия была против того, чтобы некоторые важные и принципиальные вопросы оставались в проекте, она дала своё согласие, чтобы этот документ был представлен настоящему совещанию, сохраняя за собой право ещё раз высказать своё мнение по всем тем вопросам, с постановкой которых она не была согласна.

Прежде всего мы считаем, что надо разрешить те пять вопросов, которые остались несогласованными, с тем, чтобы издать документ, принятый всеми единодушно. Мы считаем нужным, чтобы в заявлении была ясно выражена ленинская идея, высказанная в последнее время

товарищем Морисом Торезом, как и товарищем Сусловым в его речи на заседании редакционной комиссии, что абсолютная гарантия предотвращения войны может быть достигнута лишь тогда, когда социализм победит во всём мире или, по крайней мере, ещё в ряде других крупных империалистических стран.

Кроме того, надо изъять абзац, в котором говорится о фракционной и групповой деятельности в международном коммунистическом движении, ибо это, как мы уже объяснили и на заседании комиссии, не служит укреплению единства, а, напротив, подрывает его.

Мы также за снятие слов, касающихся преодоления вредных последствий культа личности, или же за то, чтобы после них добавить слова «имевшего место в ряде партий», что больше отвечает действительности.

Что касается этих вопросов и других замечаний, имеющихся у нас по проекту заявления, то я не хочу отнимать времени у совещания. Свои конкретные замечания наша делегация представит, когда будет рассмотрен сам проект заявления.

Будет хорошо и на пользу делу, если на настоящем совещании мы смело посмотрим в глаза ошибкам, залечим раны там, где они есть, ибо они могут загноиться и стать опасными. Мы не считаем за оскорбление, когда товарищи критикуют справедливо и на основе фактов, но мы никак не можем согласиться с тем, чтобы без оснований нас называли «догматиками», «сектантами», «узкими националистами» лишь за то, что мы ведём упорную борьбу против современного ревизионизма. Если кто-либо нашу борьбу против ревизионизма считает догматизмом или сектантством, то мы ему отвечаем: сними ревизионистские очки - и яснее будешь видеть…